РАЗБИТЫЯ ПОЛЧИЩА

или

Русскіе въ 1812 году.

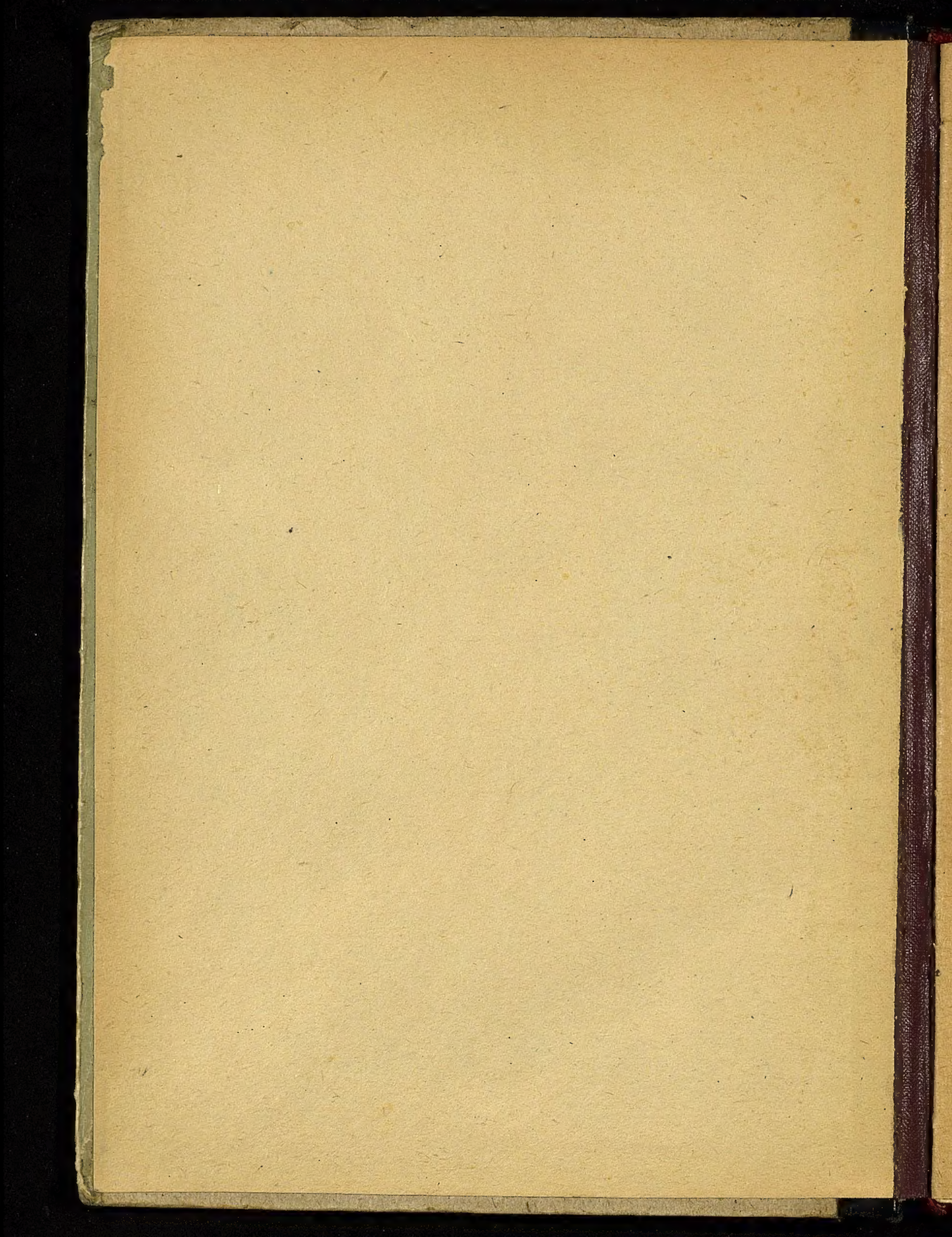

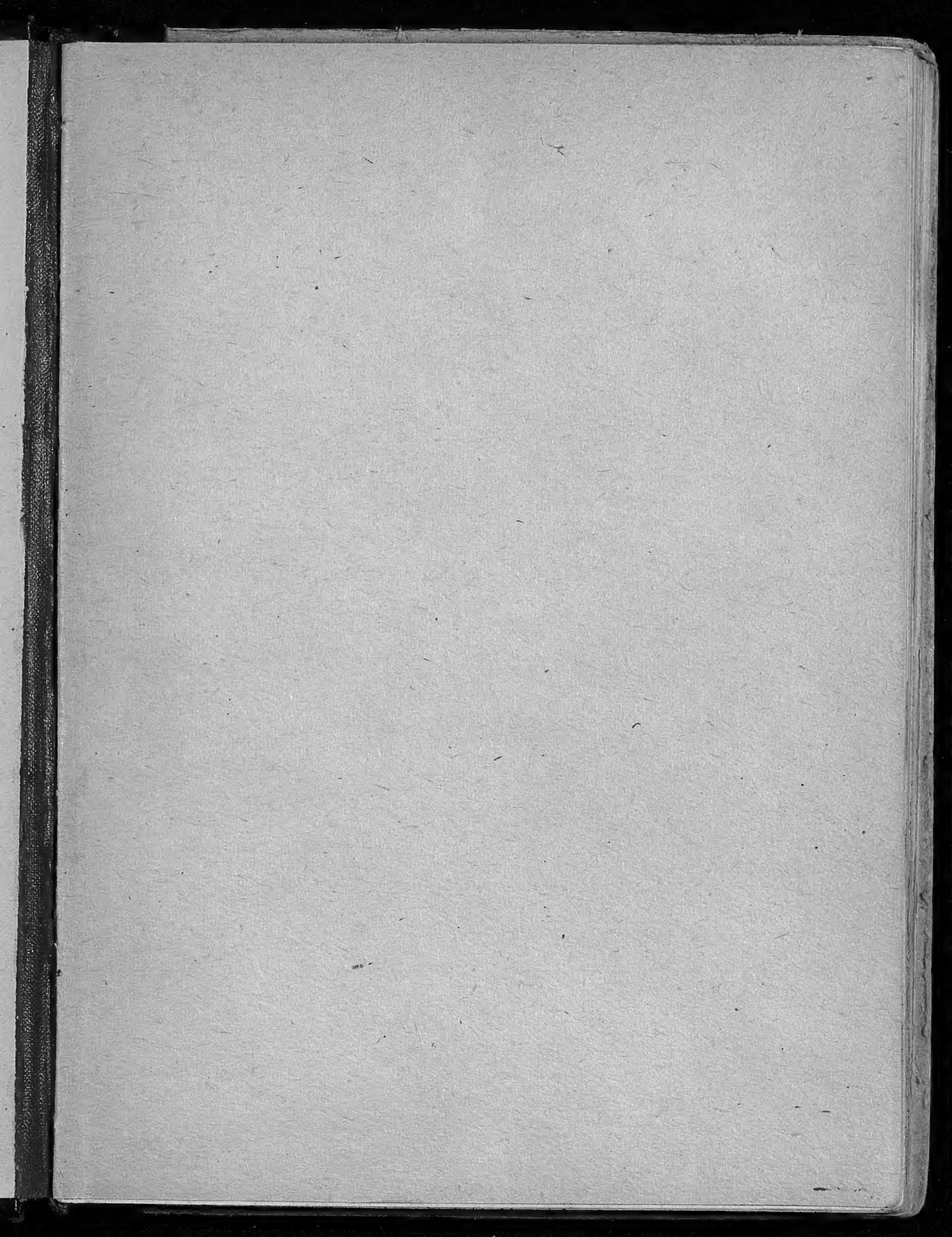
Разсказы и воспоминанія участниковъ, очевидцевъ и русскихъ писателей съ размѣщеніемъ статей въ послѣдовательномъ ходѣ историческихъ событій.

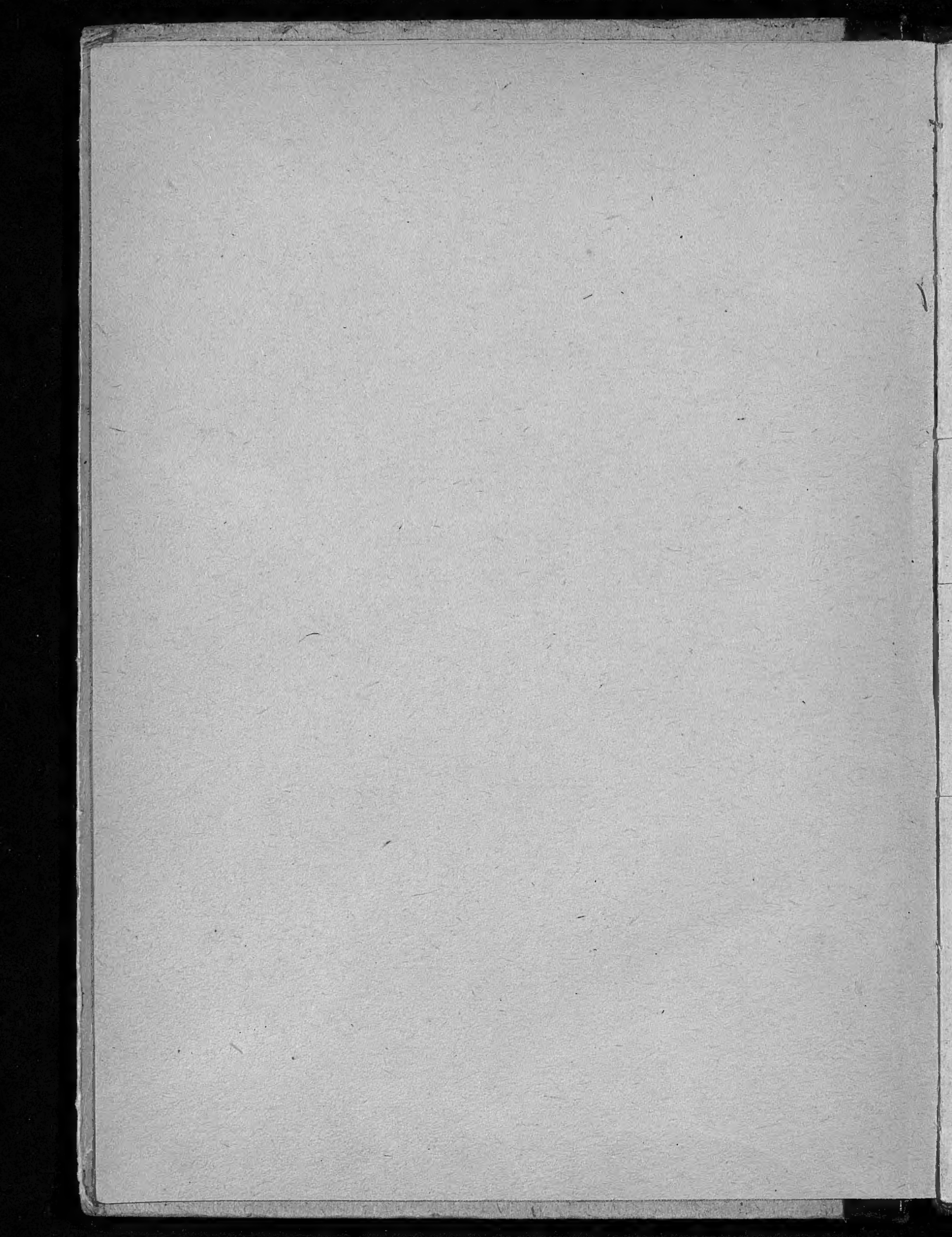
Составилъ **В. Андреевъ.**

Съ 87 портретами и рисунками.

Изданіе В. И. Губинскаго.

РАЗБИТЫЯ ПОЛЧИЩА

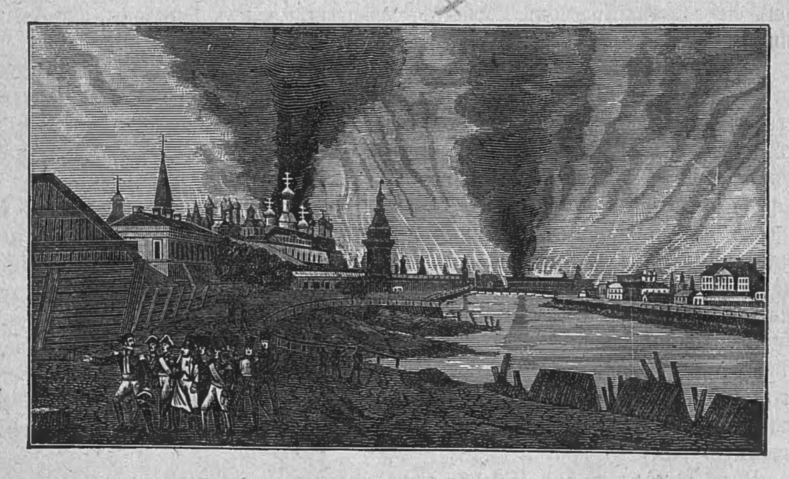
или

Русскіе въ 1812 году.

СБОРНИКЪ-ХРЕСТОМАТІЯ

разсказы и воспоминанія участниковъ, очевидцевъ и русскихъ писателей съ размѣщеніемъ статей въ послѣдовательномъ ходѣ историческихъ событій.

Составилъ **В. Андреевъ**.

Съ портретами и рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1912.

Незабвенный годъ. 12 разсказовъ о 1812 годѣ. Соч. **А. Е. Зарина**. Съ рисунками и портретами. Спб., ц 1. р. 1) **Федька-Звонарь**. Побѣдное отступленіе Невѣровскаго отъ Краснаго 2 августа. 2) **Первый партизанъ**. Ермолай Васильевъ. 3) **Самъ**. Наполеонъ въ сожженной Москвѣ. 4) **Предатель**. 5) **Гусаръ Марусинъ**. Битва при Тарутинѣ. 6) **Побѣгъ**. 7) **Шарикъ**. 8) **Маркитанка**. Отступленіе французовъ. Переправа черезъ р. Вопь. 9) **Набѣгъ** 10) **Мусье Шампунь**. 11) **Кружевница Прасковья**. 12) **Съ коня на балъ**.

1812 годъ. Историческій очеркъ Отечественной войны. Состав. **А. Е. Заринъ**. Съ 25 рис., и 36 портретами. 127 стр. Спб., ц. 40 к.

Разбитыя полчища или Русскіе въ 1812 году Сборникъ-хрестоматія съ размѣщеніемъ статей въ послѣдовательномъ развитіи хода событій, отъ вторженія Наполеона съ двунадесятью языками и до изгнанія его изъ русскихъ предѣловъ. Съ многочисленными рисунками изображающихъ сраженія и портретами славныхъ героевъ 1812 года, память коихъ дорога всякому русскому человѣку. Состав. В. Андреевъ. Спб., ц. 75 к.

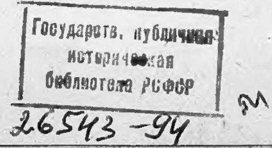
Кто изъ русскихъ людей не вспомнитъ о 1812 годѣ и ея бравыхъ герояхъ сражавшихся при Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, Бородинѣ, битвахъ при Тарутинѣ, Маломъ Ярославлѣ, Красномъ, Борисовѣ, переправѣ черезъ Березину, пребываніе французовъ въ Москвѣ, пожаръ Москвы, подвиги партизановъ, и пр. и пр.

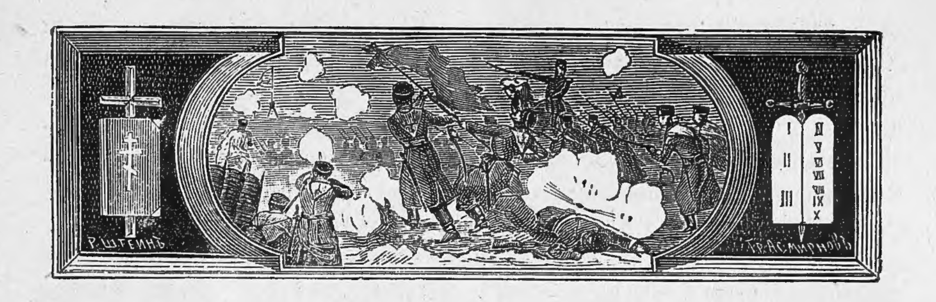
1812 годъ—былъ тяжелый годъ. Грозили цѣлости России, замышляли уничтожить ее и подчинить иноземному игу. Въ Россію хлынули несмѣтныя полчища, неся съ собою пожары, убійства, разоренія. Гдѣ протекали волны враговъ тамъ оставались однѣ развалины. Въ пепелъ былъ обращенъ Смоленскъ, огромнымъ костромъ запылала Москва, въ которую вторгся непріятель. Она сбросила съ себя ненавистныхъ напавшихъ на нее враговъ, поднявшись всей своей силой. Разбилъ полчища Наполеона, и уничтожилъ его гордыню народъ, поднявшійся на защиту своего Отечества. И царь, и генералы, и солдаты, и пахарь-мужикъ, и баринъ-помѣщикъ—всѣ слились въ одно цѣлое, непобѣдимо могучее, одушевленное, любовью къ Россіи и ненавистью къ кичливому врагу. Слова Царя: „не положу оружія, доколѣ не единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“, стали общимъ кличемъ. И гнѣвъ народа, какъ ураганъ, разметалъ и снесъ прочь несмѣтную вражескую силу.

Вотъ почему война 1812-го года названа въ нашей исторіи „Отечественной войной“. Это была война за Отечество, за его цѣлость, спокойствіе и за его славу.

Вотъ почему войну эту и всѣ эпизоды, къ ней относящіеся, долженъ знать каждый русскій, любящій свою родину.

Типографія П. Ѳ. Вощинской. Спб., Ярославская ул., 1—9.

Годъ, который, по счету, принятому христіанскою эрою, приходится двѣнадцатымъ въ девятнадцатомъ столѣтіи, безспорно составляетъ необычное исключеніе въ безконечномъ ряду тысячелѣтій, прожитыхъ коллективнымъ человѣкомъ, ибо съ тѣхъ поръ какъ человѣчество начало себя помнить, не было ни одного, положительно ни одного года, который бы остался до такой степени памятнымъ и единственнымъ, чтобы люди всего земного шара, не условливаясь между собою, при одномъ упоминаніи о немъ съ эпитетомъ, или скорѣе когноменомъ, „двѣнадцатый“, тотчасъ-же понимали-бы, что рѣчь идетъ о двѣнадцатомъ годѣ не восемнадцатаго столѣтія, не пятнадцатаго и никакого другого, а именно девятнадцатаго, и мало того съ именемъ этого года тотчасъ-же въ умѣ каждаго возникаетъ цѣлый рядъ извѣстныхъ, весьма сложныхъ, весьма рельефныхъ, то яркихъ и отрадныхъ, то большею частью мрачныхъ и обидныхъ для человѣческаго ума, но для всѣхъ болѣе или менѣе одинаковыхъ, или же до извѣстной степени сложныхъ представленій. Такого другого года нѣтъ ни въ одномъ изъ столѣтій и тысячелѣтій ни нашей эры, христіанской, ни эры библейской, ветхозавѣтной. О какомъ-бы годѣ не зашла рѣчь—о первомъ-ли, о пятнадцатомъ, двадцатомъ и т. д.,—всегда самъ собою является вопросъ: «какой годъ? какого столѣтія или какой эры?» Но никто не подумаетъ спросить этого, услыхавъ о годѣ съ эпитетомъ «двѣнадцатый». Всякій сразу пойметъ, о какомъ годѣ и о чемъ идетъ рѣчь, какъ всякому сразу станетъ ясно, о комъ говорятъ, когда скажутъ—«Цезарь», «Горацій», «Гуттенбергъ», «Наполеонъ», «Россія», «Петербургъ». Двѣнадцатый годъ—это единственный годъ въ безконечной шеренгѣ тысячелѣтій своихъ собратьевъ-годовъ, какъ Архимедъ или Ньютонъ суть единственныя личности среди милліоновъ и милліардовъ

*

себѣ подобныхъ существъ, безслѣдно и безвучно прошедшихъ по землѣ и забытыхъ людьми, какъ забыты ими тысячи годовъ, не оставившихъ по себѣ такой громкой и горькой памяти, какую оставилъ двѣнадцатый годъ, ставшій собственнымъ именемъ въ исторіи. Это какой-то необычайный выродокъ, уродъ въ безчисленной семьѣ стараго Хроноса давно потерявшаго счетъ своимъ дѣтямъ—годамъ, столѣтіямъ, тысячелѣтіямъ и т. д. до безконечности и безначальности.

Вслѣдствіе какихъ причинъ или, вѣрнѣе, вслѣдствіе какихъ несчастныхъ отклоненій въ процессѣ многотысячелѣтней жизни земного шара ветхій Хроносъ произвелъ на свѣтъ Божій этого урода—историки и неисторики говорятъ различно. Одни полагаютъ, что главною причиною родовъ страшнаго дѣтища девятнадцатаго вѣка былъ другой такой же выродокъ въ человѣческой семьѣ—«маленькій корсиканецъ», который геніальнымъ безуміемъ своимъ успѣлъ довести до такого-же, только слѣпого безумія одну половину Европы и согнать ее, какъ стадо голодныхъ шакаловъ, на другую половину—на Россію, отчего произошло страшное, небывалое столкновеніе западной половины нашего полушарія съ восточною. Другіе сваливаютъ вину временнаго обезумленія Европы скорѣе на Англію, чѣмъ на маленькаго корсиканца, который своею «континентальною системою» хотя и больно наступилъ на мозоль «царицы морей», однако «царица морей» могла-бы, говорятъ, и не поморщиться отъ этого, а она поморщилась и вовлекла Россію въ ужасную войну. Третьи находятъ, что виной столкновенія западной половины Европы съ восточною были «селедки» и «соль». Такъ по крайней мѣрѣ объясняетъ источникъ великой народной войны графиня Шуазель-Гуффье, которая съ свойственной ей милой наивностью говоритъ, что вслѣдствіе принятія Россіею континентальной системы, «со всѣхъ концовъ имперіи, среди дѣйствительнаго и мнимаго богатства, раздавался голосъ нищеты, такъ какъ прекратился всякій отпускъ за границу, всѣ порты были заперты, и ощущался недостатокъ въ необходимѣйшемъ народномъ для Россіи продуктѣ—въ соли». Графиня поясняетъ, что «можно было обойтись и безъ сахара, вина, но не безъ соли и сельдей, которыя (будто бы) составляютъ ежедневную пищу въ теченіи продолжительныхъ русскихъ постовъ»; что «англійскій кабинетъ тайно работалъ надъ возбужденіемъ всеобщаго неудовольствія» и т. д.; наконецъ, глубоко-талантливый, геніальный авторъ «Войны и Мира» съ неотразимой логикой и чарующей убѣдительностью доказываетъ, что маленькій корсиканецъ столько-же повиненъ въ томъ, что въ «двѣнад-

цатомъ году» случилось именно то, что случилось, какъ маленькій воробей повиненъ въ томъ, что земля вертится около своей оси, а Нева течетъ отъ Охты къ Пряжкѣ, а не отъ Пряжки къ Охтѣ.

Мордовцевъ. „Двѣнадцатый годъ“.

Характеръ Наполеона.

Наполеонъ Бонапарте, Императоръ Французовъ и пр., имѣетъ отъ роду 43 года. Ростомъ онъ въ пять футовъ и два дюйма. Сложеніемъ онъ крѣпокъ. Со времени принятія Императорскаго титула, онъ потолстѣлъ. Лицо его безобразно и неправильно; цвѣтъ лица желтоватъ. Физіономія его пасмурна; взглядъ свирѣпъ, и обыкновенный тонъ грубъ; голосъ могильный; уловки его неуклюжи; наружностью онъ простъ и часто весьма неопрятенъ. Въ обхожденіи холоденъ. При людяхъ представляется человѣкомъ угрюмымъ, которому ничто не нравится.

Наполеонъ.

Наполеонъ сошелъ съ позорища свѣта. Онъ умеръ въ званіи Императора и гражданина. Всякое открытіе касательно особы его позволено. Онъ принадлежитъ исторіи, вступилъ въ область потомства и сдѣлался ея собственностью. Всѣ говорятъ о немъ, всѣ на него жалуются. Я принялъ на себя другое дѣло: я хочу изъяснить его. Предпріятіе сіе не очень легко.

Наполеонъ былъ великъ духомъ, но на восточный манеръ. Онъ склонился къ величію жителей востока, но въ противорѣчіи съ самимъ собою и, увлекаемый собственною своею тяжестью, упадалъ изъ великаго въ малое. Онъ былъ всегда великъ въ первой мысли своей, всегда малъ и низокъ во второй. Кошелекъ его былъ подобенъ духу: онъ имѣлъ уголокъ щедрый и уголокъ скупой.

Геній его, сотворенный для обширнаго позорища вселенной и для шутовской комедіи, подобенъ былъ царской мантіи, наброшенной на одежду арлекина. Онъ жилъ въ крайностяхъ, равнялъ Альпы, пролагалъ дорогу чрезъ Симплонъ, расширялъ и стѣснялъ границы Океана— и наконецъ сдался въ плѣнъ англійскому кораблю.

Одаренный чудесною проницательностью, силою пламеннаго ума, имѣлъ онъ при каждомъ своемъ вопросѣ новыя мысли. Выраженія его были живы, обороты стихотворны; всѣ рѣчи его, и въ самой неправильности своей, имѣли важность. Въ языкѣ его всегда было нѣчто чуждое, слѣдственно, необыкновенное. Онъ любилъ софизмы, искалъ тонкостей, часто бросался въ сторону, но во всѣхъ своихъ сужденіяхъ показывалъ качества хорошаго математика. Заблужденія его были неисцѣлимы: онъ много обманывалъ, обманывалъ себя болѣе нежели другихъ. Къ истинѣ имѣлъ онъ видимое отвращеніе. Онъ отвергалъ ее не потому, чтобъ она была истина, но потому, что почиталъ ее глупостью, и противорѣчащею тому, что онъ самъ почиталъ истиною.

Обманъ въ немъ былъ сильнѣе коварства. Выраженія презрительныя и обидныя безпрестанно вертѣлись на языкѣ его. Онъ сочинилъ для себя правила оптики, которыя были вовсе противны обыкновеннымъ, т. е. онъ видѣлъ себя и другихъ въ совершенно иномъ, ложномъ свѣтѣ. Къ тому должно присовокупить ѳиміамъ лести, который совершенно вскружилъ ему голову, очаровательный кубокъ, изъ котораго упивалось его тщеславіе—и тогда можно будетъ изъяснить несообразности сего человѣка, который соединялъ въ себѣ самыя высокія и самые низкія качества, представлялся на тронѣ величественнымъ, а въ поколѣніяхъ своихъ Божествомъ, но вскорѣ потомъ упадалъ въ низость, и съ характеромъ разрушителя царствъ соединялъ качества подлаго шпіона, словомъ принялъ на себя роль Юпитера паяца, которой до него никто еще не игралъ.

Наполеонъ былъ разстроенъ излишнимъ самолюбіемъ, высокимъ мнѣніемъ о самомъ себѣ, которое препятствовало ему разсчитывать, и заставляло думать, что стоитъ только повелѣвать для достиженія всего на свѣтѣ. Оказываемое ему повиновеніе возбудило въ немъ мысль, что для него нѣтъ ничего невозможнаго. Я прилежно слѣдовалъ за нимъ въ семъ разстройствѣ ума его, и могъ бы въ точности опредѣлить различныя его степени. Главною эпохою было Ваграмское сраженіе или второй бракъ его. Въ сіе время, кажется, разсудокъ его оставилъ, или онъ, повидимому, бросилъ его, какъ орудіе вовсе безполезное. Съ тѣхъ поръ предался онъ безумію или неограниченному сумасшествію, которое потрясло Францію и повергло ее въ бездну.

Сынъ Отечества, 1815 г.

Политика Наполеона.

Философія міра сего, порожденіе разума, отдалившагося отъ первоначальнаго свѣта своего, и оставленная самой себѣ, во всѣ времена произвела особаго рода людей, которые, ничему болѣе не покоряясь, какъ необузданнымъ своимъ страстямъ, роскоши, честолюбію и алчности всѣмъ владѣть, всѣ свои искуства естественныя и трудомъ пріобрѣтенныя употребляли на тотъ конецъ, чтобъ только довольствовать испорченную свою волю, съ какими бы то обидами и притѣсненіями ближнихъ сопряжено не было. Во всѣхъ вѣкахъ, во всѣхъ странахъ и, можно сказать, во всѣхъ состояніяхъ были таковые вредомъ для человѣчества—отличившіеся люди. Такъ мы съ ужасомъ въ Исторіяхъ читаемъ имена Немвродовъ, Тарквиніевъ, Александровъ Македонскихъ, Силлъ, Маріевъ, Юліевъ, Кесарей, Августовъ, Октавіевъ, Нероновъ, Іуліановъ, Аттилъ, Тамерлановъ, Надировъ, многихъ Папъ, управлявшихъ по страстямъ своимъ кормиломъ церкви, отъ чего родились Вольтеры, д'Аламберты, и другіе ихъ ученики и сотрудники, произведшіе Французскую революцію, или совершенный адъ, извергнувшій изъ себя всякаго рода злодѣевъ. Но весь соборъ сихъ нечестивыхъ, кажется, вѣнчаетъ и еще болѣе увѣнчаетъ собою давно прославленный и еще славящійся разореніемъ и опустошеніемъ человѣчества такъ называемый отъ рабовъ мірской мудрости и страстей своихъ великій Наполеонъ.

Внѣшность Наполеона.

У Наполеона не было ничего величественнаго ни въ наружности, ни въ манерѣ. Въ его присутствіи я не чувствовала того невольнаго волненія, которое овладѣваетъ въ присутствіи знаменитости. Представляла я его себѣ съ отпечаткомъ геніальности: каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла маленькаго человѣчка толстенькаго, кругленькаго, безпрерывно покачивавшагося со стороны въ сторону, съ гладкими, плотно-лежавшими волосами и хотя съ красивыми, но не выразительными чертами лица. Въ нихъ не было даже выраженія той рѣзкости, которое придавали всѣмъ его портретамъ (исключая портрета, писаннаго Давидомъ). Напротивъ, было что-то кроткое въ его улыбкѣ, выказывавшей прекрасные зубы. Правда, издали лицо его, матовой бѣлизны, безъ всякихъ оттѣнковъ, и античный профиль имѣли нѣчто суровое; но вблизи впечатлѣніе это исчезало".

Воспоминанія графини Шуазель-Гуффье. Русская Старина, 1877 г.

Императоръ Александръ I.

Въ 1812 году Императору Александру было тридцать пять лѣтъ, но онъ казался гораздо моложе. Несмотря на тонкія и правильныя черты и нѣжный цвѣтъ лица, въ немъ прежде всего поражала не красота его, а выраженіе безконечной доброты. Выраженіе это привлекало къ нему сердца всѣхъ окружающихъ и сразу внушало полное къ нему довѣріе. Онъ былъ очень хорошо сложенъ, но станъ его, наклоненный немного впередъ, на манеръ древнихъ статуй, начиналъ уже полнѣть. Онъ былъ высокаго роста, осанку имѣлъ благородную и величественную. Чисто-голубые глаза его, несмотря на близорукость, смотрѣли быстро; въ нихъ просвѣчивалъ умъ и какое-то неподражаемое выраженіе кротости и мягкости. Глаза эти точно улыбались. Прямой носъ былъ прекрасно очерченъ; ротъ малъ и пріятенъ, весь профиль и окладъ лица напоминали красоту его августѣйшей матери. Даже недостатокъ волосъ на лбу не портилъ этого лица, а придавалъ ему выраженіе открытое и веселое. Золотисто бѣлокурые свои волосы онъ тщательно причесывалъ на манеръ античный Въ его голосѣ и манерѣ было безчисленное множество оттѣнковъ: въ разговорѣ съ значительными особами онъ принималъ величественный видъ, хотя былъ съ ними весьма любезенъ; съ приближенными обходился весьма ласково; доброта его доходила иногда до фамильярности; съ пожилыми дамами онъ былъ почтителенъ, съ молодыми—граціозно-любезенъ; тонкая улыбка мелькала на губахъ, глаза его принимали участіе въ разговорѣ. Слушая кого-нибудь, онъ подставлялъ слегка правое ухо, потому что, будучи еще юношей, былъ оглушенъ залпомъ артиллеріи, и плохо слышалъ на лѣвое ухо.

Императоръ Александръ I.

Ни одному живописцу не удалось передать вполнѣ выраженія

Князь Кутузовъ-Смоленскій.

Барклай-де-Толли.

Князь Витгенштейнъ.

Князь Беннингсенъ.

лица государя. Правда, онъ и не любилъ снимать съ себя портретовъ. Одинъ только Жераръ успѣлъ выпросить у него нѣсколько сеансовъ; но и тотъ, несмотря на все свое мастерство, не съумѣлъ передать характера лица государя. Онъ ему придалъ видъ завоевателя, который вовсе не гармонировалъ съ добрымъ выраженіемъ физіономіи.

Скульптурѣ болѣе посчастливилось, и я видѣла бюстъ Александра, превосходно сдѣланный однимъ берлинскимъ художникомъ. Говорятъ, что Торвальдсену тоже удалось вѣрно передать черты и выраженіе его лица".

Воспоминанія графини Шуазель-Гуффье. Русская Старина, 1877 г.

Высочайшій Манифестъ.

Непріятель вступилъ въ предѣлы НАШИ и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе Великой сей Державы. Онъ положилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестью въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для нее цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска НАШИ, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что останется неистребленнаго, согнать съ лица земли НАШЕЙ. МЫ полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрывать отъ вѣрныхъ НАШИХЪ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики, и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нее бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе НАШЕ воинство, полагаемъ МЫ за необходимо нужное собрать внутри Государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

МЫ уже воззвали къ первопрестольному Граду НАШЕМУ, Москвѣ, а нынѣ взываемъ ко всѣмъ НАШИМЪ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ НАМИ единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагу вѣрныхъ сыновей Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Бла-

городное дворянское сословіе! ты во всѣ времена было спасителемъ Отечества; Святѣйшій Сѵнодъ и духовенство! вы всегда теплыми молитвами призывали благодать на главу Россіи; народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ: со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ имъ для защиты Отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя Начальника надъ оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель.

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ лагерѣ близъ Полоцка,
1812 года Іюля 6-го дня.

Приказъ, данный арміямъ въ Вильнѣ, Іюня 13 дня.

Изъ давняго времени примѣчали МЫ непріязненные противъ Россіи поступки Французскаго Императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ НАШЕМЪ желаніи сохранить тишину, принуждены МЫ были ополчиться и собрать войска НАШИ; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ НАШЕЙ Имперіи, не нарушая мира, а бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго НАМИ спокойствія. Французскій Императоръ нападеніемъ на войска НАШИ при Ковнѣ открылъ первый войну. И такъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается НАМЪ ничего инаго, какъ призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы НАШИ противу силъ непріятельскихъ. Не нужно МНѢ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ НАШИМЪ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ.

АЛЕКСАНДРЪ.

Высочайшій Рескриптъ на имя Предсѣдателя Государственнаго Совѣта и Комитета Министровъ, Графа Салтыкова.

Графъ Николай Ивановичъ!

Французскія войска вошли въ предѣлы НАШЕЙ Имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое наблюденіе союза. Я, для сохраненія мира, истощалъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ Престола и пользою МОЕГО народа. Всѣ старанія МОИ были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо раззорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается МНѢ инаго, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные МНѢ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе МОЕГО народа и храбрость войскъ МОИХЪ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ со свойственною имъ твердостью и мужествомъ Провидѣніе благословитъ праведное НАШЕ дѣло. Оборона Отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудило НАСЪ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ МОЕМЪ. Пребываю вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

Іюня 13-го 1812 года, Вильна.

Высочайшій Рескриптъ на имя Митрополита Платона.

Преосвященнѣйшій Платонъ!

Я получилъ отъ васъ письмо и при немъ Образъ Преподобнаго Сергія. Первое принялъ я съ удовольствіемъ, какъ отъ знаменитаго и МНОЮ столь уважаемаго Пастыря Церкви, второе съ благоговѣніемъ. Образъ Святаго Поборника Россійскихъ военныхъ силъ велѣлъ Я отдать составляющемуся для защиты Отечества Московскому ополченію, да сохранитъ онъ его своимъ предстательствомъ у Престола Божія, и да продлитъ молитвами своими украшенные честію и славою дни ваши. Препоручая Себя молитвамъ вашимъ пребываю вамъ благосклонный.

АЛЕКСАНДРЪ.

19-го іюля 1812 г., Тверь.

„Августѣйшій Монархъ,

Государь Всемилостивѣйшій!

„Старецъ Симеонъ имѣлъ въ жизни блаженнѣйшій удѣлъ—пріять на руки своя Превѣчнаго Младенца, и изъ глубины восхищенныя души воспѣлъ священный гимнъ Владыкѣ міра. Я недостойный удостоенъ отвѣта Августѣйшей Особы Вашей, въ восторгѣ лобызаю Высокомонаршую десницу:—ношу бремя скучной старости; но какъ бы юнѣю въ сладостныхъ чувствіяхъ, благоговѣя къ любезнѣйшему Имени—Александръ, Государь! Вы по духу Христіанскаго благочестія благословили нововооружаемыхъ героевъ принесенною Вамъ отъ меня иконою Чудотворца Сергія. Много можетъ молитва Праведнаго поспѣшествуема. Покусится алчный врагъ, простретъ за Днѣпръ злобное оружіе, – и этотъ Фараонъ погрязнетъ здѣсь съ полчищемъ своимъ, яко въ Чермномъ морѣ. Онъ пришелъ къ берегамъ Двины и Днѣпра провести третію новую рѣку,—страшно выговорить! рѣку крови человѣческой. О! каждая капля крови воззоветъ отъ земли къ Небу. Крови брата твоего взыщу отъ руки твоея. Франція познаетъ въ Богѣ Господа отмщеній; а Россія возчувствуетъ, исповѣдаетъ, воспоетъ къ Нему: Авва Отче! Царю Небесный! Ты изведеши яко свѣтъ правду Монарха, и судьбу Россіи, яко полудне".

Платонъ Митрополитъ Московскій.

1812 г., іюня 23 дня,
Виѳанія.

Государь въ Москвѣ.

11-го іюля получено въ Москвѣ воззваніе Государя къ первопрестольной столицѣ; въ тотъ же самый день повѣщено, что Государь прибытіемъ своимъ осчастливитъ древнюю Столицу Русскихъ Царей.

Сильно были поражены Московскіе жители вѣстью о предстоявшей опасности всему Отечеству; но мысль, что чрезъ нѣсколько часовъ увидятъ Государя, успокоила и наполнила восторгомъ души и сердца.

Не во дни благоденствія познаются любовь и приверженность сердечная; гдѣ и во дни злополучные горятъ души любовью и усердіемъ, тамъ непреоборимое владычество усердія и любви. Государь Александръ Первый во дни ужаснѣйшихъ бѣдствій—убѣдился, что онъ Царь Отечества, Царь душъ и сердецъ.

Съ утра уже множество народа спѣшило за Драгомиловскую заставу, на Смоленскую дорогу. Внутри города священники въ облаченіи и со крестами стояли у своихъ приходовъ; въ Успенскомъ соборѣ собралось духовенство и знатнѣйшіе чиновники. Градоначальникъ Московскій поѣхалъ на встрѣчу Государю.

Въ эти часы радостнаго ожиданія, едва-ли кто помнилъ, что врагъ строптивый губитъ землю Русскую; всѣ пылали однимъ желаніемъ—скорѣе увидѣть Помазанника Божія. Гдѣ всѣ единодушны къ Богу и Царю, тамъ не торжество, но гибель врагамъ!

Живя недалеко отъ Драгомиловскаго моста, я около полудни пошелъ за заставу. Тысячи народа въ безчисленныхъ рядахъ тянулись непрестанно; съ сердечнымъ нетерпѣніемъ увлекали за собою другъ друга. Не было никакого особеннаго приказа; сердца и души всѣхъ и каждаго вели на встрѣчу Царя-Отца.

На Поклонной горѣ, откуда древняя столица является во всемъ великолѣпіи; откуда Наполеонъ въ первый разъ увидѣлъ златоглавые верхи храмовъ Божіихъ; увидѣлъ, чтобы никогда уже не видѣть ни славы, ни торжествъ—на Поклонной горѣ сидѣло множество отдыхающаго народа. Иные уклоняясь съ дороги, расположились подъ тѣнью деревъ, и перечитывали другъ другу „воззваніе къ первопрестольной Столицѣ Москвѣ“. Между тѣмъ, какъ каждый отъ этого отеческаго воззванія кипѣлъ гнѣвомъ противъ врага лютаго и ревновалъ вѣрною грудью стать за градъ первопрестольный, вдругъ принеслась отъ заставы вѣсть, что усердные Московскіе обыватели хотятъ изъ коляски Государевой выпрячь лошадей и несть на плечахъ до самаго Кремля. Безъ всякаго посторонняго внушенія, жители, отдыхавшіе на Поклонной горѣ и въ рощѣ, единодушно воскликнули: не уступимъ; мы впереди; мы прежде поспѣемъ; мы на себѣ понесемъ коляску Государеву. Ура! впередъ! Съ симъ словомъ двинулось нѣсколько сотъ впередъ, что они скорѣе радуясь, впередъ другихъ изъявятъ свое усердіе, при появленіи вдали кареты или коляски, радостно возглашали: ура! и не шли, но летѣли. Начинало уже смеркаться; на тринадцатой верстѣ отъ заставы, узнали отъ проѣзжихъ изъ села Перхушкова, гдѣ Государь изволилъ отдыхать, что Его Величество на другой день осчастливитъ Москву своимъ присутствіемъ... 18 іюля, одно только горестное чувствіе посѣтило сердца Московскихъ жителей; то, что они нѣсколькими часами позже увидятъ Царя милосерднаго.

Все то, что относится къ изъявленію народнаго духа, все то до-

стойно вниманія. Крестьяне деревни Филей, или села Покровскаго, находящагося въ трехъ верстахъ отъ заставы, по коренному Русскому обычаю, желая встрѣтить Государя съ хлѣбомъ и солью, послали двухъ гонцовъ верхами въ Перхушково. Гонцы свое дѣло исполнили; поспѣли увѣдомить, что Государь выѣхалъ, и хотя уже былъ двѣнадцатый часъ ночи, но священникъ Григорій Гавриловичъ села Покровскаго, имѣлъ счастіе встрѣтить Государя на Поклонной горѣ. Священникъ былъ въ облаченіи, со крестомъ на блюдѣ; престарѣлый дьяконъ держалъ свѣчу, разливавшую блескъ среди ночи. Государь ѣхалъ въ открытой колячкѣ, при семъ благоговѣйномъ зрѣлищѣ, тотчасъ приказалъ остановиться; изъ рукъ священника принялъ блюдо со крестомъ и приложился съ глубокимъ вздохомъ. Царь Русскій скорбѣлъ о народѣ своемъ; Царь небесный услышалъ воздыханіе своего Помазанника и спасъ Царя и Царство.

Императоръ Александръ I.

При встрѣчѣ Государя читаны стихиры Пасхи: «Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его». Воскресъ Богъ Русскій; расточились враги Царя благочестиваго!

По Ангельской своей скромности, Государь уклонился 11-го Іюля отъ торжественныхъ народныхъ кликовъ; въѣхалъ подъ мракомъ ночи въ Столицу предковъ и остановился въ Кремлевскомъ Дворцѣ.

12-е Іюля.

Уже строптивый врагъ напоромъ всѣхъ своихъ силъ тѣснился къ предѣламъ Смоленска; уже мечталъ, что Русская земля, попираемая его ногами, отнынѣ и навсегда будетъ волѣ его покорна. Злодѣй, ослѣпленный буйною гордостью, и помыслить не могъ, что власть надъ серд-

цами сильнѣе всѣхъ властей, и что торжество вѣры и вѣрности есть торжество природныхъ Государей, Помазанниковъ Божіихъ и отцевъ своихъ подданныхъ.

12-го Іюля, напечатлѣется въ лѣтописяхъ отечественныхъ торжествомъ любви Царя природнаго, надъ сердцами народа вѣрнаго.

Съ восходомъ солнечнымъ жители Московскіе начали стекаться въ Кремль. Тысячи народа шли за тысячами; на площади не оставалось свободнаго и ступня земли. Старцы воздвиглись съ одровъ желаніемъ узрѣть своего Царя, и матери съ младенцами безбоязненно тѣснились между безчисленными сонмами. Въ сей день каждый страшился только того, чтобы не опоздать къ тому мгновенію, когда выйдетъ изъ древнихъ царскихъ чертоговъ Царь православный, прибывшій съ полей битвъ къ отрадѣ общенародной. Казалось, будто-бы и природа согласовалась съ движеніемъ радостныхъ сердецъ: солнце въ полномъ блескѣ сіяло; но въ сей день, въ сіи часы, очи и души всѣхъ обращены были къ другому свѣтилу, — къ Царю-Отцу, который подъ мракомъ грозныхъ тучъ, озарялъ Свое Царство надеждою на Бога и довѣренностію къ Отечеству!

Вышелъ Царь Русскій изъ палатъ предковъ Своихъ; какъ Ангелъ Божій, явился народу на Красномъ крыльцѣ. Раздался звонъ колокольный; воскликнули сотни тысячъ голосовъ: да здравствуетъ Царь Государь! полетѣли шапки на воздухъ... Съ радостными возглашеніями: ура! мѣшались слезы и рыданія. Восторгъ, жалость, любовь къ Царю кроткому, гнѣвъ къ врагу лютому, волновали души и сердца. Тысячи людей Русскихъ въ слезахъ и рыдая, кричали отъ избытка душевнаго: Веди насъ Царь Государь! умремъ или истребимъ злодѣя!.. Съ того времени, когда Божіи Помазанники воцарились надъ народами, съ того самаго времени никто изъ Царей нигдѣ и никогда не былъ такъ встрѣченъ и привѣтствуемъ, какъ встрѣченъ былъ нашъ Царь, Отецъ подданныхъ и Царь сердецъ!

Что ощущало тогда сердце Царя Русскаго? Ему и Богу только извѣстно. Привѣтствуемый торжественными кликами, Государь остановился на Красномъ крыльцѣ; нѣсколько минутъ очи и сердце его обтекали сонмы народа вѣрнаго; потомъ шествовалъ къ Успенскому собору, и неоднократно останавливаемъ былъ порывами ревности и усердія. Иные припадали къ стопамъ Государя; другіе хватались за одѣяніе, и всѣ близъ стоявшіе со слезами восклицали: Отецъ нашъ! Ангелъ нашъ! да сохранитъ тебя Богъ!

Генералъ Раевскій.

Графъ М. И. Платовъ.

Князь Багратіонъ.

Графъ Коновницынъ.

Между тѣмъ звонъ колокольный продолжался; клики народные гремѣли неумолчно...

Преосвященный Августинъ во внутренности храма Божія повторилъ Государю въ прочувствованныхъ словахъ то, что происходило въ сердцахъ народа при встрѣчѣ Царя-Отца. „Тамъ, говорилъ духовный витія: тамъ, среди мощныхъ и храбрыхъ ополченій Своихъ, Ты мечешь перуны на дерзкаго врага; здѣсь воспламеняешь души наши любовію къ Тебѣ и Отечеству: тамъ двигаешь громы на пораженіе злобы; здѣсь возбуждаешь и движешь сердца наши на защищеніе возлюбленной Россіи; тамъ казнишь, здѣсь покоишь: тамъ мертвишь, здѣсь оживляешь". Въ сей день совершалось молебствіе о замиреніи съ Турціей, Государь Самъ былъ благовѣстителемъ мира... Да будетъ Онъ скорѣе въ древней Своей Столицѣ Ангеломъ благовѣстителемъ общаго избавленія Европы и человѣчества!..

Выходъ Государя изъ Успенскаго собора сопровождался новыми кликами. Всѣмъ казалось, всѣ были убѣждены, что Царь богобоязненный, поклонившійся гробамъ предковъ Своихъ, приложившійся къ Святымъ мощамъ, изъ стѣнъ храма Божія выводитъ съ собою спасеніе Отечества!.. Зрѣлище неописанное; зрѣлище, какимъ только въ землѣ Русской можетъ наслаждаться Царь благовѣрный: но и въ Русской землѣ едва-ли когда было подобное зрѣлище. Единодушное только избраніе на Царство Михаила Ѳеодоровича Романова можетъ сравниться съ этими восхитительными часами. Сколь судьбы Божіи неисповѣдимы! За двѣсти лѣтъ передъ симъ сынъ Великаго Патріарха Филарета, Михаилъ Первый возстановилъ Отечество, врагами раззоренное; черезъ двѣсти лѣтъ потомокъ Михаила, Александръ Первый, удержалъ упадающее Отечество и спасъ народъ, которому коварный и лукавый врагъ несъ вѣчныя цѣпи, вѣчный позоръ!

Всѣ часы, всѣ мгновенія 12-го Іюля ознаменовывались усердіемъ и любовью народной. Обѣденное время представило новое пріятное зрѣлище.

Обыватели Московскіе всякаго званія, лѣтъ и пола, взошедъ на Красное крыльцо, обступили всѣ окна, и пока продолжался столъ, не спускали глазъ съ Государя. Они радовались, они восхищались видя Русскаго Царя, вкушавшаго хлѣбъ-соль въ палатахъ предковъ и въ Первопрестольной Столицѣ. Когда хотѣли отдалять народъ, Государь говорилъ: не троньте! не троньте! Посему случаю одинъ почтенный любитель Отечества сказалъ: „въ одной только Москвѣ можно насладиться

столь восхитительнымъ сближеніемъ народа съ Государемъ. Добрые Русскіе Цари такимъ образомъ строили свои палаты, чтобы они могли всѣхъ видѣть и чтобы и люди Русскіе ихъ видѣли и къ нимъ приближались какъ дѣти къ отцамъ“.

12-го Іюля на Красной площади, въ виду древнихъ чертоговъ, передъ лицемъ божественныхъ храмовъ, гдѣ почіетъ прахъ Русскихъ Царей, въ стѣнахъ Кремля — воспріялъ новое пораженіе Наполеонъ кровожадный. На Красной площади, передъ лицемъ Царя благочестиваго, предъ лицемъ священныхъ соборовъ, изрекъ народъ православный клятву: или умереть, или истребить врага нечестиваго.

15 Іюля.

Каждый день пребыванія Государя въ Первопрестольной столицѣ, былъ днемъ торжества любви народной. 15 іюля будетъ также достопамятенъ въ потомствѣ по любви русскихъ къ Царю Русскому. Въ сей день повѣщено было дворянству и купечеству въ девять часовъ утра собраться въ Слободскомъ Дворцѣ въ двухъ различныхъ комнатахъ. Стекалось множество дворянъ и гражданъ, готовыхъ въ нуждѣ Отечества, не только отречься отъ своихъ выгодъ, но и нужды свои забыть.

Блаженъ Царь, любимый народомъ! блаженъ и народъ, управляемый Царемъ природнымъ! Народъ ввѣряетъ души свои Помазаннику Божію; а сей посредникъ между Богомъ и Его людьми, открываетъ всю душу, все сердце свое народу, вѣрному народу православному!..

Прибывъ во дворецъ, Государь тотчасъ пошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ совершаемо было молебствіе для испрошенія покровительства небеснаго. Моленія Царя-Отца за подвластный ему народъ сердцами и душой—такія моленія восходятъ къ Престолу Царя Царей, заступнику правоты и карателю насильства.

По окончаніи молебствія, Государь посѣтилъ купеческое сословіе. Государь началъ говорить, и съ произношеніемъ перваго слова слезы показались въ очахъ его. Сильною, священною ревностью закипѣли сердца всѣхъ гражданъ. Слезы Царя о народѣ, суть безцѣнный даръ! Градской голова, одушевленный ревностью, воскликнулъ: „Государь! мы всѣ готовы Тебѣ жертвовать имуществомъ и жизнью“. И въ то-же мгновеніе начались пожертвованныя подписки.

Въ дворянскомъ и купеческомъ собраніи, еще до прибытія Государя во дворцѣ читанъ былъ Высочайшій Манифестъ государственнымъ

статсъ-секретаремъ Шишковымъ. Когда-же все купечество соревнованіемъ воодушевилось въ пожертвованіяхъ, московскій градоначальникъ вышелъ въ дворянское собраніе и указывая на купеческую комнату, сказалъ: „вотъ оттуда будутъ щедрые дары на содержаніе ополченія; а намъ предоставилъ Государь выставить воиновъ".

Гдѣ души готовы на пользу Отечества, тамъ не нужны, многорѣчивыя пренія. Совѣщаясь между собою, усердные дворяне сказали: „все что имѣемъ, принадлежитъ Государю и Отечеству. Надо отдать все; предлагаемъ съ десяти душъ одного". Вскорѣ прибылъ Государь, и въ рѣчи своей изъяснилъ, что хотя онъ никогда не сомнѣвался въ усердіи дворянства, но при семъ случаѣ рвеніе дворянства превзошло даже его ожиданіе; и заключилъ сими словами: время всего дороже.

По отбытіи Государя изъ дворца, московскій градоначальникъ прочиталъ планъ составленія и вооруженія ополченія. Немедленно были учреждены два комитета: одинъ для пріема новыхъ защитниковъ Отечества; другой для пріема пожертвованій, приносимыхъ на алтарь Отечества.

Русскій Вѣстникъ, 1814 г.

Отъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода воззваніе.

Божіею милостію Святѣйшій Правительствующій Всероссійскій Сѵнодъ.

„По благодати, дару и власти, даннымъ намъ отъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа, Его великимъ и сильнымъ Именемъ взываемъ ко всѣмъ благовѣрнымъ чадамъ Россійскія Церкви.—Съ того времени, какъ ослѣпленный мечтою вольности французскій народъ ниспровѐргнулъ престолъ единодержавія и алтари христіанскіе, мстящая рука Господня видимымъ образомъ отяготѣла сперва надъ нимъ, а потомъ, чрезъ него и вмѣстѣ съ нимъ, надъ тѣми народами, которые наиболѣе отступленію его послѣдовали. За ужасами безначалія слѣдовали ужасы угнетенія. Одна брань рождала другую, и самый миръ не приносилъ покоя. Богомъ спасаемая Церковь и Держава Россійская доселѣ была по большей части сострадающею зрительницею чуждыхъ бѣдствій, какъ-бы для того, чтобы тѣмъ болѣе утвердилась во упованіи на Промыслъ, и тѣмъ съ большимъ благодушіемъ приготовилась срѣтить годину искушенія. Нынѣ сія година искушенія касается насъ, россіяне! Властолюбивый, ненасытимый, не хранящій клятвъ, не уважающій алтарей, врагъ, дыша столь-же ядовитою лестію, сколько лютою злобою, покушается на нашу свободу, угрожаетъ домамъ нашимъ, и на благолѣпіе

храмовъ Божіихъ еще издалеча простираетъ хищную руку. Сего ради взываемъ къ вамъ, чада Церкви и Отечества! пріимите оружіе и щитъ, да сохраните вѣрность и вѣру отцовъ нашихъ. Приносите съ благодареніемъ Отечеству тѣ блага, которыми Отечеству обязаны. Не щадите временнаго живота вашего для покоя Церкви, пекущейся о вашемъ вѣчномъ животѣ и покоѣ. Помяните дни древняго Израиля и лѣта предковъ нашихъ, которые о имени Божіемъ съ дерзновеніемъ повергались въ опасности, и выходили изъ нихъ со славою. Взываемъ къ вамъ, мужи именитые, стяжавшіе власть или право на особенное вниманіе своихъ соотечественниковъ, предшествуйте примѣромъ вашего мужества и благородной ревности тѣмъ, которыхъ очи обращены на васъ. Да воздвигнетъ изъ васъ Господь новыхъ Навиновъ, одолѣвающихъ наглость Амалина, новыхъ Судей, спасающихъ Израиля, новыхъ Маккавеевъ, огорчающихъ Цари многи и возвеселяющихъ Іакова въ дѣлѣхъ своихъ.

Наипаче же взываемъ къ вамъ, Пастыри и служители алтаря! яко же Моисей во весь день брани съ Амаликомъ не восхотѣлъ опустить рукъ, воздѣянныхъ къ Богу, утвердите и вы руки ваша въ молитвѣ дотолѣ, доколѣ не оскудѣютъ мышцы борющихся съ нами. Внушайте сынамъ силы упованіе на Господа силъ. Вооружайте словомъ истины простыя души, открытыя нападеніямъ коварства. Всѣхъ научайте и словомъ и дѣломъ, не дорожить никакою собственностію, кромѣ Вѣры и Отечества. И есть-ли кто изъ сыновъ Левитскихъ, еще не опредѣлившихся къ служенію, возревнуетъ ревностію брани, благословляется на сей подвигъ отъ самыя Церкви. Всѣмъ же и каждому, о имени Господа нашего, заповѣдуемъ, и всѣхъ умоляемъ, блюстися всякаго неблагочестія, своеволія и буіихъ шатаній, предъ очами нашими привлекшихъ гнѣвъ Божій на языки, пребывать въ послушаніи законной отъ Бога поставленной власти, соблюдать безкорыстіе, братолюбіе, единодушіе, и тѣмъ оправдать желанія и чаянія взывающаго къ намъ вѣрноподданнымъ Своимъ, Богомъ помазаннаго МОНАРХА АЛЕКСАНДРА... Церковь, увѣренная въ неправедныхъ и нехристолюбивыхъ намѣреніяхъ врага, не престанетъ отъ всея кротости своея вопіять ко Господу о вѣнцахъ побѣдныхъ для доблестныхъ подвижниковъ и о благахъ нетлѣнныхъ для тѣхъ, которые душу свою положатъ за братію свою. Да будетъ, какъ было всегда и утвержденіемъ, и воинственнымъ знаменіемъ Россіянъ, сіе пророческое слово: О Бозѣ спасеніе и слава!“

Рѣчь Предводителя Дворянства Благородному Санктпетербургскому сословію.

Милостивые Государи!

Гласъ Бога и Всеавгустѣйшаго МОНАРХА, Отца Россіи, призываетъ насъ къ единодушному и общему ополченію противу врага, стремящагося поразить наше Отечество. Сей гласъ нѣжнаго Отца, къ чадамъ вопіющаго, проницаетъ во глубину сердца каждаго вѣрноподданнаго. Онъ призываетъ къ защищенію нашей собственности, къ защищенію нашихъ жилищъ, нашихъ семействъ, однимъ словомъ, нашего Отечества, заключающаго въ себѣ все то, что для насъ священно и любезно. Я проницаю, Милостивые Государи, какая ревность движетъ чувствіями вашими; она пылаетъ въ сердцахъ, и начертана на лицѣ каждаго.—Мы братія, мы чада единаго семейства, управляемаго Всеавгустѣйшимъ Помазанникомъ; соединимся! соединимся всѣ! оправдаемъ Его святое о насъ промышленіе. Онъ Высочайшимъ Манифестомъ во 2-й день Апрѣля 1801 года торжественно возстановилъ и утвердилъ права и преимущества Благороднаго Дворянства, дарованныя Всемилостивѣйше жалованною Грамотою въ Бозѣ почивающей Премудрой Императрицы, ЕКАТЕРИНЫ Великія. Пользуясь всѣми преимуществами, въ той Грамотѣ начертанными, устремимъ вниманіе наше на двадесятую статью оной, въ которой изображено; «Когда служба Дворянства общему добру нужна и надобна, тогда всякій Благородный Дворянинъ обязанъ, по первому позыву отъ Самодержавной власти, не щадить ни труда, ни самаго живота для службы Государственной». Такъ Всемилостивѣйшій ГОСУДАРЬ, Всеавгустѣйшій МОНАРХЪ, Помазанникъ Божій, чадолюбивый Отецъ Россійскаго народа! удостовѣряю именемъ всего собраннаго здѣсь Дворянскаго Сословія, удостовѣряю безъ зазрѣнія предъ лицемъ Всевидящаго и предъ лицемъ Правительства, ТОБОЮ поставленнаго, удостовѣряю, что каждый изъ насъ поставитъ за щастіе умереть за спасеніе Отечества. Милостивые Государи! предки наши, родоначальники сего знаменитаго Сословія, къ спасенію Отечества стекались подъ знамена ГОСУДАРЯ, каждый со своею дружиною, кто сколько возмогъ привести на ополченіе. Намъ остается послѣдовать ихъ примѣру. Наша православная вѣра, святость олтарей Божіихъ, наша честь, наше Отечество,—въ семействахъ нашихъ лѣтами отягченные родители, нѣжныя супруги, невинные младенцы, всѣ одними устами тре-

буютъ нашего пожертвованія.—Поспѣшимъ! соединимся союзомъ вѣрной братіи, союзомъ древнихъ Россовъ; утвердимся въ единомысліи!—Единодушіе есть твердѣйшая ограда; оно есть неразрывная цѣпь союза и благоденствія! Соединимся всѣ со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ. Вручимъ себя Богу и Царю нашему!—Спасемъ Отечество, или, умирая, сохранимъ честь Росса, вѣрноподданнаго АЛЕКСАНДРУ Первому.

Наполеонъ въ Вильнѣ.

По выступленіи россійскихъ войскъ изъ города Вильны, лежащаго по лѣвому берегу рѣки Виліи, черезъ часъ явился Наполеонъ за своимъ авангардомъ на берегу рѣки, у сожженнаго моста, въ виду ретировавшагося по правому берегу рѣки отряда, подъ прикрытіемъ котораго мостъ истребленъ. Тутъ онъ слѣзъ съ лошади, сѣлъ на самый простой стулъ, вызвалъ нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ его уланъ переправиться вплавь на правый берегъ, для обревизованія тамошняго форштата, и приказалъ построить три моста, одинъ изъ коихъ, составленный изъ плотовъ, находившихся на рѣкѣ, былъ вскорѣ устроенъ въ его присутствіи. Съ начатіемъ перехода французскихъ войскъ на правый берегъ, Наполеонъ отправился въ домъ литовскихъ военныхъ генералъ-губернаторовъ, гдѣ нынѣ царскій дворецъ.

Тутъ призванъ былъ къ нему издатель литовскихъ вѣдомостей. Въ передней находились: дежурный генералъ-адъютантъ Коленкуръ, Наполеоновы гиды (guides), лакеи, мамелюкъ, ординарцы и прочіе. Одни читали вѣдомости, другіе разговаривали и разсуждали, прочіе спали на полу. Король Неаполитанскій, принцъ Евгеній, маршалы, приходя во дворецъ, спрашивали дежурнаго, кто въ кабинетѣ императора, и входили къ нему безъ доклада; прочіе же по докладу. Всѣ являлись въ такомъ состояніи и опрятности, въ какихъ были поставлены дневною погодою или походомъ. Мамелюкъ Рустанъ приготовлялъ столъ къ завтраку и обѣду обыкновенно для Наполеона и для князя Ваграмскаго, начальника штаба (Бертье).

При представленіи издателя вѣдомостей, спрашивалъ его Наполеонъ, почему Русскіе не дали ему сраженія, при переправѣ черезъ Нѣманъ, подъ Ковно, или подъ литовскою столицею, Вильной, которая, какъ средоточіе всего литовскаго управленія, стоила, по его мнѣнію, быть сильно защищенною. Гдѣ будутъ сражаться? Кромѣ сего главнѣй-

шаго вопроса, многократно, по разнымъ случаямъ и въ разныхъ видахъ повтореннаго, онъ спрашивалъ издателя о политическомъ расположенiи литовскаго дворянства, профессоровъ, студентовъ, поселянъ, о статистикѣ литовскаго края, о городахъ и средствахъ для помѣщенiя военныхъ госпиталей, о состоянiи Динабургской Крѣпости, о числѣ россiйской армiи? Отвѣтъ писателя, что она, вѣроятно, доходитъ до 300,000. назвалъ ложнымъ (mensonger), и вручилъ ему разорванный рапортъ къ главнокомандующему Барклаю-де-Толли отъ начальника его главнаго штаба, въ первоначальномъ видѣ, съ переводомъ. По оному оказалось, что продовольствiе отпускалось на 92,000 людей. Потомъ разсказывалъ о польской конфедерацiи въ Варшавѣ и о присоединенiи къ оной разныхъ городовъ, уѣздовъ и областей. О блаженной памяти Императорѣ Александрѣ отзывался съ большимъ уваженiемъ. Тутъ же повелѣлъ редактору заняться изданiемъ вѣдомостей, но не иначе, какъ по предварительномъ оныхъ разсмотрѣнiи. Сначала разсмотрѣнiе ихъ, для доклада Наполеону, было поручено статсъ-секретарю Дарю, а послѣ резиденту Биньону.

Въ первый день по занятiи Вильны, какъ и впродолжеiе трехнедѣльнаго тамъ квартированiя, Наполеонъ принималъ разныя депутацiи, учредилъ главную временную литовскую администрацiю, городское правленiе (municipalité), уѣздныя подпрефектуры; издателю газеты поручилъ дирекцiю полицiи, съ властiю отправленiя подозрительныхъ людей въ Данцигъ; нѣкоторыхъ вельможъ назначилъ полковыми командирами, съ порученiемъ формированiя полковъ, признавая общее ополченiе (pospolite ruszenie) не только безполезнымъ, но даже вреднымъ; на городъ Вильну возложилъ повинность заготовленiя всего нужнаго для помѣщенiя 6,000 больныхъ: мародеровъ повелѣлъ собирать и доставлять въ ближайшiя команды.

Для надзора за дѣйствiями литовскаго правленiя и приданiя оному, какъ и вообще всѣмъ польскимъ чиновникамъ, надлежащаго направленiя, назначены были князь Бассано (Маре), какъ верховный министръ, генералъ Жомини военнымъ губернаторомъ, а Биньонъ резидентомъ. Чиновники сiи (кромѣ князя Бассано и Биньона), какъ и всѣ офицеры, квартировавшiе въ Вильнѣ, жили на счетъ города.

По порученiю Наполеона, одинъ изъ профессоровъ Виленскаго Университета написалъ прокламацiю отъ литовскаго правленiя къ полякамъ, служащимъ въ россiйскихъ войскахъ, приглашая ихъ перейдти подъ знамена Польши, возстановленной конфедерацiею. Но эта про-

Стычка русскихъ съ французами.

кламація показалась Наполеону многословною и неумѣстною, и потому онъ приказалъ автору сей записки написать въ его комнатѣ, по его словамъ, другую, гораздо кратчайшую, и сія послѣдняя была напечатана въ вѣдомостяхъ.

Наполеонъ почти ежедневно прогуливался верхомъ на маленькой лошадкѣ, и между прочимъ въѣзжалъ на Замковую крутую гору; осмотрѣвъ окрестности Вильны, повелѣлъ соорудить обширныя укрѣпленія по правому берегу Вилліи, для прикрытія войскъ въ случаѣ нападенія и для защиты города, а также приказалъ поставить батарею на Замковой Горѣ, гдѣ, въ 1831 году, было сдѣлано укрѣпленіе. По улицамъ принималъ жалобы отъ ограбленныхъ его войсками, и тотчасъ приказывалъ платить по оцѣнкѣ просителей. Иногда останавливая нечаянно проходящія военныя повозки (фургоны), отыскивалъ спрятанныя въ оныхъ награбленныя вещи. Нѣкоторые изъ мародеровъ были суждены и разстрѣляны, а другіе самимъ Наполеономъ увѣщеваемы и къ войску отправляемы.

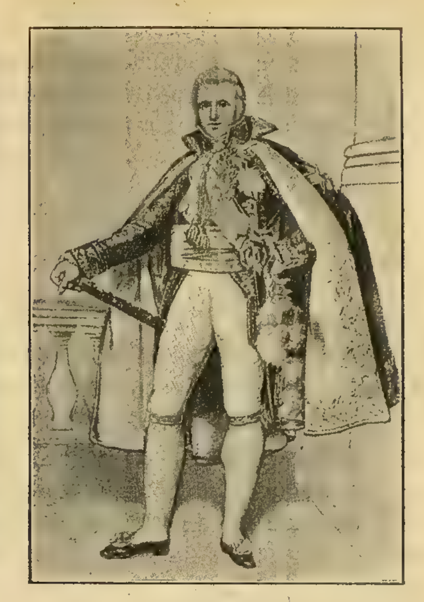
Между тѣмъ кавалерія и легкая артиллерія Неополитанскаго короля (Мюрата) проскакала черезъ городъ по дорогѣ въ Динабургъ. Корпусы принца Евгенія (вице-короля) и маршала Сенъ-Сира (баварскій) потянулись по полоцкому тракту. Корпусъ маршала Даву обратился вправо на Минскъ. Гвардія осталась въ городѣ. Считаю не лишнимъ присовокупить, что, кромѣ сего движенія главной арміи черезъ Вильну, корпусъ маршала Макдональда, переправившійся въ Тильзитѣ чрезъ Нѣманъ, двигался къ нижней Двинѣ. Корпусъ маршала Удино отъ Ковно повернулъ влѣво на Вилькомиръ. Корпусъ Вестфальскаго Короля, Іеронима-Наполеона, выступилъ черезъ Гродно на Минскъ. Союзная австрійская армія, подъ командою князя Шварценберга, подвигалась отъ Дрогичина въ направленіи на Слонимъ.

Проживъ три недѣли въ Вильнѣ, Наполеонъ съ гвардіею отправился, вслѣдъ за своими войсками къ Полоцку. Въ продолженіи кампаніи, разныя извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и о безпорядкахъ въ арміи были передаваемы издателю княземъ Бассано, для помѣщенія въ литовскихъ вѣдомостяхъ безъ малѣйшей перемѣны. Возвращаясь изъ Москвы, Наполеонъ проѣхалъ Виленскими форштатами, за городомъ принялъ князя Бассано, перемѣнилъ лошадей и поспѣшилъ чрезъ Ковно во Францію.

Отъ учрежденія въ Вильнѣ французскихъ госпиталей до возврата россійской арміи, зарыто въ землю до 5,000 тѣлъ.

Мюратъ.

Маршалъ Викторъ.

Маршалъ Удино.

Маршалъ Даву.

По всѣмъ дорогамъ, гдѣ только проходили непріятельскія войска, все было забрано, ограблено и частью предано огню; потеря въ людяхъ, имуществѣ движимомъ и недвижимомъ не могла быть исчислена редакторомъ, по случаю потери записокъ о сихъ предметахъ.

Военный Журналъ, 1859 г.

Наполеонъ въ Вильнѣ.

Селенія, лежавшія по Наполеоновскому пути, были опустошены и разграблены великой арміей; всходы хлѣба, скошенные для кавалеріи, не обѣщали ничего въ будущемъ. Да и какъ было подвозить припасы, когда всюду шныряли мародеры. Всѣ эти безпорядки были слѣдствіемъ неосторожно изданной Наполеономъ прокламаціи.

Переправясь черезъ Нѣманъ, онъ объявилъ въ приказѣ войскамъ, что они вступили въ непріятельскую землю. Вотъ чѣмъ заявилъ о своемъ приходѣ этотъ горячо ожидаемый избавитель! Вслѣдствіе этой прокламаціи, французы стали смотрѣть на Литву, какъ на враждебную имъ землю. Какъ въ началѣ жители, опьяненные патріотизмомъ, летѣли на встрѣчу французамъ, такъ впослѣдствіи, обиженные и разоренные тѣми, которыхъ они считали избавителями отечества, бѣжали въ лѣса, предоставивъ на произволъ грабежа свои дома и спасая только то, что дороже было имъ всего: честь своихъ женъ и дочерей. Каждый день слышали мы разсказы о безпорядкахъ, совершаемыхъ солдатами въ селеніяхъ. Вильна, казалось, стала военнымъ центромъ: черезъ нее постоянно тянулись войска этой безконечной арміи; солдаты располагались бивуакомъ посреди улицъ; всюду раздавались бряцанья оружія, звуки трубъ, ржаніе лошадей и смѣсь всевозможныхъ языковъ. Уставъ смотрѣть на все это, я старалась отдохнуть глядя на небо, но и тутъ мнѣ видѣлись въ облакахъ движущіяся арміи и я со страхомъ вспоминала объ Апокалипсисѣ.

Безпечные французы удивлялись общему упадку духа и думали, что съумѣютъ уничтожить всѣ встрѣченныя ими препятствія. Они требовали отъ литовцевъ: солдатъ, хлѣба и денегъ, спѣшили устраивать временное правительство и старались возбудить самолюбіе жителей язвительными словами: „У васъ нѣтъ патріотизма, нѣтъ ни средствъ, ни энергіи“. И литовцы клялись, что „они раззорятся, но докажутъ, что они поляки“. Но какая польза была имъ изъ всего этого! Французскій

Магометъ не удостоивалъ ихъ даже надеждой за вѣру въ него и всѣ пожертвованія.

Наполеонъ вступилъ въ Вильну встревоженный и недовольный; онъ, точно, боялся своей легкой побѣды; онъ былъ слишкомъ уменъ для того, чтобы не понять, что отступили русскіе не изъ страха одного его имени, а вслѣдствіе глубокихъ соображеній. „Я думалъ,—сказалъ Наполеонъ,—что взятіе Вильны будетъ мнѣ стоить по крайней мѣрѣ 20 тысячъ человѣкъ". Онъ освирѣпѣлъ, когда узналъ, что русскіе заключили миръ съ Турціей, вслѣдствіе котораго онъ не могъ болѣе расчитывать на вѣрный успѣхъ ни на сѣверѣ, ни на югѣ. Недостатокъ провіанта и дисциплины, ошибки его брата, короля Іеронима, постоянныя потери въ кавалеріи, все казалось, предрекало Наполеону плачевный исходъ этой кампаніи, но мрачный его геній толкалъ его впередъ и гналъ отъ него мысль о дѣйствительности.

На одной изъ публичныхъ аудіенцій въ виленскомъ дворцѣ. Наполеонъ объявилъ, въ отрывочныхъ, не вполнѣ понятныхъ выраженіяхъ, что онъ пришелъ возстановить Польшу, что собранъ сеймъ въ Варшавѣ, для избранія короля... А сеймъ этотъ не зналъ даже каковъ долженъ быть этотъ король. Графъ Нарбоннъ, находившійся въ Вильнѣ, въ свитѣ Наполеона, любившій такъ короны, вѣроятно пожелаетъ возложить на себя и корону Польши. Александръ рѣшился сдѣлать еще одно усиліе, чтобы остановить кровопролитіе: онъ прислалъ Балашова для переговоровъ. Предложенія были весьма выгодныя для Франціи и Польши, но Наполеонъ не принялъ ихъ. Отпуская Балашова, онъ спросилъ: „по какой дорогѣ лучше пройти въ Москву?" Балашовъ отвѣтилъ весьма находчиво: „есть разныя... Можно взять путь къ Полтавѣ".

Принимая одного французскаго эмигранта, облагодѣтельствованнаго Александромъ, Наполеонъ спросилъ его: „Видѣли ли вы здѣсь императора Александра?"

— Я имѣлъ честь являться ему.

— Точно ли онъ управляетъ самъ государствомъ?

— Онъ много работаетъ съ своими министрами и всѣ важныя дѣла пересматриваетъ самъ.

— Я не объ этомъ васъ спрашиваю. Я желаю знать, ограничена ли его власть сенатомъ.

Послѣ отрицательнаго отвѣта, Наполеонъ продолжалъ:

— Почему русскіе такъ быстро отступили и не захотѣли принять сраженіе подъ Вильной? Я могъ потерять при этомъ тысячъ 20.

— Быстрое движеніе французской арміи, подъ начальствомъ славнаго предводителя, вѣроятно, смутило русскихъ и они не рѣшились вступить въ сраженіе.

— Вы ошибаетесь. Мы не быстро двигались, меня заставили потерять много времени понапрасну... Я съ неудовольствіемъ началъ эту войну: она будетъ стоить много крови; меня заставилъ начать ее императоръ Александръ, не сдержавъ условій Тильзитскаго мира. Александру дали въ юности плохое направленіе; у него развились неправильныя понятія о филантропіи, вслѣдствіе наставленій его наставника, Лагарпа. Повѣрите ли вы, что мнѣ пришлось, во время свиданія въ Эрфуртѣ, оспаривать его мнѣніе, что избирательное правительство, гораздо лучше преемственнаго. Надобно быть Богомъ, чтобы умѣть управлять людьми! Судьба гораздо лучше помогаетъ имъ при наслѣдственномъ правѣ, чѣмъ могутъ они устроить сами свои дѣла.—Императоръ Александръ не любитъ этикета, онъ часто является совсѣмъ безъ свиты. Мой тесть, императоръ австрійскій, поступаетъ точно также; онъ удивился увидавъ вокругъ меня такую многочисленную свиту, но я ему объяснилъ, что для французовъ необходимо выказывать величіе, на нихъ надобно дѣйствовать внѣшнимъ блескомъ. Да и положеніе мое другое.

Говоря объ литовской аристократіи, Наполеонъ употребилъ весьма грубое выраженіе. Онъ вообще не цѣнилъ услуги поляковъ, жертвовавшихъ ради него своею жизнью и достояніемъ. Изъ Москвы, онъ писалъ герцогу Бассано: „Въ Польшѣ однѣ только женщины обладаютъ умомъ и силою воли“. Въ инструкціяхъ, данныхъ одному епископу, онъ предписывалъ обратить особенное вниманіе на женщинъ, „такъ какъ онѣ всѣмъ вертятъ въ Польшѣ“.

„Русская Старина“, 1877 г.

Наполеонъ въ Литвѣ.

Разсказъ епископа Буткевича.

Пріѣхавъ въ Вильковишки, Наполеонъ прямо отправился въ домъ вильковишскаго помѣстья, лежащаго на краю города, гдѣ ему была приготовлена квартира. На лицѣ императора, хотя и покрытомъ пылью, можно было замѣтить изнуреніе, безпокойство и какое-то особенное неудовольствіе, что происходило отъ того, что (какъ уже тогда разсказывали) во время похода неоднократно получалъ онъ непріятныя извѣстія. Нерасположеніе его духа приняло характеръ сильнѣйшаго гнѣва въ то

Маршалъ Ожеро.

Маршалъ Ней.

Маршалъ Бертье.

Маршалъ Макдональдъ.

время, когда въ Вильковишкахъ замѣтилъ, что не только армія но даже его гвардія лишена самыхъ необходимыхъ съѣстныхъ припасовъ. Цѣлую ночь онъ не спалъ, и не позволилъ другимъ уснуть, такъ какъ всѣ должны были заботиться о приготовленіи печей для хлѣба. Это обстоятельство было причиною того, что вся армія оставалась въ Вильковишкахъ еще 4 дня и вмѣстѣ съ тѣмъ объявленіе войны Россіи послѣдовало четырьмя днями позже противъ назначеннаго времени. Независимо отъ того, надо было дать время отдохнуть утомленнымъ продолжительнымъ походомъ солдатамъ и снабдить армію съѣстными припасами. Кромѣ того, Наполеонъ заботился о расположеніи къ себѣ своей гвардіи, которая громко начала роптать на бѣдствія и лишенія, которыя испытывала во время этого похода. Бесѣдовалъ онъ съ солдатами, приказывалъ выдавать двойные порціи съѣстныхъ припасовъ и вина.

Кабинетъ Наполеона помѣщался въ бесѣдкѣ, находившейся на помѣщичьемъ дворѣ, довольно просторной, окруженной высокими тополями. На столѣ лежало множество географическихъ картъ, за особымъ столомъ сидѣлъ маршалъ Бертье, начальникъ главнаго штаба „великой арміи". Наполеонъ, по своему обычаю, несмотря на большую жару, былъ постоянно въ пальто-сюртукѣ песочнаго цвѣта, на головѣ была характеристическая шляпа, которой онъ не снималъ, бесѣдуя съ маршалами и генералами, между тѣмъ какъ тѣ стояли передъ нимъ съ непокрытыми головами; часто ходилъ вокругъ стола въ бесѣдкѣ и постоянно размышлялъ, глядя на какіе-то планы и карты, лежавшіе на столѣ; нерѣдко давалъ приказанія являвшимся къ нему въ бесѣдку. Должно быть, все время въ Вильковишкахъ былъ въ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ давалъ приказы грознымъ голосомъ. Нарвавъ травы для своихъ лошадей, такъ какъ сѣна и овса ни за какія деньги нельзя было достать въ городѣ, я, отъ нечего дѣлать, ежедневно нѣсколько часовъ стоялъ на помѣщичьемъ дворѣ и смотрѣлъ изъ за угла стараго деревяннаго магазина на императора Наполеона. Слыша съ дѣтства столько чудесъ о немъ, я хотѣлъ вблизи посмотрѣть на него и запомнить черты его лица.

Когда войско достаточно отдохнуло, отданъ былъ приказъ о произведеніи всей собранной арміи императорскаго смотра.

Во время смотра армія находилась въ слѣдующемъ порядкѣ: 1-я линія состояла изъ пѣшей и конной гвардіи; во 2-й была пѣхота различныхъ народовъ; въ 3-й конница тоже разныхъ народовъ и нѣсколько французскихъ кирасирскихъ полковъ; въ 4-й линіи артиллерія и ар-

Вступленіе Наполеона въ Россію. Съ карт. Я. Желмовскаго.

тиллерійскіе парки со всѣми принадлежностями. Армія построилась на югъ отъ города тѣсными линіями, на равнинѣ, примыкающей къ садамъ приходскаго священника и аптекаря Шпора, и занимала площадь въ длину 7 верстъ и въ ширину $3^1/_2$ версты.

Въ 6 часовъ утра Наполеонъ выѣхалъ изъ своей квартиры окруженный блестящимъ штабомъ, состоящимъ изъ маршаловъ, генераловъ и другихъ сановниковъ; золото и серебро, казалось, капало съ нихъ. Каждый маршалъ былъ иначе одѣтъ и каждый изъ нихъ богаче другого. Изъ всѣхъ выдавался мундиръ неаполитанскаго короля Мюрата, похожій на гусарскій, осыпанный дорогими камнями; на головѣ была шляпа à la Henri IV, у которой было много драгоцѣнныхъ разноцвѣтныхъ перьевъ, пришпиленныхъ брилліантовой кокардой. Только Наполеонъ одинъ отличался простотою своего костюма: на немъ былъ мундиръ французской гвардіи, синяго цвѣта, съ лентой и звѣздой почетнаго легіона. За то его лошадь отличалась отъ всѣхъ: бѣлая какъ молоко, сбруя, украшенная дорогими камнями, а попона изъ тонкаго багроваго сукна, обсыпанная золотыми орлами, доходила до земли. Какъ только вся эта знать остановилась передъ гвардіей, грянуло „vive l'empereur“ и войско сдѣлало на караулъ. Затѣмъ маршалъ Бертье прочелъ объявленіе войны Россіи и приказъ о вторженіи въ ея предѣлы. Снова войско сдѣлало на караулъ, грянуло снова „vive l'empereur“ и раздался генералъ-маршъ. Вслѣдъ затѣмъ Наполеонъ со свитой останавливался передъ каждой изъ слѣдующихъ 3-хъ линій, и повторялась таже самая церемонія. Какъ только императоръ возвратился въ городъ, въ арміи началось большое движеніе, такъ какъ всѣ отряды стали готовиться къ походу. Во главѣ авангарда былъ король Мюратъ. Авангардъ состоялъ изъ нѣсколькихъ кавалерійскихъ полковъ, и именно: во главѣ шелъ уланскій полкъ гвардіи Красинскаго, за нимъ слѣдовали: 8-й уланскій полкъ князя Радзивилла, 6-й полкъ Понятовскаго, гусарскіе, красные голландскіе и черные прусскіе полки, съ изображеніемъ мертвой головы.

Вмѣстѣ съ Мюратомъ ѣхалъ генералъ Красинскій, въ полной парадной формѣ своего полка: въ бѣломъ мундирѣ съ свѣтло-зелеными отворотами, въ красныхъ панталонахъ съ золотымъ галуномъ, четыреугольная шляпа, украшенная спереди золотистымъ солнцемъ, по серединѣ котораго блестѣла буква N съ короною; сверху султанъ изъ дорогихъ и рѣдкихъ перьевъ. Это былъ красивый мужчина, не болѣе 30-ти лѣтъ отъ роду; ѣхалъ онъ на красивомъ арабскомъ конѣ и обра-

щалъ на себя вниманіе всѣхъ. Во время смотра, когда онъ выступилъ впередъ съ своимъ полкомъ, Наполеонъ выразилъ ему свое удовольствіе.

Въ тотъ самый день, когда былъ произведенъ смотръ, императоръ послѣ обѣда отправился вслѣдъ за своей арміей, имѣя намѣреніе произвести еще смотръ двумъ корпусамъ, расположеннымъ въ 20-ти верстахъ отъ Вильковишекъ. Вся эта масса войска, занимавшая столь значительное пространство, очистила городъ и его окрестности въ продолженіе однихъ сутокъ. Большая часть войска, составлявшая такъ называемую великую армію, направилась прямо къ Нѣману; другая часть отправилась чрезъ Тильзитъ по направленію къ Ригѣ, а третья повернула направо къ Нѣману, чтобы соединиться съ пятымъ корпусомъ, бывшимъ подъ командой вестфальскаго короля, брата Наполеона; въ составъ этого корпуса входило польское войско, около 75,000 солдатъ. Этотъ корпусъ шелъ черезъ Августовъ къ Гродну.

Такъ какъ на каждой дорогѣ проходило еще много войска, то я съ дядей не могъ двинуться въ путь и надо было еще обождать нѣсколько дней въ Вильковишкахъ. Оставшись въ городѣ, я часто прислушивался къ разговору помѣщиковъ, которые пріѣзжали изъ окрестныхъ деревень. Насколько могу помнить, главнымъ образомъ толковали о томъ, почему столько войска было собрано въ городѣ Вильковишкахъ. Докторъ Кирмсъ, солидный и образованный человѣкъ, имѣвшій постоянныя сношенія съ адъютантами вице-короля итальянскаго, равно какъ и наслѣдника баварскаго престола, приходившими къ нему побесѣдовать, утверждалъ, что Наполеонъ надѣялся встрѣтить русское войско на значительной равнинѣ, тянущейся именно въ окрестностяхъ Вильковишекъ, такъ какъ думалъ, что императоръ Александръ, чтобы не опустошать своего государства, перенесетъ войну за его предѣлы. Обманувшись въ своихъ расчетахъ, Наполеонъ хотѣлъ это вознаградить внезапнымъ нападеніемъ на Вильно, гдѣ въ то время находился государь; по этой причинѣ спѣшилъ прибыть въ городъ Вильковишки, гдѣ, какъ извѣстно, были собраны его главныя силы. Но когда и тутъ узналъ, что императоръ Александръ не думаетъ идти съ арміей на встрѣчу ему, но напротивъ того, намѣренъ двинуться во внутреннія губерніи, Наполеонъ, до того не привыкшій испытывать превратности судьбы, былъ чрезвычайно взволнованъ. Неудовольствіе его усиливалось, такъ какъ получалъ онъ отовсюду непріятныя извѣстія, то о неисправномъ доставленіи провіанта и о значительныхъ убыткахъ при снабженіи имъ арміи, то о ропотѣ войскъ и, въ особенности, его старой гвардіи.

*

Припоминаю, что многіе удивлялись, когда узнали, что не было при объявленіи войны во французскомъ войскѣ никакой молитвы о счастливомъ веденіи столь громадной войны; видно французы были увѣрены въ своемъ счастіи; но оно и было поводомъ паденія Наполеона, такъ какъ, расчитывая постоянно только на свое счастье и на матеріальную силу, онъ оставилъ въ сторонѣ Божію помощь и благодать Его. Этимъ-же объясняется то обстоятельство, что въ столь громадной арміи, состоявшей почти исключительно изъ римско-католиковъ, не было ни одного штатнаго католическаго священника. Только гвардейскій уланскій полкъ Красинскаго постоянно держалъ на свой счетъ полковаго священника Гутковскаго, бывшаго монаха Доминиканскаго ордена.

Возвратившись благополучно съ дядей въ Урдоминъ, я снова принялся за книги и продолжалъ свое ученіе въ лицеѣ. Въ Сейнахъ носились слухи, что вестфальскій король не успѣлъ помѣшать корпусу Чичагова, возвращавшемуся изъ Турціи, соединиться съ русскими войсками, такъ какъ слишкомъ долго былъ въ Гроднѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ причиною того, что польская конница потерпѣла большое пораженіе, подъ начальствомъ генерала Рожнецкаго, при Мірѣ. Дошли до насъ извѣстія и о томъ, что значительная часть польскаго войска погибла подъ Смоленскомъ; разсказывали, что болѣе 1,000 офицеровъ были убиты, вслѣдствіе чего во многихъ семьяхъ края надѣли трауръ. Доходили слухи, что Рига не была еще взята только по той причинѣ, что маршалъ Удино и прусскій генералъ Іоркъ постоянно были не согласны другъ съ другомъ относительно военныхъ дѣйствій. Носились тоже слухи и о томъ, что Наполеонъ, не будучи въ состояніи догнать русское войско, чтобы сразиться съ нимъ, не скрывалъ уже своей досады и началъ отчаяваться. Наконецъ, разошлась молва, которая вслѣдъ за тѣмъ была подтверждена въ „Варшавской газетѣ», что послѣ сраженія при Можайскѣ французская армія вошла въ Москву, которая была сожжена по повелѣнію генералъ-губернатора Ростопчина.

Оставивъ Наполеона въ опустошенномъ Кремлѣ, я разскажу, на основаніи вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ, о вторженіи его въ предѣлы Россіи.

Въ тотъ самый день, въ который Наполеонъ оставилъ Вильковишки, прибылъ онъ въ село Скравдзе, въ 40 верстахъ отъ Вильковишекъ, и остановился въ домѣ тамошняго настоятеля.

Священникъ встрѣтилъ его торжественно и на вопросъ импера-

тора, знаетъ-ли по французски, отвѣтилъ по-латыни, что французскаго языка не знаетъ. Тогда Наполеонъ сказалъ: „значитъ, будемъ говорить по-католически, по-римски". Нѣсколько разъ мнѣ приходилось слышать, что Наполеонъ очень любилъ римскую словесность и будто часто въ карманѣ носилъ Саллюстія и съ удовольствіемъ прочитывалъ войну противъ Югурты. Вошедши въ комнату, императоръ немедленно спросилъ: „есть-ли что нибудь поѣсть?" Когда-же священникъ отвѣчалъ, что рѣшительно нѣтъ ничего, и что онъ остался только въ одной рясѣ, такъ какъ все разграблено проходившимъ войскомъ, императоръ подробно разспрашивалъ, что взяли у него солдаты. Когда ксендзъ разсказалъ, что лишился скота, хлѣба, съѣстныхъ припасовъ, движимаго имущества, Наполеонъ выразилъ свое удивленіе и спросилъ, не жалѣетъ-ли всего потеряннаго? Услышавъ отвѣтъ, что священникъ не жалѣетъ, такъ какъ надѣется по водвореніи мира получить снова все отнятое у него, императоръ потрепалъ его по плечу и сказалъ: „Встрѣчаю перваго священника, котораго нельзя назвать корыстолюбивымъ". Снова потрепалъ по плечу, слегка прикоснулся пальцами къ лицу и сказалъ: „Я тебя искренно люблю".

Ходя по комнатѣ, Наполеонъ жаловался, что нечего ѣсть; но, увидѣвъ въ окно курицу, которая пряталась въ кустарникахъ въ саду, воскликнулъ: „Reverendissime, ecce est pulla!" Позвалъ своихъ дежурныхъ офицеровъ и самъ побѣжалъ въ садъ ловить курицу. Словивъ ее, подходитъ къ кзендзу и говоритъ: „если ты такой-же хорошій поваръ, какъ священникъ, то навѣрно сдѣлаешь мнѣ одолженіе и приготовишь супъ изъ этой курицы".

Священникъ занялся кухней, такъ какъ ни одной женщины въ деревнѣ не было. Наконецъ, при помощи 2-хъ офицеровъ и солдатъ, курица кое-какъ была состряпана. Такъ какъ не было никакой кухонной посуды, то принесли солдатскую миску и ложку и, вмѣсто хлѣба, кусокъ сухаря. Наполеонъ ѣлъ бульону немного, но съѣлъ почти половину курицы, выпилъ немного вина, сѣлъ на скамейку и, опершись головой о стѣнку, задремалъ съ полчаса. Послѣ такого отдыха приказалъ подать себѣ одноколку и привести лошадь, принадлежавшую къ голландскому гусарскому полку, для священника, которому предложилъ ѣхать въ своей свитѣ. Такое странное присутствіе въ свитѣ ксендза обращало на себя вниманіе, и многіе военные спрашивали другъ друга о причинѣ такого обстоятельства. Въ самомъ дѣлѣ, трудно было понять такую необыкновенную выходку императора; догадывались, что онъ

хотѣлъ показать жителямъ Литвы, какъ благосклонно относится къ ихъ вѣрѣ и духовенству. Мѣсто, указанное для сбора всей арміи на берегу Нѣмана, была долина, въ которую войско съ равнины, тянущейся отъ Вильковишекъ до береговъ Нѣмана, могло пробраться двумя путями; эта принѣманская долина закрыта отъ равнины горой, въ видѣ конуса. Какъ только Наполеонъ прибылъ къ этой горѣ, немедленно была построена на ней дорога, по которой Наполеонъ взошелъ на гору, и вслѣдъ за нимъ поставлены были на горѣ двѣ небольшія пушки. Стоя на вершинѣ горы, осматривалъ онъ нѣкоторое время мѣстность и затѣмъ приказалъ съ одной и съ другой стороны возвышенности навести мосты. Въ то время былъ Наполеонъ въ весьма дурномъ расположеніи духа, какъ полагали, по той причинѣ что даже на границѣ Россіи не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія; досада усилилась еще въ то время, когда, стоя на горѣ, замѣтилъ нѣсколькихъ казаковъ по другую сторону Нѣмана, которые, выскочивъ изъ пожайсцкаго *) лѣсу и выстрѣливъ нѣсколько разъ изъ пистолетовъ, скрылись изъ виду. Императоръ, въ сопровожденіи упомянутаго священника первый переѣхалъ на другую сторону Нѣмана, гдѣ нашелъ генерала Красинскаго и командировъ 6-го и 8-го уланскихъ полковъ; генералъ ожидалъ съ докладомъ, что эти полки заняли городъ Ковно, лежащій въ нѣсколькихъ верстахъ отъ мѣста сбора арміи, и что конница переплыла рѣку Нѣманъ. Кстати упомяну о томъ, что эта лишняя смѣлость дорого стоила, такъ какъ погибло около 200 человѣкъ и столько-же лошадей, а Ковны никто рѣшительно и не думалъ въ то время защищать. Наполеонъ былъ весьма недоволенъ, когда ѣхалъ въ городъ; не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на большія толпы жителей, привѣтствовавшихъ его и называвшихъ даже отцемъ и спасителемъ,—нисколько не тронуло его такое сердечное привѣтствіе. Остановившись въ городѣ, онъ принималъ маршаловъ и генераловъ и грозно отдавалъ приказы, что, говорятъ, происходило отъ того, что въ то время сгорѣли хлѣбные магазины въ Кенигсбергѣ и утонуло много съѣстныхъ припасовъ въ Нѣманѣ, заготовленныхъ для арміи. Цѣлый день простоялъ священникъ въ императорской квартирѣ и, не зная, что дѣлать, просилъ лицъ, имѣвшихъ доступъ къ Наполеону, чтобы тотъ освободилъ его, тѣмъ болѣе, что ксендзъ уже такъ усталъ и такой чувствовалъ голодъ, что едва держался на ногахъ. Поздно вечеромъ позвалъ его Наполеонъ къ себѣ и, давая довольно

---

*) Пожайсце—монастырь на берегу Нѣмана, близъ Ковны.

значительную сумму денегъ, произнесъ: „Reverendissime, vale, memento mei ad altare Dei“. При этомъ позвалъ маршала Бертье и приказалъ дать лошадь священнику и трубача, который-бы сопровождалъ его до села Скравдзе и оставался у него до окончанія войны. Такимъ образомъ, ксендзъ, на той самой лошади, на которой ѣхалъ въ свитѣ Наполеона, возвратился благополучно въ Скравдзе, сопровождаемый трубачомъ драгунскаго гвардейскаго полка. При жизни ксендзъ часто разсказывалъ о томъ, какъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ онъ былъ при особѣ императора, но о количествѣ полученныхъ денегъ никому не говорилъ ни слова; однако-жъ послѣ его смерти узнали, что получилъ 20,000 франковъ, которые еще при жизни большею частью роздалъ родственникамъ. Нѣсколько разъ слышалъ я этотъ разсказъ священника; съ нимъ вмѣстѣ посѣтилъ я долину и гору, о которыхъ была рѣчь; гора и до настоящаго времени называется Наполеоновой.

Когда армія выступила въ дальнѣйшій походъ изъ предѣловъ бывшаго Варшавскаго герцогства, въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ слѣдовала армія, осталось очень много мародеровъ, которые страшно обижали жителей Литовскихъ уѣздовъ. Образовавъ шайки, состоявшія изъ нѣсколькихъ человѣкъ, они нападали на крестьянскія и помѣщичьи усадьбы, производя повсюду сильные разбои и грабежи. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ (Вильно, Ковно, Гродно) посылали изъ города цѣлые отряды войска для ловли этихъ негодяевъ и безпощадно подвергали смертной казни на городскихъ площадяхъ. Но въ мѣстности между Нѣманомъ и прусской границей, гдѣ не было ни одного уже въ то время солдата, администрація не могла управиться съ шайками. Горькая необходимость самозащиты дала жителямъ въ руки средства противъ разбоевъ: жители всякаго сословія, званія и вѣры застигнутые такимъ бѣдствіемъ, образовали земскую стражу, которой обязанностью было помогать гражданамъ въ случаѣ нападенія и ловить мародеровъ. Устраивались настоящія на нихъ облавы, какъ на дикихъ звѣрей, пока послѣдній изъ нихъ или не былъ схваченъ, или не переправился черезъ Нѣманъ въ сѣверо-западныя губерніи. Вслѣдствіе этихъ стычекъ, жители сами привыкли къ разбоямъ; это обстоятельство и объясняетъ, почему жители литовскихъ уѣздовъ такъ безпощадно убивали французовъ, когда они уходили изъ Россіи; впрочемъ, можетъ быть, желали отомстить имъ за обиды, нанесенныя поселянамъ французами во время вторженія въ Россію.

„Русская Старина“, 1875 г.

Смоленскъ въ 1812 году.

Нашествіе императора Французовъ Наполеона I на Россію въ 1812 году покрыло неувядаемою славою не только нашу храбрую армію, но и всѣ сословія Россійскаго государства, всѣ города и села. Въ эту тяжкую годину испытаній, на призывъ Державнаго Вождя, вѣчной и славной памяти достойнаго Императора Александра, откликнулся каждый Русскій, каждый, кто признавалъ себя истиннымъ сыномъ отечества, а таковыми признавали себя всѣ обитатели Россіи, на всемъ ея неизмѣримомъ пространствѣ. Всѣ возстали на защиту родной страны, всѣ готовы были лечь костьми за вѣру православную и за возлюбленнаго Монарха, всѣ понесли свое достояніе и жизнь на алтарь угрожаемаго отечества.

На долю Смоленска, одного изъ первыхъ русскихъ городовъ, подвергшихся нападенію полчищъ Наполеона, выпалъ жребій стать впереди всѣхъ на защиту родины. Въ то время, когда разнесся слухъ о вторженіи Наполеона въ Россію, Смоленскіе дворяне, одушевленные старинною доблестью предковъ, первые, еще до полученія ВЫСОЧАЙШАГО манифеста объ ополченіи, изъявили готовность выставить для отраженія общаго врага 20.000 воиновъ. Многіе отставные военные объявили желаніе свое вновь поступить въ службу, или идти на непріятеля со всѣми своими крестьянами. Въ просьбѣ Смоленскаго дворянства на ВЫСОЧАЙШЕЕ имя, подписанной 7-го іюня губернскимъ предводителемъ Лесли, было между прочимъ сказано:

„Сіи защитники отечества, назначенные по городамъ и уѣздамъ, оставаться могутъ при своихъ жилищахъ до востребованія къ тому мѣсту Смоленской губерніи, гдѣ настоять будетъ нужда, или опасность, куда изъ ближнихъ уѣздовъ подоспѣть могутъ въ самое короткое время, а изъ дальнихъ на своихъ подводахъ въ три дня, каждый съ провіантомъ, который въ сухаряхъ и крупѣ собственной въ заготовленіи для сего быть имѣетъ на мѣсяцъ, а по востребованію изъ уѣздовъ будутъ охранять оные отъ малыхъ непріятельскихъ партій. Если розданы будутъ ружья со штыками, пули и порохъ, то искусные и мужественные штабъ и оберъ-офицеры, живущіе по губерніямъ и въ деревняхъ своихъ, могутъ, при свободномъ времени, обучить надлежащей стрѣльбѣ, дѣйствовать штыкомъ, способному и скорому движенію, а до полученія

Пожаръ Смоленска 6-го Августа 1812 г. По рисунку **Фабръ де-Форъ.**

ружей дозволить разобрать хотя оставшіяся отъ милиціи пики, сколько ихъ находится по городамъ въ вѣдѣніи городничихъ“.

Просьба эта была поднесена Государю по прибытіи въ Смоленскъ 9-го іюля, и дворянство Смоленское удостоилось услышать изъ устъ Монарха признательность за готовность встать поголовно на защиту отечества. Въ тотъ же день, Государь, проѣзжая по Смоленску и, какъ-бы предчувствуя разореніе, которому въ скоромъ времени долженъ былъ подвергнуться этотъ древній русскій городъ, который еще царь Борисъ Годуновъ назвалъ „дорогимъ ожерельемъ Россіи“, нѣсколько разъ повторялъ: „Какой прекрасный городъ! Какіе виды и окрестности!“

Во время пребыванія въ Смоленскѣ, Императоръ написалъ собственною рукою замѣчанія на счетъ ополченія, а для ободренія тѣхъ изъ жителей городовъ и селъ, которые при первомъ появленіи непріятеля, оставляли свои полевыя работы, удостоилъ епископа Смоленскаго Высочайшимъ рескриптомъ, въ которомъ возлагалъ на епископа пастырскій долгъ: „внушеніями и увѣщаніями своими ободрять ихъ, и не только отвращать отъ страха и побѣга, но напротивъ убѣждать, какъ того требуетъ долгъ и вѣра христіанская, чтобы они всѣ до единаго, старались вооружиться, чѣмъ кто могутъ, дабы не давая никакого пристанища врагамъ, вездѣ и повсюду истребляли ихъ и вмѣсто робости наносили имъ самимъ великій вредъ и ужасъ“.

Съ своей стороны, и главнокомандующій русскими войсками, Барклай-де-Толли, старался всѣми мѣрами успокоить жителей Смоленска на счетъ угрожающей городу опасности и призывалъ ихъ, истребляя врага повсюду, „дабы ни одинъ непріятельскій ратникъ не скрылся отъ мщенія нашего за причиненныя вѣрѣ и отечеству обиды,—вспомогать усиліямъ братьевъ и соотечественниковъ своихъ, которые на полѣ брани за нихъ жертвуютъ жизнію“. „Смоляне всегда были храбры и тверды въ вѣрѣ“, говорилъ въ заключеніе своего призыва главнокомандующій, „я надѣюсь на ихъ усердіе“.

Доблестные Смоляне не обманули этой надежды. Русскія войска, въ составѣ двухъ армій, одной подъ предводительствомъ князя Багратіона, другой подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, все болѣе и болѣе сближались къ Смоленску, имѣя въ виду дать здѣсь Наполеону сраженіе, котораго желали всѣ отъ генерала до солдата—дабы отплатить за разореніе родной страны.

Приближеніе обѣихъ армій и неминуемость столкновенія съ непріятелемъ привели Смоленскъ въ сильное движеніе. Нужно было до-

ставлять въ армію запасы и продовольствіе, отправлять на подводахъ раненыхъ, больныхъ и резервныя войска; вывести изъ Смоленска артиллерійскіе парки, кадетскій корпусъ, присутственныя мѣста и частное имущество. Все это требовало чрезвычайныхъ усилій со стороны поселянъ, занятыхъ въ то время полевыми работами, и представляло значительныя затрудненія въ образованіи Смоленскаго ополченія; но усердіе Смолянъ преодолѣло всѣ препятствія. Черезъ восемь дней по полученіи ВЫСОЧАЙШАГО манифеста объ ополченіи, въ городъ Дорогобужъ, который назначенъ былъ сборнымъ пунктомъ ополченія, уже приведено было 12.447 ратниковъ. Но ополченіе это составляло только малую часть тѣхъ пожертвованій, которыя принесла Смоленская губернія въ это бѣдственное время: пожертвованія ея, до выступленія арміи изъ Смоленской губерніи, простирались до 9.824.000 рублей, кромѣ хлѣба изъ запасныхъ магазиновъ: муки 91.271 четверть и овса 16.322 четв.

22-го іюля прибыла къ Смоленску 2-я армія, состоявшая подъ главнымъ начальствомъ князя Багратіона, что увеличило весь составъ находившихся подъ Смоленскомъ войскъ до 120 тысячъ. Тогда собранъ былъ военный совѣтъ и рѣшено двинуться впередъ для отраженія непріятеля. 26-го числа обѣ арміи выступили изъ окрестностей Смоленска, сопровождаемыя молитвою жителей и благословеніемъ духовенства, отправлявшаго молебствіе въ храмахъ Божіихъ. Многіе добровольно вооруженные дворяне присоединились къ отрядамъ. Въ числѣ ихъ первыми явилось четверо братьевъ Лесли, съ письмомъ отъ престарѣлаго отца, который, несмотря на преклонность лѣтъ, изъявлялъ готовность, въ случаѣ надобности, идти вмѣстѣ съ своими сыновьями.

Однако-же, въ виду превосходныхъ силъ непріятеля, простиравшихся до 200 тысячъ человѣкъ, и опасаясь, въ случаѣ неудачи, быть отрѣзанными отъ сообщенія съ Москвою и внутреннею Россіею, обѣ арміи, не вступая въ бой съ непріятелемъ, стали стягиваться обратно по направленію къ Смоленску. Въ это время прискакалъ въ Смоленскъ офицеръ съ извѣстіемъ отъ генерала Невѣровскаго, стоявшаго въ Красномъ, о нападеніи на него значительныхъ непріятельскихъ силъ. Генералъ Раевскій тотчасъ-же былъ командированъ на помощь Невѣровскому. Онъ вступилъ 3-го августа утромъ въ Смоленскъ и въ тотъ же день соединился съ Невѣровскимъ, но получивъ черезъ нѣсколько часовъ извѣстіе о наступленіи Французовъ въ огромныхъ силахъ, рѣшился защищаться въ самомъ городѣ. Положеніе Раевскаго было крайне опасно. Въ его распоряженіи находилось только 13 ты-

сячъ человѣкъ, что конечно было ничтожною горстью въ сравненіи съ многочисленными полчищами Наполеона; при всемъ томъ Раевскій рѣшился противостать непріятелю во что-бы то ни стало, „съ твердою рѣшительностію“, какъ онъ самъ говорилъ, „погибнуть на семъ посту спасенія и чести“.

4-го августа въ 8 часовъ утра явились подъ Смоленскомъ непріятельскія войска и черезъ часъ послѣ того Наполеонъ приказалъ атаковать, такъ называемый королевскій бастіонъ. Въ самомъ началѣ сраженія, Раевскій получилъ отъ Багратіона записку слѣдующаго содержанія: „Другъ мой! я не иду, а бѣгу; желалъ-бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись. Богъ тебѣ помощникъ“. И Раевскій держался. Нѣсколько разъ непріятель бросался въ атаку, но всѣ его приступы были отражены. Жители обоего пола, одушевленные любовью къ родинѣ, выбѣгали за стѣны къ полю битвы, хватали на руки раненыхъ и уносили ихъ въ городъ. Наконецъ день склонился къ вечеру, и непріятель, готовясь къ безпощадной борьбѣ на другой день, отошелъ отъ нашей позиціи и расположился внѣ пушечнаго выстрѣла. Стойкостью и геройскимъ подвигомъ генерала Раевскаго Смоленскъ былъ удержанъ на этотъ день въ рукахъ Русскихъ, и тѣмъ дано время главнымъ русскимъ силамъ прійти на помощь.

Увеличеніе силъ, высланныхъ для обороны Смоленска, потребовало избранія главнаго защитника города и выборъ главнокомандующаго палъ на генерала Дохтурова. Но Дохтуровъ, за нѣсколько дней предъ тѣмъ, заболѣлъ горячкою и хотя болѣзнь его къ этому времени была уже не столь тяжкою, однако же Дохтуровъ былъ еще очень слабъ, и главнокомандующій счелъ необходимымъ спросить у него, позволитъ-ли ему здоровье взять на себя оборону Смоленска? Дохтуровъ съ радостію изъявилъ свою готовность. «Братцы», сказалъ онъ своимъ приближеннымъ, «если умереть мнѣ, такъ лучше умереть на полѣ чести, нежели безславно на кровати!» Безстрашный воинъ съ честію выполнилъ свой долгъ службы отечеству. Цѣлый день, въ главѣ 20-ти тысячъ Русскихъ, онъ сражался противъ многочисленныхъ войскъ Наполеона, изъ которыхъ, по свидѣтельству самихъ Французовъ, было введено въ бой не менѣе 45-ти тысячъ человѣкъ.

Наполеонъ вознамѣрился, во что-бы то ни стало, овладѣть Смоленскомъ, какъ мѣстомъ для переправы на правый берегъ Днѣпра и какъ ключемъ ко входу во всѣ концы Россіи. Перестрѣлка началась съ разсвѣтомъ 5-го августа. Затѣмъ огонь дѣлался все живѣе и живѣе.

Подъ Краснымъ 2-го Августа 1812 г. По рисунку Фабръ де Форъ.

Русскіе дрались мужественно. Полки дивизіи генерала Лихачева, сформированные изъ сибиряковъ, въ первый разъ сражавшихся съ Французами безпрестанно кидались впередъ, не смотря на многократныя приказанія—не выходить изъ черты предмѣстій, лишь только приближались непріятельскіе стрѣлки, храбрые сибиряки выбѣгали на встрѣчу, раздавалось „ура!“ и всѣ усилія начальниковъ—умѣрить рвеніе солдатъ были напрасны.

Главный бой начался въ пять часовъ по-полудни, когда Наполеонъ приказалъ своему маршалу Даву штурмовать городъ. Французы устремились на Малаховскія ворота и едва не овладѣли ими. Въ это время на помощь Дохтурову подоспѣлъ принцъ Евгеній Виртембергскій. Когда онъ переходилъ мостъ, ведущій съ праваго берега Днѣпра въ городъ, то ему представилась ужасная картина. Тысячи несчастныхъ съ изрубленными лицами, обезображенные, упитывая улицы кровію, уходили съ мѣста побоища; вокругъ горѣли строенія, зажженыя непріятельскими гранатами и городъ былъ устланъ трупами убитыхъ. У Малаховскихъ воротъ продолжался жесточайшій огонь; прислуга и лошади нашихъ четырехъ орудій, бывшихъ здѣсь, были истребляемы и смѣняемы нѣсколько разъ. Находившійся здѣсь генералъ Коновницынъ былъ раненъ пулею въ руку и не только не оставлялъ поля сраженія, но даже не позволялъ себѣ перевязать рану до самаго окончанія боя. Нападенія непріятеля въ разныхъ пунктахъ были отражены.

Не имѣя возможности взять городъ приступомъ, Наполеонъ приказалъ продолжать противъ него пальбу изъ орудій. Болѣе ста пушекъ разной величины дѣйствовали нѣсколько часовъ сряду и распространяли по городу пожаръ и опустошеніе. Русскія войска, охваченныя спереди непріятелемъ, а съ тыла пламенемъ, продолжали мужественно отстаивать пепелище роднаго города. Въ семь часовъ пополудни, Французы снова покушались на штурмъ и снова были отбиты. Въ девять часовъ канонада смолкла на всѣхъ пунктахъ. Въ полночь Дохтуровъ получилъ приказаніе очистить Смоленскъ, перейти со всѣми находившимися въ распоряженіи его войсками на правый берегъ Днѣпра и сжечь за собою мостъ.

Картина, которую представлялъ Смоленскъ въ этотъ достопамятный день, была ужасна, но вмѣстѣ и трогательна по тому истинно-христіанскому благочестію и преданности волѣ Божіей, которыя всегда отличали Русскихъ и которыя теперь обнаружились въ Смолянахъ во всей силѣ, посреди тысячи смертей, носившихся повсюду. „Крѣпость и

толщина стѣнъ, воздвигнутыхъ еще Годуновымъ", разсказываетъ историкъ отечественной войны, „противустояли чугуну, но тучи ядеръ и гранатъ, брошенныхъ въ городъ изъ 150 орудій, произвели пожары; церкви, домы, башни, все, что можетъ горѣть, запылало. Освѣщенныя заревомъ пожара окрестности, густой, разноцвѣтный дымъ, багровыя тучи, трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, кипящіе перекаты ружейной стрѣльбы, стукъ барабановъ, улицы, наполненныя ранеными, вопль старцевъ, стоны женъ и дѣтей, и при этомъ все мѣстное населеніе, молящееся на колѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками,—въ такомъ положеніи былъ Смоленскъ въ вечеръ 5 августа, когда наступила ночь и временно прекращенъ былъ бой. Жители, полагая сей день днемъ свѣтопреставленія, а Наполеона антихристомъ съ воинствомъ дьяволовъ,—толпами бѣжали изъ огня, между тѣмъ какъ полки русскіе шли въ огонь: одни спасали жизнь, другіе несли ее въ жертву. Какъ нѣкогда во Псковѣ, осажденномъ Баторіемъ, подъ ядрами литовскихъ бойницъ, духовенство пѣло молебны, такъ теперь въ Смоленскѣ, гдѣ уже три дня, во время свирѣпствовавшихъ битвъ не затворялись церкви, служители алтарей Божіихъ совершали непрестанныя моленія среди дыма, пламени, при неумолкаемомъ громѣ ревущихъ жерлъ, метавшихъ гибель и смерть. Пылали колокольни и церкви, но всенощное бдѣніе наканунѣ праздника Преображенія Господня праздновалось. Никогда болѣе, какъ въ этотъ вечеръ, не возсылали молитвъ ко Всевышнему. Въ сумерки изъ Благовѣщенской церкви, а потомъ изъ города, вынесли чудотворный образъ Смоленской Божіей Матери. Шествіе сопровождалось трескомъ распадавшихся зданій и другими явленіями ожесточенной битвы, кипѣвшей посреди теплаго лѣтняго вечера. Не было ни малѣйшаго вѣтра: огонь и дымъ, восходя столбомъ, разстилались подъ самыми облаками. Удалилась Божественная Заступница Смоленска, но со стѣнъ не сходили Русскіе, впереди громимые непріятелемъ, сзади опаляемые пожаромъ, разливавшимся по всему городу".

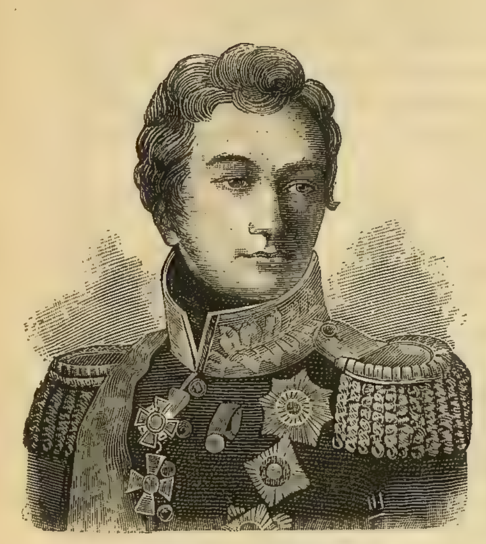
Ожесточеніе, съ которымъ наши войска сражались въ 5-й день августа, превосходитъ всякое вѣроятіе: раненые, забывая боль отъ нанесенныхъ имъ ранъ, продолжали биться съ непріятелемъ, исходили кровію и наконецъ падали отъ совершеннаго изнеможенія силъ. На другой день битва еще продолжалась въ такъ называемомъ Петербургскомъ предмѣстіи города или форштатѣ, на правомъ берегу Днѣпра. Къ вечеру весь форштатъ былъ объятъ пламенемъ; наши солдаты укрывались въ садахъ, но и тамъ жаръ до того былъ силенъ, что плоды на де-

ревьяхъ испеклись совершенно. Солдаты, лакомясь ими, говорили между собою: „не повѣрятъ намъ дома, что въ Смоленскѣ мы снимали съ деревьевъ печеныя яблоки“.

Утромъ въ тотъ же день, Наполеонъ въѣхалъ въ Смоленскъ, и не нашелъ ничего въ городѣ, кромѣ груды камней и пепла. Изъ числа жителей ему встрѣчались только больные и увѣчные, которые убѣгали въ храмы Божіи, опасаясь насилій отъ ожесточеннаго непріятеля. Наполеонъ отправился въ церковь надъ Днѣпровскими воротами и изъ ея запертыхъ стеклянныхъ дверей смотрѣлъ, какъ по ту сторону сожженнаго моста двѣ русскія пушки отстрѣливались и огнемъ своимъ, по набережной къ городу, наносили вредъ Французамъ. Наполеонъ приказалъ втащить въ церковь Божіей Матери два орудія и, поставивъ ихъ въ дверяхъ балкона, самъ наводилъ ихъ по нашимъ двумъ дѣйствующимъ орудіямъ.

На другой день послѣ описанныхъ событій, 7-го августа Наполеонъ отправился въ соборъ. Войдя туда съ покрытою головою, онъ былъ пораженъ великолѣпіемъ храма и, дойдя до середины, снялъ шляпу, что сдѣлали и всѣ окружавшіе его, бывшіе дотолѣ также съ покрытыми головами. Внутренность храма представляла потрясающее зрѣлище. Тамъ были несчастные, лишенные крова и искавшіе убѣжища, тамъ слышались вопли и стенанія; но Наполеонъ только взглянулъ на несчастныхъ, не сказалъ имъ ни одного слова въ утѣшеніе и вышелъ изъ храма, приказавъ тотчасъ-же приставить къ нему часовыхъ. Между тѣмъ Французы грабили оставшіеся дома и даже святость храмовъ не удержала ихъ святотатственной руки отъ недостойнаго поруганія. Храмы были обращены въ конюшни, въ лазареты и магазины; Спасскую церковь превратили въ тюрьму. Разореніе Смоленска было полное: изъ 2,250 обывательскихъ домовъ, лавокъ и заводовъ уцѣлѣло только 350. Все прочее сдѣлалось жертвою пламени. Изъ жителей удалились изъ города всѣ, кто только могъ бѣжать.

Но посреди ужасовъ, которыми ознаменовано было нашествіе врага на Смоленскъ, ярко сіяла доблесть Русскихъ, окруженныхъ отовсюду и преслѣдуемыхъ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ. Современныя сказанія сохранили нѣсколько подвиговъ истинно-христіанской любви лицъ, принимавшихъ участіе въ кровавой борьбѣ, нѣсколько примѣровъ высокаго самоотверженія и преданности долгу. Такъ генералъ Коновницынъ, выступая изъ Смоленска, былъ озабоченъ не только сохраненіемъ порядка въ отступавшемъ войскѣ, но и участью Смольянъ, уходившихъ

Генералъ Тормасовъ.

Адмиралъ Чичаговъ.

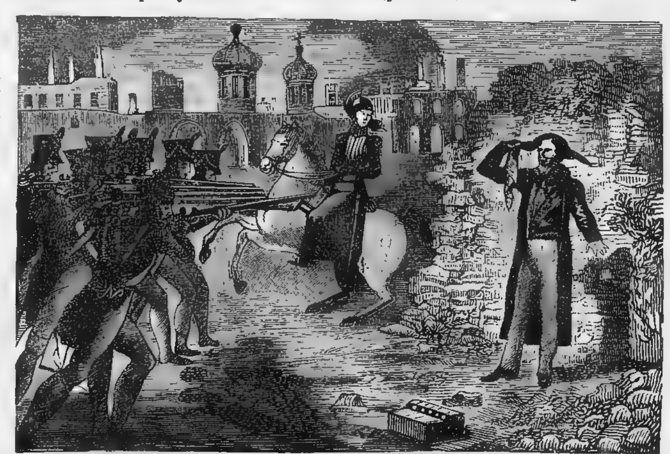
Генералъ Невѣровксій.

Графъ Милорадовичъ.

изъ города съ воплями отчаянія. Здѣсь этотъ мужественный герой, ознаменовавшій себя столь доблестною защитою ввѣреннаго ему поста у Малаховскихъ воротъ, явился истиннымъ ангеломъ-утѣшителемъ несчастныхъ: однимъ онъ давалъ деньги, другихъ ободрялъ словомъ участія, стариковъ и дѣтей приказывалъ сажать на лафеты. Не менѣе его оказалъ добра несчастнымъ и другой доблестный защитникъ Смоленска, генералъ Дохтуровъ.

Французы, утвердившись въ покинутомъ Русскими и разоренномъ Смоленскѣ, озаботились заготовленіемъ хлѣба и фуража для наполненія наскоро заложенныхъ магазиновъ. Но исполнить это сдѣлалось невозможнымъ. Посылаемые для закупки хлѣба комиссары и отряжаемыя для фуражировки команды или гибли подъ ударами Русскихъ или возвращались избитые и израненные. Тогда непріятели вознамѣрились устрашить жителей казнями. Они захватили въ плѣнъ двухъ помѣщиковъ, предводительствовавшихъ вооруженными крестьянами и дворовыми людьми, отставнаго подполковника Энгельгардта и коллежскаго ассесора Шубина, привезли ихъ въ Смоленскъ и, посадивъ ихъ въ Спасскую церковь подъ стражу, приступили къ допросу. Не колеблясь духомъ, Энгельгардтъ отвѣчалъ: „Я русскій подданный; я исполнилъ свой долгъ. Мы должны разить врага, дерзнувшаго нарушить наше спокойствіе и напасть на нашего законнаго Государя. Оковы препятствуютъ мнѣ отмстить въ полной мѣрѣ“. Выслушавъ затѣмъ безтрепетно смертный приговоръ, онъ прибавилъ: „Вы не поработите Россію, вы погибнете; а я благодарю Бога за то, что умираю какъ вѣрный сынъ отечества. Ведите меня скорѣе къ мѣсту моего торжества“. Враги предлагали ему жизнь и свободу, если онъ согласится вступить въ ихъ службу и присягнетъ Наполеону. Герой отвѣчалъ: „Сво-

Смерть партизана Энгельгардта.

бода моя принадлежитъ Богу и русскому Царю; русскіе дворяне умѣютъ умирать за отечество и не привыкли быть рабами иноплеменника". Его отвели въ ровъ близь разрушенныхъ смоленскихъ стѣнъ и хотѣли завязать глаза. Отбросивъ платокъ, Энгельгардтъ сказалъ: „Русскій не боится смерти". Французы сначала прострѣлили ему ногу и опять старались поколебать его вѣрность, обѣщая залечить рану, если онъ согласится на ихъ предложеніе; но Энгельгардтъ остался непреклоненъ и палъ подъ непріятельскими пулями за вѣрность Царю и Отечеству. Такой-же участи подвергся и Шубинъ. Въ 1835 году, по повелѣнію Императора Николая Павловича, на мѣстѣ казни Энгельгардта воздвигнутъ чугунный памятникъ, съ надписью: „Подполковнику Павлу Энгельгардту, умершему въ 1812 г., за вѣрность и любовь къ отечеству".

Стойкая храбрость, оказанная Русскими подъ Смоленскомъ и готовность пожертвовать всѣмъ, лишь бы отстоять родную землю, въ первый разъ выяснили Наполеону его настоящее положеніе. Здѣсь онъ увидѣлъ впервые, что онъ сдѣлалъ большую ошибку, предпринявъ войну противъ Россіи, и здѣсь же ему пришло на мысль обратиться къ Императору Александру съ мирными предложеніями. Въ этихъ видахъ онъ пригласилъ къ себѣ раненнаго и взятаго въ плѣнъ, въ сраженіи при Лубинѣ 7 августа, генерала Тучкова 3-го и, увѣряя его въ любви своей къ Императору Александру и въ уваженіи къ русскому народу, просилъ его довести до свѣдѣнія Императора, что онъ готовъ кончить войну. Надежды Наполеона и на этотъ разъ не сбылись. На письмо генерала Тучкова къ брату его, описывавшее разговоръ съ Наполеономъ и представленное Императору Александру, не послѣдовало никакого отвѣта, да и не могло быть его, послѣ того, какъ Государь далъ слово—не оставлять оружія до тѣхъ поръ, пока хотя одинъ врагъ останется на землѣ русской.

Наполеонъ двинулся далѣе внутрь Россіи, для продолженія губительной войны.

Между тѣмъ главнокомандующимъ всѣхъ русскихъ войскъ былъ назначенъ знаменитый герой, получившій титулъ князя Смоленскаго, Михаилъ Ларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ. По принятіи начальства надъ войскомъ, Кутузовъ тотчасъ сдѣлалъ первыя необходимыя для продолженія борьбы съ врагомъ распоряженія и затѣмъ обратился къ доблестнымъ, но злополучнымъ Смолянамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ:

„Достойные Смоленскіе жители, любезные соотечественники! Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщался я отовсюду о безпримѣрныхъ опы-

тахъ въ вѣрности и преданности вашей къ престолу Августѣйшагѡ Монарха нашего и къ любезнѣйшему отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ шелъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкіе оковы, но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвизалось волею своихъ Самодержцевъ и пламенною любовію къ нимъ, и къ отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго и да водворитъ паки во единое семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались!“

Около того же времени, епископъ Калужскій, за отсутствіемъ Смоленскаго архипастыря, препроводилъ къ Смолянамъ пастырское посланіе, въ которомъ убѣждалъ ихъ пребыть твердыми въ вѣрѣ. „Примите отъ меня сіе напоминаніе, сказано между прочимъ въ посланіи Калужскаго архипастыря, яко состраждущаго вамъ и усердствующаго духовно всякимъ способомъ помочь. Разошлите всѣмъ благочиннымъ, коимъ возможно, сіе моей любви и состраданія свидѣтельство. Подтверждайте пекитесь и надзирайте всѣ купно, да прославляется наша вѣра и Церковь, и не хулится“.

М. Невзоровъ.

Побѣда Графа Витгенштейна надъ корпусомъ Удино.

Генералъ-Лейтенантъ Графъ Витгенштейнъ донесъ Его Императорскому Величеству изъ мѣстечка Бѣлаго, близъ Полоцка, слѣдующее:

„Имѣлъ я счастіе доносить Вашему Императорскому Величеству изъ мѣстечка Освеи отъ 31-го Іюля, что послѣ вторичнаго нанесеннаго мною пораженія 29-го числа, за мѣстечкомъ Кохановымъ, Маршалу Удино, ретировался онъ быстро, имѣя каждый день съ авангардомъ моимъ малыя дѣла; но, получа новое подкрѣпленіе, остановился предъ самымъ Полоцкомъ, почему я вынужденъ былъ вступить съ нимъ въ дѣло 5-го числа Августа, дабы прогнать его въ укрѣпленіе. Дѣло сіе

продолжалось 14 часовъ, при чемъ французы потерпѣли весьма большой уронъ, и отошли въ свои укрѣпленія. Съ нашей стороны потеря простирается убитыми и ранеными до 2000 человѣкъ.—Во все время ретирады непріятеля и въ семъ сраженіи взято въ плѣнъ болѣе 2000 человѣкъ.—Оставаясь съ корпусомъ у самого Полоцка, я располагался сдѣлать движеніе для наблюденія за корпусомъ Маршала Макдональда, какъ Маршалъ Удино къ первому своему подкрѣпленію Баварцами, подъ командою Генерала Вреде, получилъ еще таковыхъ же войскъ дивизію подъ начальствомъ Генерала Деруа, и съ пятью уже дивизіями пѣхоты 6-го числа въ 4-мъ часу по полудни атаковалъ меня на всѣхъ пунктахъ, начавъ сильнѣйшею пушечною пальбою изъ всѣхъ орудій.—Сраженіе было самое жесточайшее, кровопролитнѣйшее и упорнѣйшее съ обѣихъ сторонъ.—Храбрыя войска Вашего Императорскаго Величестоа, не смотря на превосходное втрое число непріятеля, поражали его вездѣ съ обыкновеннымъ мужествомъ и ожесточеніемъ, и, неоднократно опрокидывая его батареи и сильныя колонны, прогоняли до города, и даже въ самыхъ улицахъ онаго сражались. Глубокая темнота ночи заставила насъ пресѣчь сей жесточайшій и отчаянный бой, послѣ котораго онъ отошелъ къ своимъ укрѣпленіямъ; а я, по прежнему моему предположенію, оставя тамъ авангардъ мой, съ корпусомъ перешелъ по Себежской дорогѣ въ мѣстечко Бѣлое.—Въ семъ сраженіи потеря съ обѣихъ сторонъ была болѣе убитыми и ранеными; въ плѣнъ взято нами два Подполковника, пятнадцать Оберъ-Офицеровъ, до пяти сотъ нижнихъ чиновъ и два орудія, коихъ своднымъ кирасирскимъ полкомъ захвачено было пятнадцать, но за неимѣніемъ подъ оными лошадей и по причинѣ рвовъ, насъ раздѣлявшихъ, не могли всѣхъ увезти. Непріятель убитыми и ранеными потерялъ противъ насъ конечно втрое: ибо, кидаясь пѣшими колоннами на наши батареи, оставлялъ всегда большую половину своихъ людей убитыми на мѣстѣ.—Въ сей день означенному сводному кирасирскому полку удалось истребить цѣлыя двѣ колонны, и въ продолженіи всего дѣла оказывалъ вездѣ отличную храбрость. Съ нашей стороны уронъ также не малъ. Генералъ-Маіоры Бергъ и Гаменъ получили контузіи, Генералъ-Маіоръ Казачковской раненъ пулею, Полковникъ Фроловъ картечью. Послѣ сего дѣла непріятель опять вновь остался весьма разстроеннымъ; 5-го числа самъ Маршалъ Удино раненъ въ плечо, и 6-го уже числа вмѣсто его командовалъ старшій по немъ Начальникъ Баварскаго корпуса, Французскій Генералъ Сентъ-Сиръ, и надѣюсь,

что ничего важнаго предпринять не можетъ. Теперь останусь наблюдать со всѣхъ сторонъ Псковской трактъ, и буду ожидать, какіе успѣхи сдѣлаетъ большая армія.

Разбитіе корпуса Удино.

Командиръ 1-го отдѣльнаго корпуса, Генералъ-Лейтенантъ Графъ Витгенштейнъ рапортомъ доноситъ:

По Высочайшему повелѣнію ввѣренный мнѣ корпусъ опредѣленъ дѣйствовать отдѣленно, вслѣдствіе чего оставался я на берегу Двины въ фольваркѣ Покаевцы, для наблюденія непріятеля, противъ меня по ту сторону находившагося, и посылалъ кавалерію мою, наводя въ ночное время мосты, дѣлать много разъ экспедиціи, которыя въ теченіи осьми дней взяли въ плѣнъ одного бригаднаго Генерала де Ст.-Женіеса, 8 Офицеровъ и до тысячи человѣкъ нижнихъ чиновъ и истребили почти совсѣмъ четыре кавалерійскіе непріятельскіе полка, 7-й и 11-й Французскіе конно-егерскіе, Польскихъ: 8 уланской и 10 егерской. Наконецъ 17-го числа сего Іюля получилъ отъ отрядовъ моихъ извѣстіе, что Маршалъ Удино съ корпусомъ, перейдя тамъ Двину, пошелъ къ Себежу, а изъ Динабурга увѣдомили, что Макдональдъ, переправясь чрезъ рѣку въ Якобштадтѣ, взялъ направленіе свое къ Люцину и, по показанію одного плѣннаго Французскаго Офицера, по квартермистрской части, оные два корпуса назначены для отрѣзанія мнѣ Псковскаго тракта.

Въ семъ положеніи я рѣшился итти на ближайшаго непріятеля къ Себежской дорогѣ въ село Клястицы атаковать его; почему 18-го числа, приближаясь къ упомянутому селу Клястицы, не доходя до деревни Якубова за пять верстъ открылъ и корпусъ Удино, который изъ Клястицъ шелъ уже мнѣ на встрѣчу. Я атаковалъ его рѣшительно, и послѣ упорнѣйшихъ и кровопролитныхъ сраженій, продолжавшихся три дня безпрестанно отъ самаго утра до ночи, наконецъ, благодареніе Всещедрому Богу и слава побѣдоноснымъ Россійскимъ войскамъ, побѣда надъ коварнымъ и сильнымъ врагомъ Отечества нашего нами одержана. Корпусъ Маршала Удино, состоявшій изъ трехъ лучшихъ Французскихъ пѣхотныхъ дивизій, совершенно разбитъ, приведенъ въ величайшее разстройство, ретировался въ безпорядкѣ и спасся только помощію лѣсныхъ мѣстъ и переправою чрезъ маленькія рѣчки, на которыхъ жегъ и истреблялъ мосты, чѣмъ удерживалъ почти каждый шагъ и останавливалъ бы-

строту нашего за нимъ преслѣдованія. Дивизіонные Командиры, Легранъ и Вердіеръ, оба ранены. Я его преслѣдую къ Двинѣ въ Полоцкъ. Сіи трехдневныя сраженія увѣнчали новыми лаврами Россійское войско, и ввѣренный мнѣ корпусъ мужествомъ и храбростію своею дѣлалъ невѣроятныя усилія, которыя не могу довольно описать. Все, что ему противупоставлялось, батареи и сильныя колонны, не смотря на жесточайшее и упорнѣйшее защищеніе непріятеля, опрокидывалъ и истреблялъ штыками и дѣйствіемъ артиллеріи; всѣ селенія и поля, чрезъ которыя проходили, покрыты были трупами мертвыхъ тѣлъ. Въ плѣнъ взято до 3,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 25 Офицеровъ, два орудія, пороховые ящики, обозъ, какъ казенный такъ и партикулярный, почти весь остался въ рукахъ побѣдителей, въ числѣ онаго находятся и Генеральскіе экипажи.—Когда же прогоню за Двину, то, оставя его по ту сторону, я намѣренъ обратиться къ корпусу Маршала Макдональда, его атаковать и, съ помощію Божіею и ободренныхъ духомъ чрезъ сей успѣхъ нашихъ войскъ, надѣюсь также что-нибудь сдѣлать, и постараюсь отъ врага очистить назначенную мнѣ операціонную линію; и если сіе случится, тогда непріятельскія войска должны будутъ отступить отъ Риги. Съ нашей стороны уронъ также не малъ, особливо потерею храбраго Генералъ-Маіора Кульнева, которому вчерашняго числа ядромъ оторвало обѣ ноги, и онъ на мѣстѣ умеръ; а самъ также раненъ въ щеку близъ виска пулею, но рана совсѣмъ неопасна.

Побѣда графа Витгенштейна надъ Маршаломъ Сенъ-Сиромъ.

Генералъ Лейтенантъ Графъ Витгенштейнъ, изъ города Полоцка донесъ Его Императорскому Величеству слѣдующее:

Послѣ двухдневнаго упорнѣйшаго и отчаяннаго сопротивленія непріятеля, наконецъ, хвала Всевышнему, Маршалъ Сенъ-Сиръ за Двиною, а я со ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ въ городѣ Полоцкѣ. 6-го Октября атаковалъ я его со стороны селенія Юревисъ, а Генералъ-Лейтенантъ Князь Яшвиль съ своимъ отрядомъ отъ Бѣлова; Генералъ-же Лейтенантъ Графъ Штейнгейль долженъ былъ идти лѣвымъ берегомъ Двины отъ Дисны. Авангардъ непріятельскій встрѣтилъ меня у означеннаго селенія Юревисъ, откуда и былъ онъ прогнанъ къ укрѣпленіямъ. Сраженіе было цaикровопролитнѣйшее; началось въ 6 часовъ утра и продолжалось до глубокой ночи, и я, овладѣвъ мѣстомъ, при-

нудилъ его уйти въ окопы, откуда онъ съ батарей производилъ ужасный пушечный огонь во всѣ стороны. На другой день, то-есть 7-го числа утромъ, я ничего не предпринималъ, выжидая атаки Графа Штейнгейля по ту сторону Двины, что онъ выполнилъ, и вчерашняго числа опрокинувъ непріятеля у селенія Болоніи, преслѣдовалъ его къ Полоцку. Я, узнавъ объ ономъ передъ вечеромъ, и дабы воспользоваться таковымъ положеніемъ непріятеля, угрожавшимъ ему со всѣхъ сторонъ, тогожъ 7-го числа въ 5 часовъ пополудни атаковалъ его и выгналъ изъ сильныхъ укрѣпленій; каковыми движеніями Графъ Штейнгейль много способствовалъ къ одержанію сей побѣды. Послѣ чего заперся онъ въ городѣ, который весь обнесенъ двойнымъ палисадникомъ, гдѣ онъ держался почти во всю ночь, продолжая со всѣхъ сторонъ ружейную стрѣльбу, которую производили они какъ изъ-за палисадовъ, такъ и изъ домовъ; почему приказалъ я стрѣлять на нихъ изъ орудій ядрами и картечью, а наконецъ далъ повелѣніе авангардамъ моимъ штурмовать городъ, съ одной стороны подъ командою Генералъ-Маіоровъ Властова и Дибича, а съ другой подъ начальствомъ Гродненскаго гусарскаго полка Полковника Ридигера; Генералъ же Лейтенантъ Сазоновъ, видя, что войска его приблизились къ Полоцку, самъ кинулся и первый съ ними вошелъ въ городъ. Такимъ образомъ 8-го числа въ 3-мъ часу пополуночи онъ нами занятъ, гдѣ я теперь и нахожусь. Потеря непріятеля должна быть чрезвычайно велика, ибо всѣ мѣста сраженія были покрыты мертвыми тѣлами; и по показанію здѣшнихъ жителей, раненыхъ перевозили они на ту сторону рѣки цѣлый день. Самъ Сенъ-Сиръ раненъ въ ногу. Въ плѣнъ взято нами 45 Штабъ-и Оберъ-Офицеровъ, въ томъ числѣ два Полковника, до 2,000 человѣкъ нижнихъ чиновъ и одна пушка, да въ магазейнѣ довольно значительное число разнаго хлѣба, который онъ не успѣлъ сжечь. Потеря его была-бы несравненно болѣе, если-бы Графъ Штейнгейль могъ преслѣдовать далѣе къ Полоцку; онъ къ сожалѣнію былъ остановленъ за 5 верстъ сильнымъ непріятелемъ. Съ нашей стороны уронъ также немаловаженъ; изъ Генераловъ ранены Генералъ-Маіоры: Балкъ въ голову пулею, Князь Сибирской и Гаменъ получили легкія контузіи, Шефъ 26-го егерьскаго полка Полковникъ Ротъ тяжело пулею въ ногу, и Начальнику дружины Камергеру Мордвинову оторвало ядромъ ногу. О войскахъ Вашего Императорскаго Величества я не могу сказать ничего болѣе, какъ они сражались съ обыкновенною ихъ величайшею храбростію; а Санктпетербургское ополченіе, по приходѣ его ко мнѣ, было раздѣлено по пол-

Сраженіе подъ Витебскомъ.

камъ, въ каждый по одной дружинѣ, и къ восхищенію всѣхъ, дрались съ такимъ отчаяніемъ и неустрашимостію, что ни въ чемъ не отставали отъ своихъ товарищей старыхъ солдатъ, а наипаче отлично дѣйствовали колоннами на штыкахъ подъ главнымъ присмотромъ своего храбраго Начальника Сенатора Бибикова. Убитыми у насъ мало, но раненыхъ довольно, и болѣе отъ того, что не было почти средства останавливать людей, которые колоннами кидались съ великимъ ожесточеніемъ на непріятельскія батареи и окопы. Я теперь занимаюсь построеніемъ мостовъ; окончивъ оные, перейду за Двину и буду дѣйствовать обще съ Графомъ Штейнгейлемъ. О чемъ Вашему Императорскому Величеству счастіе имѣю донести.

Воззваніе къ жителямъ Москвы.

Первопрестольной Столицѣ Нашей Москвѣ.

Непріятель пошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное Наше Отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе; однакожъ, по отеческому сердоболію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности: да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимущество врачу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней Столицѣ Предковъ Нашихъ, Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны Отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе Вѣры, Престола, Царства, того требуютъ. И такъ да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства Нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша Церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ Сами стать посреди народа своего въ сей Столицѣ и въ другихъ Государства Нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ

нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!

АЛЕКСАНДРЪ.

Сраженіе при Бородинѣ.

Главное дѣйствіе Бородинскаго сраженія произошло на пространствѣ 1000 саженъ между Бородиномъ и флешами Багратіона. (Внѣ этого пространства, съ одной стороны была сдѣлана русскими въ половинѣ дня демонстрація кавалеріей Уварова, съ другой стороны за Утицей было столкновеніе Понятовскаго съ Тучковымъ; но это были два отдѣльныя и слабыя дѣйствія въ сравненіи съ тѣмъ, что происходило въ серединѣ поля сраженія). На полѣ между Бородинымъ и флешами, у лѣса, на открытомъ и видномъ съ обѣихъ сторонъ протяженіи, произошло главное дѣйствіе сраженія, самымъ простымъ, безхитростнымъ образомъ.

Сраженіе началось канонадой съ обѣихъ сторонъ изъ нѣсколькихъ сотенъ орудій.

Потомъ, когда дымъ застлалъ все поле, въ этомъ дыму двинулись (со стороны французовъ) справа двѣ дивизіи Дессе и Компана на флеши, и слѣва полки вице-короля на Бородино.

Отъ Шевардинскаго редута, на которомъ стоялъ Наполеонъ, флеши находились на разстояніи версты, а Бородино болѣе чѣмъ въ двухъ верстахъ разстоянія по прямой линіи, а потому Наполеонъ не могъ видѣть того, что происходило тамъ, тѣмъ болѣе что дымъ сливаясь съ туманомъ, скрывалъ всю мѣстность. Солдаты дивизіи Дессе, направленные на флеши, были видны только до тѣхъ поръ, пока они не спустились подъ оврагъ, отдѣлявшій ихъ отъ флешъ. Какъ скоро они спустились въ оврагъ, дымъ выстрѣловъ орудійныхъ и ружейныхъ на флешахъ сталъ такъ густъ, что застлалъ весь подъемъ той стороны оврага. Сквозь дымъ мелькало тамъ что-то черное, вѣроятно люди, и иногда блескъ штыковъ. Но двигались-ли они или стояли, были-ли это французы или русскіе, нельзя было видѣть съ Шевардинскаго редута.

Солнце взошло свѣтло и било косыми лучами прямо въ лицо Наполеона, смотрѣвшаго изъ-подъ руки на флеши. Дымъ стлался предъ флешами, и то казалось, что дымъ двигался, то казалось, что войска двигались. Слышны были иногда изъ-за выстрѣловъ крики людей, но нельзя было знать, что они тамъ дѣлали.

Наполеонъ, стоя на курганѣ, смотрѣлъ въ трубу, и въ маленькій кругъ трубы онъ видѣлъ дымъ и людей, иногда своихъ, иногда русскихъ; но гдѣ было то, что онъ видѣлъ, онъ не зналъ, когда смотрѣлъ опять простымъ глазомъ.

Онъ сошелъ съ кургана и сталъ взадъ и впередъ ходить предъ нимъ.

Изрѣдка онъ останавливался, прислушивался къ выстрѣламъ и вглядывался въ поле сраженія.

Не только съ того мѣста внизу, гдѣ онъ стоялъ, не только съ кургана, на которомъ стояли теперь нѣкоторые его генералы, но и съ самыхъ флешей, на которыхъ находились теперь вмѣстѣ и попеременно то русскіе, то французскіе мертвые, раненые и живые, испуганные или обезумѣвшіе солдаты, нельзя было понять того, что дѣлалось на этомъ мѣстѣ, среди неумолкающей стрѣльбы ружейной и пушечной, то появлялись одни русскіе, то одни французскіе, то пѣхотные, то кавалерійскіе солдаты; появлялись, падали, стрѣляли, сталкивались, не зная, что дѣлать другъ съ другомъ, кричали и бѣжали назадъ.

Съ поля сраженія безпрестанно прискакивали къ Наполеону его посланные адъютанты и ординарцы его маршаловъ съ докладами о ходѣ дѣла; но всѣ эти доклады были ложны: и потому, что въ жару сраженія невозможно сказать, что происходитъ въ данную минуту, и потому, что многіе адъютанты не доѣзжали до настоящаго мѣста сраженія, а передавали то, что они слышали отъ другихъ; и еще потому, что пока проѣзжалъ адъютантъ тѣ двѣ—три версты, которыя отдѣляли его отъ Наполеона, обстоятельства измѣнялись, и извѣстіе, которое онъ везъ, уже становилось невѣрно. Такъ отъ вицекороля прискакалъ адъютантъ съ извѣстіемъ, что Бородино занято и мостъ на Колочѣ въ рукахъ французовъ. Адъютантъ спрашивалъ у Наполеона, прикажетъ-ли онъ переходить войскамъ, Наполеонъ приказалъ выстроиться на той сторонѣ и ждать; но не только въ то время какъ Наполеонъ отдавалъ это приказаніе, но даже когда адъютантъ только что отъѣхалъ отъ Бородина, мостъ уже былъ отбитъ и сожженъ русскими.

На Бородинскомъ полѣ, утромъ.

Прискакавшій съ флешъ, съ блѣднымъ, испуганнымъ лицомъ адъютантъ донесъ Наполеону, что атака отбита, и что Компанъ раненъ и Даву убитъ, а между тѣмъ флеши были заняты другою частью войскъ въ то время, какъ адъютанту говорили, что французы были отбиты, и Даву былъ живъ и только слегка контуженъ. Соображаясь съ таковыми необходимо-ложными донесеніями, Наполеонъ дѣлалъ свои распоряженія, которыя или уже были исполнены прежде, чѣмъ онъ дѣлалъ ихъ, или же не могли быть и не были исполняемы.

Маршалы и генералы, находившіеся въ болѣе близкомъ разстояніи отъ поля сраженія, но такъ-же какъ и Наполеонъ не участвовавшіе въ самомъ сраженіи, и только изрѣдка заѣзжавшіе подъ огонь пуль, не спрашиваясь Наполеона, дѣлали свои распоряженія и отдавали свои приказанія о томъ, куда и откуда стрѣлять, и куда скакать коннымъ и куда бѣжать пѣшимъ солдатамъ. Но даже и ихъ распоряженія, точно такъ-же какъ распоряженія Наполеона, въ самой малой степени и рѣдко приводились въ исполненіе. Большею частью выходило, противное тому, что они приказывали. Солдаты, которымъ велѣно было идти впередъ, попавъ подъ картечный выстрѣлъ, бѣжали назадъ; солдаты, которымъ велѣно было стоять на мѣстѣ, вдругъ, видя противъ себя неожидлнно показавшихся русскихъ, иногда бросались впередъ, и конница скакала безъ приказанія догонять бѣгущихъ русскихъ. Такъ два полка кавалеріи поскакали черезъ Семеновскій оврагъ, и только-что выѣхали на гору, повернулись, и во весь духъ поскакали назадъ. Такъ же двигались и пѣхотные солдаты, иногда забѣгая совсѣмъ не туда, куда имъ велѣно было. Всѣ распоряженія о томъ, куда и когда подвинуть пушки, когда послать пѣшихъ солдатъ — стрѣлять, когда конныхъ — топтать русскихъ пѣшихъ, всѣ эти распоряженія дѣлали сами ближайшіе начальники частей, бывшіе въ рядахъ, не спрашиваясь даже Нея, Даву и Мюрата, не только Наполеона. Они не боялись взысканія за неисполненіе приказанія или за самовольное распоряженіе, потому что въ сраженіи дѣло касается самаго дорогаго для человѣка—собственной жизни, и иногда кажется, что спасеніе заключается въ бѣгствѣ назадъ, иногда въ бѣгствѣ впередъ, и сообразно съ настроеніемъ минуты поступали эти люди, находившіеся въ самомъ пылу сраженія. Въ сущности-же всѣ эти движенія впередъ и назадъ не облегчали и не измѣняли положенія войскъ. Всѣ ихъ набѣганія и наскакиванія другъ на друга почти не производили имъ вреда, а вредъ, смерть и увѣчья наносили ядра и пули, летавшія вездѣ по тому пространству, по кото-

рому метались эти люди. Какъ только эти люди выходили изъ того пространства, по которому летали ядра и пули, такъ ихъ тотчасъ-же стоявшіе сзади начальники формировали, подчиняли дисциплинѣ, и подъ вліяніемъ этой дисциплины вводили опять въ область огня, въ которой они опять (подъ вліяніемъ страха смерти) теряли дисциплину и метались по случайному настроенію толпы.

Гр. Л. Н. Толстой.
Война и миръ.

Битва при Бородинѣ.

Наканунѣ роковой битвы, съ ранняго утра, все приготовилось для нея; артиллерію развозили по мѣстамъ, солдаты острили штыки, бѣлили портупеи, будто готовясь на парадный смотръ; жизнь готовая скоро остыть, кипѣла еще вполнѣ... Насталъ полдень; вдругъ раздалось стройное, священное пѣніе стихиры: „Заступница наша усердная“, по всей арміи понесли чудотворную икону Смоленской Божіей Матери; русское войско, бывшее дотолѣ грознымъ, со смиреніемъ и благоговѣніемъ колѣнопреклонилось предъ Нею. Зрѣлище было трогательное и умилительное; сердца всѣхъ, усердно молившихся, переполнились чудодѣйственною силою желанія—сподобиться славной смерти за дорогую родину.

Настала темная, непроглядная ночь; на бивакахъ обоихъ войскъ запылали безчисленные огни, метавшіе багряное зарево свое на далекое пространство; пламя отразившееся на небѣ, какъ-бы предзнаменовало пролитіе крови на землѣ. Часовые расхаживали взадъ и впередъ, всадники, проѣзжая съ фуражемъ, раздавали сѣно и овесъ. Вокругъ каждаго костра стояли, сидѣли и лежали отдѣльныя кучки воиновъ; въ иныхъ мѣстахъ слышался стукъ отъ рубки дровъ, ломанье сараевъ и заборовъ, трескъ отъ огней и гулъ отъ разговоровъ. Во французскомъ лагерѣ, разсказывали наши плѣнные, раздавались разноязычныя пѣсни, хохотъ, хлопанье пробокъ изъ бутылокъ и шумныя восклицанія. Нѣкоторые изъ непріятелей рѣзались даже въ штосъ; съ насмѣшкой смотрѣли они на благоговѣйную картину молебствія русскихъ, они называли это изувѣрствомъ; мечты о славѣ и побѣдѣ замѣняли имъ молитву. Спалъ-ли кто въ эту ночь.

— Многимъ готовился непробудимый сонъ. Предъ раннимъ утромъ настало вѣщее затишье, костры гасли... Палатка Наполеона раскинута была позади итальянской арміи; безпрестанно посылалъ онъ узнавать:

не уходятъ-ли русскіе? Настало роковое 26-го Августа, въ которое должна была рѣшиться участь Европы; въ 5-мъ часу утра, прискакалъ къ Наполеону курьеръ, посланный отъ Маршала Нея, съ извѣстіемъ, что русскіе выстраиваются уже на мѣстѣ, готовые къ бою. „Лошадь мою, лошадь! — воскликнулъ Наполеонъ, пойдемъ отворять Московскія ворота!“ Окруженный своими маршалами, скоро явился онъ на высотѣ (при с. Шевардинѣ). Раннее утро было холодно и пасмурно, сквозь нависшій на землю туманъ, чуть видно было движеніе массы враждующихъ армій. Наполеонъ увидѣлъ, что здѣсь собраны были всѣ силы русскихъ; онъ запѣлъ вполголоса: „la victoire en chantant nous ouvre la barriere“ (побѣда съ пѣніемъ открываетъ намъ путь). Наконецъ, въ половинѣ шестаго часа, вспыхнуло на востокѣ яркое солнце, знаменовавшее начало прекраснаго дня; ослѣпительно заиграло оно на мѣди пушекъ и скользило лучами своими по смертоносной стали штыковъ и ружей.

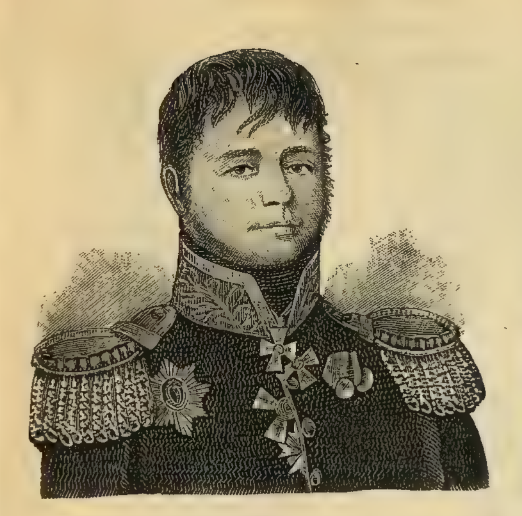
Наполеонъ истощалъ всѣ способы для ободренія своего войска: „c'est le soleil d'Austerlitz“, (это Аустерлицкое солнце)! — громко воскликнулъ онъ, nous en acceptons l'augure, sire (пріемлемъ предвѣщаніе В. В. отвѣчали ему солдаты). Послѣ этого, предъ каждымъ полкомъ его, читали слѣдующее возваніе:

„Солдаты! наступаетъ сраженіе, котораго вы такъ давно желали; непріятель, до сихъ поръ уклонявшійся отъ сраженія бѣгствомъ, наконецъ остановился и ожидаетъ боя. Побѣда зависитъ отъ васъ самихъ. Она намъ необходима. Слѣдствіемъ ея будетъ всевозможное изобиліе, хорошія зимнія квартиры и скорое возвращеніе въ отечество; помните, что вы французы. Поступайте такъ, какъ вы поступали подъ Аустерлицемъ, подъ Фридландомъ, подъ Смоленскомъ, подъ Витебскомъ—и позднѣйшее потомство будетъ твердить о вашихъ подвигахъ, оказанныхъ въ этотъ день. Объ васъ будутъ говорить: онъ былъ въ знаменитомъ сраженіи подъ стѣнами Москвы!“

Да здравствуетъ императоръ! Мы взяли Вѣну, Берлинъ, Мадридъ, Римъ и Неаполь—возьмемъ и Москву!—восклицали французы.

Въ этотъ день Наполеонъ былъ неузнаваемъ: то молчаливъ и задумчивъ, то вспыльчивъ и говорливъ; рука Провидѣнія тяготѣла уже надъ нимъ... Раздался сигнальный трубный звукъ и перекаты барабаннаго боя...

Князь Кутузовъ еще съ ранней зари находился на возвышенномъ мѣстѣ, въ деревнѣ Горкахъ, обозрѣвая оттуда всю мѣстность, онъ

Графъ Толь.

Генералъ Дохтуровъ.

Генералъ Кульневъ.

Генералъ Ермоловъ.

хладнокровно разставлялъ полки свои, онъ чувствовалъ важность битвы и говорилъ начальникамъ войскъ: „Сберегайте резервы, кто ихъ сохранилъ, тотъ еще непобѣжденъ, наступать колоннами и быстро дѣйствовать штыками“. Нашихъ солдатъ поставили въ боевой порядокъ, имъ прочитали краткое воззваніе Главнокомандующаго, самое важное и впечатлительное выраженіе было въ немъ: „за нами Москва“.

Всѣ распоряженія были уже сдѣланы, все предусмотрѣно и обдумано; никакому поэту и художнику не нашлось-бы безопаснаго мѣста. откуда-бы онъ могъ наблюдать за картиной этого сраженія. Первое французское ядро упало на то мѣсто, гдѣ Кутузовъ имѣлъ ночлегъ: это была повѣстка къ битвѣ. Войско наше, въ глубокомъ, но грозномъ безмолвіи, двинулось противъ враговъ. Икона Смоленской Богоматери въ кивотѣ стояла въ срединѣ арміи, предъ ней священники, въ полномъ облаченіи, совершали молебствіе, раздавались отрадныя напѣвы: „Взбранной Воеводе побѣдительная“.

Полки наши, проходя мимо иконы на смертный бой, благоговѣйно крестились. Французы, со штыками на перевѣсъ—перешли за рѣку Колочу и вдругъ раздался ужасный громъ изъ нѣсколькихъ сотъ огнедышащихъ французскихъ жерлъ; наши отвѣчали тѣмъ же. Пошла страшная трескотня канонады, казалось, что громы воздушные уступали мѣсто свое громамъ земнымъ; войска сшиблись—и густые клубы дыма. сквозь который прорывались снопы пламени, закутали ихъ... огненныя параболы гранатъ забороздили небо, понесся невидимый ураганъ чугуна и свинца. Столкновеніе противниковъ было самое ожесточенное. Очевидцы разсказываютъ, что многіе изъ сражавшихся, побросавъ свое оружіе, сцѣплялись другъ съ другомъ, раздирали другъ другу рты. душили другъ друга въ тѣсныхъ объятіяхъ и вмѣстѣ падали мертвыми. Здѣсь бился Наполеонъ за всю свою будущность... Артиллерія скакала по трупамъ, какъ по бревенчатой мостовой, втискивая ихъ въ землю, упитанную кровію, и все это происходило на пространствѣ одной квадратной версты. Многіе батальоны перемѣшались между собою такъ, что нельзя было различить непріятелей отъ своихъ. Люди и лошади, ужасно изуродованные, лежали въ разныхъ группахъ; раненые, покуда могли, брели къ перевязкамъ, начальниковъ несли на плащахъ. Стойкость русскихъ, хотя ихъ было и менѣе числомъ, нежели французовъ, остановила бѣшеные порывы враговъ; пронзаемые штыками и поражаемые картечью, воины до того сперлись, что, умирая, не имѣли мѣста, гдѣ упасть на землю: ядра сталкивались между собою и отскакивали назадъ, нѣкоторые по-

Сраженіе при Бородинѣ.

*

падали въ дула сражающихся. Чугунъ и желѣзо, пережившіе самое время, отказались служить мщенію людей, раскаленныя пушки не могли выдерживать дѣйствія пороха и лопались съ трескомъ, поражая заряжавшихъ ихъ артиллеристовъ; ядра, съ визгомъ ударяясь о землю, взбрасывали вверхъ кусты и разрывали поля, какъ плугомъ; пороховые ящики взлетали на воздухъ. Крики командировъ и вопли отчаянія на 10-ти разныхъ языкахъ, смѣшивались съ пальбою и барабаннымъ боемъ. Съ обѣихъ сторонъ болѣе, нежели изъ тысячи пушекъ, сверкало пламя и гремѣлъ оглушительный громъ, отъ котораго дрожала земля на нѣсколько верстъ; ядра залетали далеко послѣдними прыжками или катались на излетѣ, батареи переходили изъ рукъ въ руки. Чудное и ужасное зрѣлище представилось тогда: надъ лѣвымъ крыломъ нашей арміи висѣло густое облако отъ дыма огнестрѣльныхъ оружій, смѣшавшись съ парами крови, оно совершенно затмило дневной свѣтъ, солнце покрылось кровавою пеленою, передъ центромъ пылало Бородино—облитое огнемъ, а правый флангъ нашъ освѣщенъ былъ яркимъ солнцемъ. Тамъ въ одно и то же время представлялись: день, вечеръ и ночь!—Земля взмокла, напиталась кровью и почернѣла... Канонада съ обѣихъ сторонъ продолжалась до вечера, съ наступленіемъ мрака она стала ослабѣвать прежде у непріятелей.

По окончаніи битвы и при наступленіи вечера, прибавляютъ очевидцы, солнце, закатываясь въ этотъ день за горизонтъ, отбрасывало на землю самые багровые лучи, будто обмокнутые въ лужахъ крови; луна, какъ ликъ покойника, тускло освѣтила на бородинскомъ полѣ болѣе 100.000 труповъ... Около взорванныхъ зарядныхъ ящиковъ вокругъ была выжжена земля, а люди и лошади разбросаны, обгорѣлые... Обширное и вмѣстѣ тѣсное кладбище! Французы назвали эту битву битвою генераловъ, по причинѣ множества убитыхъ высшихъ чиновъ съ обѣихъ сторонъ; наши солдаты говорили тогда: „такова была жарня и побоище, что у самаго чорта тряслась борода, лѣсъ пѣлъ и вода говорила, мы не сдвинулись съ своего мѣста ни на шагъ, гдѣ начали, тамъ и покончили“. Безспорно, что французовъ при Бородинѣ было больше, но русскіе не уступали имъ; трофеи съ обѣихъ сторонъ были ровные, не взято ни одного русскаго знамени, ни одного французскаго орла.

Подобной битвы, со времени изобрѣтенія огнестрѣльнаго оружія, не было еще въ Европѣ; какъ же не назвать ее генеральною, по множеству убитыхъ на ней генераловъ съ обѣихъ сторонъ. Про герой-

ское самоотверженіе нашего войска нечего говорить; объ немъ, хотя безмолвно, но краснорѣчиво, высказываетъ памятникъ, эта каменная лѣтопись, поставленный на Бородинскомъ полѣ. Здѣсь въ первый и въ послѣдній разъ былъ смертельно раненъ князь Багратіонъ; ему хотѣли отнять ногу, „оставьте, сказалъ онъ, предчувствуя свою кончину“, эта рана за Москву, Боже, спаси отечество!—Тамъ пали: молодой герой Кутайсовъ, разорванный ядромъ, когда онъ, вмѣстѣ съ Ермоловымъ, велъ въ штыки полкъ на батарею, Тучковъ (объ немъ писали, что онъ дѣйствовалъ съ полкомъ своимъ, какъ на ученьѣ; онъ былъ убитъ въ то самое время, когда воскликнулъ полку своему: впередъ)! и многіе другіе; объ нихъ, подробнѣе, какъ и объ отличившихся герояхъ, на этой битвѣ, говоритъ исторія на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Нельзя пройти молчаніемъ храбрость и искусныя распоряженія въ этой битвѣ Барклая-де-Толли: потрясенный душевнымъ недугомъ отъ того, что никто не оцѣнилъ его благоразумныхъ дѣйствій, во время командованія имъ 1-ю арміею, онъ искалъ смерти; онъ являлся въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ сраженія, но не торопясь; очевидцы разсказываютъ, что онъ хладнокровно останавливался подъ сыплею пуль, погладитъ свой мундиръ, понюхаетъ табаку и вдругъ, давъ своей лошади шпоры, брызнетъ на враговъ. Имена героевъ врѣзаны не на однихъ холодныхъ могильныхъ плитахъ.

На другой день послѣ сраженія, солнце какъ-будто отказалось освѣтить поразительную картину смертнаго побоища, тучи сѣрыми клочьями носились по небосклону, посыпался дождь и загудѣлъ сильный вѣтеръ. Наполеонъ, медленно, на бѣломъ, статномъ арабскомъ конѣ своемъ, Евфратѣ (подаренномъ ему персидскимъ Шахомъ), выѣхалъ осмотрѣть обширное поле сраженія, изрытое ядрами, на которомъ, въ разныхъ положеніяхъ, лежали трупы людей и лошадей. Тамъ побѣдитель кончался на побѣжденномъ, живой погребался подъ мертвымъ, тамъ виднѣлись разломанные пороховые ящики, подбитые лафеты и разныя орудія, выпавшія изъ мертвыхъ рукъ; силою картечь, расторженныя перья изъ султановъ, носились по воздуху, свѣтлыя кирасы потеряли свой блескъ, закопченныя порохомъ или обрызганныя кровью, раненые ползали по землѣ со стономъ, нѣкоторые, изъ состраданія, добивали другъ друга... Между ними бродили истощенные голодомъ солдаты, отыскивая себѣ пищи въ ранцахъ убитыхъ товарищей своихъ. Замѣтно было, что вопли несчастныхъ проникли до глубины души Наполеона; онъ, приказавъ, по возможности, облегчить ихъ участь, повернулъ лошадь свою въ сторону.

Кутузовъ отступалъ, сражаясь на каждомъ шагу, не оставляя ни пушки, ни обоза непріятелямъ и прикрывая длинные ряды телѣгъ съ ранеными. Онъ сберегалъ свои войска и стройно приближался къ Москвѣ; французы порывались къ ней, ожидая найти тамъ конецъ тяжкой войнѣ; Наполеонъ вполнѣ былъ увѣренъ, что подъ Москвой будетъ еще ожесточенное сраженіе.

С. М. Любецкій.

Битва при Бородинѣ.

Страшный видъ поля сраженія, покрытаго трупами и ранеными, въ соединеніи съ тяжестью головы и съ извѣстіями объ убитыхъ и раненыхъ двадцати знакомыхъ генералахъ и съ сознаніемъ безсильности своей прежде сильной руки, произвели неожиданное впечатлѣніе на Наполеона, который обыкновенно любилъ разсматривать убитыхъ и раненыхъ, испытывая тѣмъ свою душевную силу (какъ онъ думалъ). Въ этотъ день ужасный видъ поля сраженія побѣдилъ ту душевную силу, въ которой онъ полагалъ свою заслугу и величіе. Онъ поспѣшно уѣхалъ съ поля сраженія и возвратился къ Шевардинскому кургану. Желтый, опухлый, тяжелый, съ мутными глазами, краснымъ носомъ и охриплымъ голосомъ, онъ сидѣлъ на складномъ стулѣ, невольно прислушиваясь къ звукамъ пальбы и не поднимая глазъ. Онъ съ болѣзненною тоской ожидалъ конца того дѣла, которому онъ считалъ себя причастнымъ, но котораго онъ не могъ остановить. Личное человѣческое чувство на короткое мгновеніе взяло верхъ надъ тѣмъ искуственнымъ призракомъ жизни, которому онъ служилъ такъ долго. Онъ на себя переносилъ тѣ страданія и ту смерть, которыя онъ видѣлъ на полѣ сраженія. Тяжесть головы и груди напоминала ему о возможности и для него страданій и смерти. Онъ въ эту минуту не хотѣлъ для себя ни Москвы, ни побѣды, ни славы. (Какой нужно было ему еще славы?) Одно, чего онъ желалъ, теперь,—отдыха, спокойствія и свободы. Но когда онъ былъ на Семеновской высотѣ, начальникъ артиллеріи предложилъ ему выставить нѣсколько батарей на эти высоты для того, чтобъ усилить огонь по столпившимся предъ Князьковымъ русскимъ войскомъ. Наполеонъ согласился и приказалъ привезти ему извѣстіе о томъ, какое дѣйствіе произведутъ эти батареи.

Адъютантъ пріѣхалъ сказать, что по приказанію Императора 200 орудій направлены на русскихъ, но что русскіе все такъ же стоятъ.

— Нашъ огонь рядами вырываетъ ихъ, а они стоятъ, сказалъ адъютантъ.

— Имъ еще хочется!... сказалъ Наполеонъ охриплымъ голосомъ.

— Государь? повторилъ неразслушавшій адъютантъ.

— Еще хочется, нахмурившись прохрипѣлъ Наполеонъ осиплымъ голосомъ,—ну и задайте имъ.

Нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ лежало жертвами въ разныхъ положеніяхъ и мундирахъ на поляхъ и лугахъ принадлежавшихъ господамъ Давыдовымъ и казеннымъ крестьянамъ, на тѣхъ поляхъ и лугахъ, на которыхъ сотни лѣтъ одновременно сбирали урожаи и пасли скотъ крестьяне деревень Бородина, Горокъ, Шевардина и Семеновскаго. На перевязочныхъ пунктахъ, на десятину мѣста, трава и земля были пропитаны кровью. Толпы раненыхъ и не раненыхъ разныхъ командъ людей, съ испуганными лицами, съ одной стороны брели назадъ, къ Можайскому, съ другой стороны назадъ, къ Валуеву. Другія толпы измученныя и голодныя, ведомыя начальниками, шли впередъ. Третьи стояли на мѣстахъ и продолжали стрѣлять.

Надъ всѣмъ полемъ, прежде столь весело-красивымъ, съ его блестками штыковъ и дымомъ въ утреннемъ солнцѣ, стояла теперь мгла сырости и дыма, и пахло странною кислотой селитры и крови. Собрались тучки, и сталъ накрапывать дождикъ на убитыхъ, на раненыхъ, на испуганныхъ, и на изнуренныхъ, и на сомнѣвающихся людей. Какъ будто онъ говорилъ: „Довольно, довольно, люди. Перестаньте... Опомнитесь. Что вы дѣлаете?“

Измученнымъ, безъ пищи, и безъ отдыха, людямъ той и другой стороны, начинало одинаково приходить сомнѣніе о томъ, слѣдуетъ ли имъ еще истреблять другъ друга, и на всѣхъ лицахъ было замѣтно колебанье, и въ каждой душѣ одинаково поднимался вопросъ: „Зачѣмъ, для кого мнѣ убивать и быть убитому? Убивайте кого хотите, дѣлайте, что хотите, а я не хочу больше!“ Мысль эта къ вечеру одинаково созрѣла въ душѣ каждаго. Всякую минуту могли эти люди ужаснуться того, что они дѣлали, бросить все и побѣжать куда попало.

Но хотя уже къ концу сраженія люди чувствовали весь ужасъ своего поступка, хотя они рады бы были перестать, какая-то непонятная таинственная сила еще продолжала руководить ими, и запотѣлые, въ порохѣ и крови, оставшіеся по одному на три артиллеристы, хотя и спотыкаясь и задыхаясь отъ усталости, приносили заряды, заряжали, наводили, прикладывали фитили; и ядра также быстро и жестоко пере-

летали съ обѣихъ сторонъ и расплющивали человѣческое тѣло, и продолжало совершаться то страшное дѣло, которое совершается не по волѣ людей, а по волѣ Того, Кто руководитъ людьми и мірами.

Тотъ, кто посмотрѣлъ бы на разстроенные зады Русской арміи, сказалъ бы, что французамъ стоитъ сдѣлать еще одно маленькое усиліе, и русская армія исчезнетъ; и тотъ, кто посмотрѣлъ бы на зады французовъ, сказалъ бы, что русскимъ стоитъ сдѣлать еще маленькое усиліе, и французы погибли. Но ни французы, ни русскіе не дѣлали этого усилія, и пламя сраженія медленно догорало.

Русскіе не дѣлали этого усилія, потому что не они атаковали французовъ. Въ началѣ сраженія, они только стояли по дорогѣ въ Москву, загораживая ее, и точно также они продолжали стоять при концѣ сраженія, какъ они стояли при началѣ его. Но ежели бы даже цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы сбить французовъ, они не могли сдѣлать это послѣднее усиліе, потому что всѣ войска русскихъ были разбиты, не было ни одной части войска не пострадавшей въ сраженіи, и русскіе, оставаясь на своихъ мѣстахъ, потеряли половину своего войска.

Французамъ, съ воспоминаніемъ всѣхъ прежнихъ пятнадцатилѣтнихъ побѣдъ, съ увѣренностью въ непобѣдимости Наполеона, съ сознаніемъ того что они завладѣли частью поля сраженья, что они потеряли только одну четверть людей, и что у нихъ еще есть двадцатитысячная, нетронутая гвардія, легко было сдѣлать это усиліе. Французамъ, атаковавшимъ русскую армію съ цѣлью сбить ее съ позиціи, должно было сдѣлать это усиліе, потому что до тѣхъ поръ, пока русскіе, точно такъ же какъ и до сраженія, загораживали дорогу въ Москву, цѣль французовъ не была достигнута, и всѣ ихъ усилія и потери пропали даромъ. Но французы не сдѣлали этого усилія. Нѣкоторые историки говорятъ, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардію для того, чтобы сраженіе было выиграно. Говорить о томъ, что бы было, если-бы Наполеонъ далъ свою гвардію, все равно что говорить о томъ, что бы было, еслибъ осенью сдѣлалась весна. Этого не могло быть. Не Наполеонъ не далъ своей гвардіи, потому что онъ не захотѣлъ этого, но этого нельзя было сдѣлать. Всѣ генералы, офицеры, солдаты французской арміи знали, что этого нельзя было сдѣлать, потому что упадшій духъ войска не позволялъ этого.

Не одинъ Наполеонъ испытывалъ то похожее на сновидѣнье чув-

Генералъ Багговутъ.

Генералъ Уваровъ.

Графъ Кутайсовъ.

Генералъ Иловайскій.

ство, что страшный размахъ руки падаетъ безсильно, но всѣ генералы, всѣ участвовавшіе и не участвовавшіе солдаты французской арміи, послѣ всѣхъ опытовъ прежнихъ сраженій (гдѣ послѣ вдесятеро-меньшихъ усилій непріятель бѣжалъ) испытывали одинаковое чувство ужаса предъ врагомъ, который, потерявъ половину войска, стоялъ такъ же грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Нравственная сила французской атакующей арміи была истощена. Не та побѣда, которая опредѣляется знаменами, и тѣмъ пространствомъ, на которомъ стояли и стоятъ войска, а побѣда нравственная, та, которая убѣждаетъ противника въ нравственномъ превосходствѣ своего врага и въ своемъ безсиліи, была одержана русскими подъ Бородинымъ. Французское нашествіе, какъ разъяренный звѣрь, получившій въ своемъ разбѣгѣ смертельную рану, чувствовало свою погибель; но оно не могло остановиться, такъ же какъ и не могло не отклониться вдвое слабѣйшее русское войско. Послѣ даннаго толчка французское войско еще могло докатиться до Москвы, но тамъ, безъ новыхъ усилій со стороны русскаго войска, оно должно было погибнуть, истекая кровью отъ смертельной, нанесенной при Бородинѣ, раны. Прямымъ слѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой, Смоленской дорогѣ, погибель пятисотъ тысячнаго нашествія, и погибель Наполеоновской Франціи, на которую въ первый разъ подъ Бородиномъ была наложена рука сильнѣйшаго духомъ противника.

Гр. Л. Н. Толстой.
Война и миръ.

Отъ Бородина до Москвы.

Послѣ Бородинской битвы французскія войска „провели на бивуакахъ ужасную ночь, безъ огней, посреди мертвыхъ, умирающихъ и раненыхъ. Только на разсвѣтѣ они узнали объ отступленіи русскихъ. Едва-ли когда случалось, чтобы побѣдители испытывали послѣ побѣды такое необычайное чувство: они были какъ будто ошеломлены (frappés du stupeur). Послѣ столькихъ бѣдствій, лишеній и трудовъ, перенесенныхъ для того, чтобы понудить непріятеля къ сраженію, послѣ такихъ подвиговъ мужества, какія-же послѣдствія? Въ концѣ концовъ страшная рѣзня и скопленіе бѣдъ. Еще менѣе, чѣмъ прежде, знали они, долго-ли продлится война и какой будетъ ея исходъ“. Безъ со-

мнѣнія не бывало другой побѣды, которая производила-бы такое дѣйствіе на побѣдителей. Подобное настроеніе духа въ войскахъ и невозможно послѣ одержанной побѣды, особенно въ первое время, когда еще неизвѣстны потери. А между тѣмъ это торжество, какъ въ арміи, такъ и въ палаткѣ Наполеона, было безмолвно, мрачно, скромно и даже безъ льстецовъ. Вечеромъ послѣ битвы не слышалось ни пѣсенъ, ни разсказовъ: господствовало общее, грустное и молчаливое, уныніе.

Императоръ Наполеонъ, приказавъ прекратить бой, вечеромъ въ 7 часовъ, возвратился въ свою палатку. Его лицо необычайно горѣло, волосы были въ безпорядкѣ; онъ имѣлъ видъ усталый. Часа два провелъ онъ одинъ въ палаткѣ, потомъ велѣлъ позвать къ себѣ графовъ Дарго и Дюма. „Въ 9 часовъ вечера, разсказываетъ первый изъ нихъ, мы были позваны къ императору. Ему подали обѣдъ; онъ былъ одинъ. Онъ посадилъ насъ, одного по правую, другаго по лѣвую сторону. Выслушавъ наши донесенія о тѣхъ распоряженіяхъ, которыя мы сдѣлали относительно раненыхъ и о ничтожности способовъ, которые представляли намъ Колоцкій монастырь и нѣсколько уцѣлѣвшихъ избъ около Бородина, онъ началъ говорить объ исходѣ битвы и—вдругъ заснулъ. Минутъ черезъ двадцать, онъ проснулся и продолжалъ рѣчь. „Будутъ удивляться, почему я не ввелъ въ дѣло моихъ резервовъ, чтобы достигнуть болѣе рѣшительныхъ послѣдствій; но я долженъ ихъ сохранить для рѣшительнаго удара въ сраженіи, которое дастъ намъ непріятель подъ Москвою“. Наполеонъ, также какъ и Кутузовъ, предполагалъ возможность новаго большаго сраженія и, стало быть, не считалъ русскую армію разбитою и только что замолкнувшій бой рѣшительною побѣдою. Но, поддерживая вѣру въ свою непобѣдимость, онъ хотѣлъ увѣрить не только всю Европу, но и своихъ боевыхъ сотрудниковъ, свидѣтелей происшествія, что онъ одержалъ побѣду.

„Успѣхъ дня обезпеченъ, продолжалъ онъ, но я долженъ заботиться объ успѣхѣ всей компаніи, и вотъ почему мнѣ слѣдовало сберечь мои резервы“. Когда онъ говорилъ, Дюма и Дарго слушали его молча; но ихъ опущенные глаза, ихъ молчаніе достаточно выражало что они думали. Они молчали только въ присутствіи Наполеона, передъ которымъ не смѣли говорить. Внѣ его палатки всѣ говорили, что сраженіе съ утра было выиграно на лѣвомъ крылѣ; но вдругъ успѣшный его ходъ былъ пріостановленъ и для продолженія битвы двинуты противъ центра огромныя силы, какъ это дѣлалось въ первобытныя времена военнаго искусства; что въ этомъ сраженіи не было никакого

единства въ дѣйствіяхъ, что это побѣда солдатъ, а не военачальника. Къ чему такъ спѣшили догнать непріятеля, имѣя войска усталыя, истощенныя, ослабленныя? Зачѣмъ, догнавъ его, не довершить пораженія и въ бѣдственномъ положеніи оставаться посреди озлобленнаго народа, въ безпредѣльныхъ степяхъ, въ 800 миляхъ отъ своихъ запасныхъ силъ? „Въ этотъ важный день я не узнавалъ Наполеонова генія“, говорилъ Мюратъ. „Я не могу понять его нерѣшительность“, говорилъ вице-король итальянскій. Ней настойчиво совѣтовалъ отступать. Наполеонъ побѣдилъ, но не достигъ той цѣли, которая составляла предметъ его постоянныхъ желаній, и его положеніе сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ. Рѣшившись продолжать дальнѣйшее движеніе внутрь Россіи, онъ только умножалъ опасность; рѣшившись отступать, онъ понесъ-бы большія потери, а его противникъ пріобрѣлъ-бы огромную нравственную силу. До этого времени геній Наполеона по преимуществу блисталъ на самомъ полѣ сраженія; тамъ онъ, казалось, повелѣвалъ судьбою.

При Бородинѣ, почти во все время сраженія, онъ находился въ такомъ состояніи равнодушія и въ такомъ отдаленіи отъ боеваго поприща, что самъ не могъ видѣть дѣйствій, а потому отдавалъ часто несвоевременныя приказанія. Въ самыя важныя минуты сраженія онъ выказывалъ большую нерѣшительность и былъ ниже своей славы. Такъ говорилъ Шамбре.

Конечно, не простуда, которою слегка страдалъ въ это время Наполеонъ, была причиною того, что на поляхъ Бородина онъ казался своимъ боевымъ товарищамъ и поклонникамъ его генія совершенно инымъ человѣкомъ, нежели при Аустерлицѣ, Іенѣ и Фридландѣ. Его способности, какъ военачальника, не утратили своей силы; но положеніе дѣлъ было совершенно иное въ сравненіи съ прежнимъ. Это былъ уже не военачальникъ, способный жертвовать всѣмъ своему призванію; но императоръ, женатый на принцессѣ старѣйшаго изъ царственныхъ домовъ въ Европѣ, основатель династіи, которую онъ желалъ упрочить на престолѣ Франціи, государь, сравнивавшій себя съ Карломъ Великимъ. Могъ-ли онъ, гоняясь только за славою полководца, подвергать свою жизнь опасности? Напротивъ, онъ берегъ себя и въ пресловутомъ бюллетенѣ о Бородинскомъ сраженіи счелъ нужнымъ прямо заявить Европѣ, что „императоръ ни разу не подвергалъ себя опасности“.

Французская армія дѣйствовала наступательно, а потому не могла отбить непріятеля. Русскія войска отбили ея нападеніе и разстроили

Въ Бородинскомъ бою 26 августа 1812 г.

ее. Наполеонъ и не преслѣдовалъ въ порядкѣ отступившихъ нашихъ войскъ, но шелъ слѣдомъ за ними. Обозрѣвъ поле сраженія и принявъ мѣры къ призрѣнію раненыхъ, онъ около полудня двинулъ свой авангардъ, подъ начальствомъ Мюрата, къ Можайску съ приказаніемъ остановиться въ 6 или 7 верстахъ за этимъ городомъ. Въ то время какъ Мюратъ начиналъ уже приближаться къ нашему аріергарду, въ послѣдній разъ находившемуся подъ начальствомъ Платова, въ 4 часа пополудни начали выступать и остальныя французскія войска. Вмѣстѣ съ нимн направился къ Можайску и самъ императоръ Наполеонъ, пославъ напередъ графа Сегюра объявить Мюрату, что онъ намѣренъ ночевать въ этомъ городѣ. Приблизившись къ Неаполитанскому королю, графъ Сегюръ нашелъ его въ сильномъ волненіи и негодованіи на войска. Онъ торопилъ ихъ идти впередъ, не смотря на то, что ему было донесено, что на пути ихъ движенія находится непроходимый для конницы оврагъ; а на высотахъ за Можайскомъ, господствующихъ надъ городомъ и его окрестностями, выстроились въ грозномъ боевомъ порядкѣ Русскіе. Заносчивый Мюратъ, не довольствуясь сшибками отдѣльныхъ отрядовъ, хотѣлъ ввести въ дѣло всѣ полки своего авангарда, сердился, что они подвигаются медленно и не хотѣлъ слушать, что между нимъ и Русскими, находившимися передъ Можайскомъ, былъ непроходимый для конницы оврагъ. Графъ Сегюръ уговорилъ его не вступать въ сраженіе и возвратился объяснить императору Наполеону положеніе дѣлъ. „Я повстрѣчалъ маршала Мортье,—говоритъ онъ,—и мы пошли вмѣстѣ съ нимъ. Разговаривая между собою, мы замѣтили, что къ намъ приближается Русское ядро. «Посторонитесь, Сегюръ, —сказалъ маршалъ:—уступимъ дорогу тому, кто болѣе нашего спѣшитъ» (aux plus pressés). Когда мы разступились, я замѣтилъ въ сторонѣ человѣка въ сѣромъ сюртукѣ, который шелъ одинъ. Это былъ императоръ; онъ шелъ по дорогѣ къ Можайску, тихо, съ опущенною головою. Я подошелъ къ нему и замѣтилъ, что онъ находится подъ Русскими выстрѣлами. „Стало быть Русскіе еще держатся въ Можайскѣ?“ День уже клонился къ вечеру; я указалъ ему на огни по крайней мѣрѣ 40-тысячной арміи на высотахъ за Можайскомъ и прибавилъ, что сильный аріергардъ защищаетъ входъ въ городъ. Наполеонъ повернулъ назадъ, сказавъ: „Если такъ, то пойдемъ и подождемъ до завтра“, и провелъ ночь въ первой попавшейся деревушкѣ Кривушѣ. Очевидно, императоръ Наполеонъ не думалъ преслѣдовать Русскія войска, но шелъ за ними, наблюдая ихъ движеніе и не зная, что́ можетъ предпринять Русскій главнокомандую-

Совѣтъ въ Филяхъ. Съ картины Кившенко.

щій. Что въ такомъ именно настроеніи духа находился императоръ Наполеонъ, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее обстоятельство. Во всю боевую его жизнь никогда не случалось, чтобы онъ медлилъ извѣстить Францію и Европу объ одержанной побѣдѣ, и всегда бывало, что онъ немедленно диктовалъ бюллетень, извѣщавшій всѣхъ объ его успѣхѣ. Между тѣмъ „18-й бюллетень великой арміи“ помѣченъ: „Можайскъ 12-го сентября 1812 г.“ (30 августа), т. е. черезъ четыре дня спустя послѣ Бородина, когда Наполеонъ убѣдился, что Русскія войска безостановочно продолжаютъ отступленіе къ Москвѣ. Это отступленіе послѣ большого, кровопролитнаго сраженія, давало ему предлогъ выдать передъ Европою Бородино какъ одну изъ блистательныхъ побѣдъ великой арміи. Такъ смотрѣли на дѣло и тѣ изъ его боевыхъ сотрудниковъ, которые, не участвуя въ немъ, не увлекались отдѣльными подвигами лицъ и разныхъ частей войскъ въ разные періоды битвы и общею отчаянною храбростію всѣхъ войскъ, хорошо знавшихъ, что только одержанная побѣда можетъ вывести ихъ изъ того бѣдственнаго положенія, въ какомъ они находились“.

„Это сраженіе,—говоритъ маршалъ Сенъ-Сиръ, самое кровопролитное, какое только представляетъ исторія доставило Наполеону одну выгоду, если только доставило какую-нибудь: оно облегчало его прибытіе въ Москву. Русскіе, несмотря на самое упорное сопротивленіе, были побѣждены потому только, что должны были отступить; но они не были разбиты, не было ни малѣйшаго замѣшательства (déroute) ни на одной точкѣ ихъ линіи; было поражено тѣло, но не душа ихъ арміи. Ихъ потери были велики, даже огромны, но они почти уравновѣшивались потерями Наполеона, а между тѣмъ на ихъ сторонѣ оставалось великое преимущество: ихъ потери могли быть немедленно вознаграждены тѣми подкрѣпленіями, которыя они получали ежедневно, тогда какъ убыль въ нашихъ войскахъ оставалась невознаградимою“.

Понятное движеніе нашихъ войскъ послѣ Бородинскаго сраженія дало поводъ непріятелю присвоить себѣ побѣду. Но коль скоро отступленіе входило въ общія военныя соображенія съ самаго начала кампаніи, то конечно оно не могло служить знакомъ проиграннаго сраженія, тѣмъ болѣе, что непріятель не отваживался преслѣдовать. „Непріятельскія войска,—говоритъ одинъ изъ Французовъ, участниковъ въ событіяхъ,—продолжали отступленіе съ такимъ же порядкомъ, какъ и правильностью. Нашъ авангардъ слѣдовалъ за ними и продолжалъ наблюдать за ихъ движеніемъ по дорогѣ къ Москвѣ“.

Графъ Орловъ-Денисовъ.

Генералъ Тучковъ 1-ый.

Генералъ Дороховъ.

Генералъ Тучковъ 2-ой.

На второй день послѣ Бородинской битвы, 28 Августа (9 Сентября), когда Русскія войска оставили Можайскъ, и этотъ городъ былъ занятъ непріятелемъ послѣ горячей схватки, нездоровье императора Наполеона усилилось. Вслѣдствіе насморка онъ потерялъ голосъ. Несмотря на то, совладавъ уже съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвели на него дѣйствія Русскихъ войскъ въ Бородинской битвѣ, и только-что расположившись въ приготовленномъ для него домѣ въ Можайскѣ, онъ принялся за свои кабинетные труды, прерванные въ продолженіи пяти дней. Потеря голоса разстроивала его привычки. Обыкновенно онъ диктовалъ свои приказанія, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Теперь онъ долженъ былъ писать ихъ самъ начерно и, немедленно принявшись за эту работу, онъ задалъ трудную задачу своей канцеляріи разбирать связный и безобразный его почеркъ.

Совѣтъ въ Филяхъ.

Въ просторной, лучшей избѣ мужика Андрея Севастьянова въ два часа собрался совѣтъ. Мужики, бабы и дѣти мужицкой большой семьи тѣснились въ черной избѣ черезъ сѣни. Одна только внучка Андрея, Малаша, шестилѣтняя дѣвочка, которой свѣтлѣйшій, приласкавъ ее, далъ за чаемъ кусокъ сахара, оставалась на печи въ большой избѣ. Малаша робко и радостно смотрѣла съ печи на лица, мундиры и кресты генераловъ, одного за другимъ входившихъ въ избу и разсаживавшихся въ красномъ углу, на широкихъ лавкахъ подъ образами. Самъ дѣдушка, какъ внутренно называла Малаша Кутузова, сидѣлъ отъ нихъ особо, въ темномъ углу за печкой. Онъ сидѣлъ, глубоко опустившись въ складное кресло, и безпрестанно покряхтывалъ и расправлялъ воротникъ сюртука, который, хотя и разстегнутый, все какъ будто жалъ его шею. Входившіе одинъ за другимъ подходили къ фельдмаршалу; нѣкоторымъ онъ пожималъ руку, нѣкоторымъ кивалъ головой. Адъютантъ Кайсаровъ хотѣлъ было отдернуть занавѣску въ окнѣ противъ Кутузова, но Кутузовъ сердито замахалъ ему рукой, и Кайсаровъ понялъ, что свѣтлѣйшій не хочетъ, чтобы видѣли его лицо.

Вокругъ мужицкаго еловаго стола, на которомъ лежали карты, планы, карандаши, бумаги, собралось такъ много народа, что деньщики принесли еще лавку и поставили у стола. На лавку эту сѣли пришедшіе: Ермоловъ, Кайсаровъ и Толь. Подъ самыми образами на первомъ мѣстѣ сидѣлъ съ Георгіемъ на шеѣ, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ ли-

цомъ и съ своимъ высокимъ лбомъ, сливающимся съ голой головою, Барклай-де-Толли. Второй уже день онъ мучился лихорадкой, и въ это самое время его знобило и ломало. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Уваровъ и негромкимъ голосомъ (какъ и всѣ говорили) что-то, быстро дѣлая жесты, сообщалъ Барклаю. Маленькій, кругленькій Дохтуровъ, приподнявъ брови и сложивъ руки на животъ, внимательно прислушивался. Съ другой стороны сидѣлъ, облокотивши на руку свою широкую съ смѣлыми чертами и блестящими глазами голову, графъ Остерманъ-Толстой и казался погруженнымъ въ свои мысли. Раевскій, съ выраженіемъ нетерпѣнія, привычнымъ жестомъ напередъ курчавя свои черные волосы на вискахъ, поглядывалъ то на Кутузова, то на входную дверь. Твердое, красивое и доброе лицо Коновницына свѣтилось нѣжною и хитрою улыбкой. Онъ встрѣтилъ взглядъ Малаши и глазами дѣлалъ ей знаки, которые заставляли дѣвочку улыбаться.

Всѣ ждали Бенигсена, который доканчивалъ свой вкусный обѣдъ подъ предлогомъ новаго осмотра позиціи. Его ждали отъ четырехъ до шести часовъ, и во все это время не приступали къ совѣщанію и тихими голосами вели постороннія разговоры.

Только когда въ избу вошелъ Бенигсенъ, Кутузовъ выдвинулся изъ своего угла и подвинулся къ столу, но на столько, что лицо его не было освѣщено поданными на столъ свѣчами.

Бенигсенъ открылъ совѣтъ вопросомъ: „оставить-ли безъ боя священную и древнюю столицу Россіи, или защищать ее?“ Послѣдовало долгое и общее молчаніе. Всѣ лица нахмурились, и въ тишинѣ слышалось сердитое кряхтенье и покашливанье Кутузова. Всѣ глаза смотрѣли на него. Малаша тоже смотрѣла на дѣдушку. Она ближе всѣхъ была къ нему и видѣла, какъ лицо его сморщилось: онъ точно собрался плакать. Но это продолжалось недолго.

— Священную, древнюю столицу Россіи! — вдругъ заговорилъ онъ, сердитымъ голосомъ повторяя слова Бенигсена, и этимъ указывая на фальшивую ноту этихъ словъ.—Позвольте вамъ сказать, ваше сіятельство, что вопросъ этотъ не имѣетъ смысла для русскаго человѣка. (Онъ перевалился впередъ своимъ тяжелымъ тѣломъ). Такой вопросъ нельзя оставить, и такой вопросъ не имѣетъ смысла. Вопросъ, для котораго я просилъ собраться этихъ господъ, это вопросъ военный. Вопросъ слѣдующій: „Спасенье Россіи въ арміи. Выгоднѣе-ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженье, или отдать Москву

безъ сраженія?“ Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе. (Онъ откачнулся назадъ на спинку кресла).

Начались пренія. Бенигсенъ не считалъ еще игры проигранною. Допуская мнѣніе Барклая и другихъ о невозможности принять оборонительное сраженіе подъ Филями, онъ, проникнувшись русскимъ патріотизмомъ и любовью къ Москвѣ, предлагалъ перевести войска въ ночи съ праваго на лѣвый флангъ и ударить на другой день на правое крыло французовъ. Мнѣнія раздѣлились, были споры въ пользу и противъ этого мнѣнія. Ермоловъ, Дохтуровъ и Раевскій согласились съ мнѣніемъ Бенигсена. Руководимые-ли чувствомъ потребности жертвы предъ оставленіемъ столицы или другими личными соображеніями, но эти генералы какъ-бы не понимали того, что настоящій совѣтъ не могъ измѣнить неизбѣжнаго хода дѣлъ, и что Москва уже теперь оставлена. Остальные генералы понимали это и, оставляя въ сторонѣ вопросъ о Москвѣ, говорили о томъ направленіи, которое въ своемъ отступленіи должно было принять войско. Малаша, которая, не спуская глазъ, смотрѣла на то, что дѣлалось предъ ней, иначе понимала значеніе этого совѣта. Ей казалось, что дѣло было только въ личной борьбѣ между „дѣдушкой“ и „длиннополымъ“, какъ она называла Бенигсена. Она видѣла, что они злились, когда говорили другъ съ другомъ, и въ душѣ своей она держала сторону дѣдушки. Въ срединѣ разговора она замѣтила быстрый, лукавый взглядъ, брошенный дѣдушкой на Бенигсена, и вслѣдъ затѣмъ къ радости своей замѣтила, что дѣдушка, сказавъ что-то длиннополому, осадилъ его. Бенигсенъ вдругъ покраснѣлъ и сердито прошелся по избѣ. Слова, такъ подѣйствовавшія на Бенигсена, были спокойнымъ и тихимъ голосомъ выраженное Кутузовымъ мнѣніе о выгодѣ и невыгодѣ предложенія Бенигсена: о переводѣ въ ночи войскъ съ праваго на лѣвый флангъ для атаки праваго крыла французовъ.

— Я, господа, — сказалъ Кутузовъ, — не могу одобрить плана графа. Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ напримѣръ... (Кутузовъ какъ будто задумался, пріискивая примѣръ и свѣтлымъ, наивнымъ взглядомъ глядя на Бенигсена). Да вотъ хоть-бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только отъ того, что войска наши перестраивались въ слишкомъ-близкомъ разстояніи отъ непріятеля...

Послѣдовало, показавшееся всѣмъ очень продолжительнымъ, минутное молчаніе.

Пренія опять возобновились, но часто наступали перерывы, и чувствовалось, что говорить больше не о чемъ.

Во время одного изъ такихъ перерывовъ Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ-бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть мнѣ платить за перебитые горшки,— сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу.— Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился), властію, врученною мнѣ моимъ государемъ и отечествомъ, я—приказываю отступленіе.

Вслѣдъ за этимъ генералы стали расходиться съ тою-же торжественною и молчаливою осторожностью, съ которою расходятся послѣ похоронъ.

Нѣкоторые изъ генераловъ негромкимъ голосомъ, совсѣмъ въ другомъ діапазонѣ, чѣмъ когда они говорили на совѣтѣ, передали кое-что главнокомандующему.

Малаша, которую уже давно ждали ужинать, осторожно спустилась задомъ съ палатей, цѣпляясь босыми ножонками за уступы печки и замѣшавшись между ногъ генераловъ, шмыгнула въ дверь.

Отпустивъ генераловъ, Кутузовъ долго сидѣлъ облокотившись на столъ и думалъ все о томъ же страшномъ вопросѣ: „Когда-же, когда-же наконецъ рѣшилось то, что̀ рѣшило вопросъ, и кто виноватъ въ этомъ?“

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру;—этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость,—сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ-же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать какъ Турки,—не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу,—будутъ и они, только бы...

Гр. Л. Н. Толстой
„Война и миръ“.

Въ Москвѣ.

По мѣрѣ того, какъ наши войска отступали за Москву, войска французскія приближались къ ней. За Дорогомиловской заставой остались только казаки нашей задней цѣпи, когда французскій авангардъ вступалъ на высоты Поклонной горы, съ которой открылся великолѣпный видъ на Москву, широко раскинувшуюся и своими золотыми маков-

ками блиставшую надъ яркими лучами солнца. „Было около двухъ часовъ пополудни. Тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ этотъ огромный городъ. При этомъ зрѣлищѣ войсками овладѣла радость; они остановились и закричали: Москва! Москва! За тѣмъ всякій усиливалъ шагъ, всѣ смѣшались въ безпорядкѣ, били рука объ руку, съ восторгомъ повторяя: Москва! Такъ кричатъ моряки: земля, земля! послѣ долгаго и мучительнаго плаванія. При видѣ этого позлащеннаго города, этого блестящаго узла, соединяющаго Европу и Азію, этого величественнаго сосредоточія, гдѣ соединялись роскошь, нравы и искусства двухъ лучшихъ частей свѣта, мы остановились въ гордомъ созерцаніи. Насталъ наконецъ день славы; въ нашихъ воспоминаніяхъ онъ долженъ былъ сдѣлаться лучшимъ, блестящимъ днемъ всей нашей жизни. Мы чувствовали, что въ это время обращены удивленные взоры всего міра на наши дѣйствія, и каждое малѣйшее наше движеніе будетъ имѣть значеніе въ исторіи. Казалось, мы шествуемъ по этому громадному и величественному поприщу, окруженные всеобщимъ удивленіемъ народовъ, гордые тѣмъ, что мы вознесли славу нашего вѣка выше всѣхъ другихъ вѣковъ. Когда мы возвратимся на родину,—чего такъ сильно желаемъ,—съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтятъ насъ наши жены, наши соотечественники и даже наши отцы! Во всю остальную нашу жизнь мы будемъ какими-то особыми существами, на которыхъ они будутъ смотрѣть съ удивленіемъ, которыхъ они будутъ слушать съ любопытствомъ изумленія, будутъ бѣгать за нами, ловить каждое наше слово. Это чудодѣйственное завоеваніе (miraculeuse conquête) облечетъ насъ славою; отъ насъ будетъ вѣять чѣмъ-то дивнымъ и чудеснымъ. Когда эти гордыя мысли смѣнились болѣе скромными чувствами, мы говорили себѣ: вотъ обѣщанный предѣлъ нашихъ трудовъ; наконецъ-то мы остановимся, потому что мы уже не можемъ превзойти самихъ себя послѣ похода, достойнаго стать на ряду съ походомъ въ Египетъ и со всѣми великими и славными боями древности. Въ это время были забыты всѣ опасности и страданія. Можно-ли купить слишкомъ дорогою цѣною высокое счастіе во всю жизнь повторять: и я былъ въ войскахъ, вступившихъ въ Москву?“

Вступленіе французовъ въ Москву.

По прибытіи Наполеона въ 2 часа пополудни къ Поклонной горѣ, отстоящей отъ Москвы въ трехъ верстахъ, авангардъ, передъ оною горою, по распоряженію короля неаполитанскаго, былъ уже построенъ въ боевой порядокъ. Наполеонъ съ планомъ въ рукахъ, поданнымъ ему тутъ же неизвѣстнымъ чиновникомъ, и нѣкоторые изъ сопровождавшихъ его генераловъ сходятъ съ лошадей, и въ ту же минуту начинается движеніе, показывающее приготовленіе къ сраженію. При самомъ началѣ сего движенія внезапно показывается изъ-за лѣса съ правой стороны, на Воробьевыхъ горахъ сильная конница, которую, увидѣвъ первоначально шассеры (стрѣлки), составлявшіе императорскій конвой, закричали въ одинъ голосъ: казаки! казаки!... и весь генералитетъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ устремляетъ глаза свои въ ту сторону. Наполеонъ тотчасъ приказываетъ подать себѣ зрительную трубу, которую всегда особый пажъ за нимъ возилъ, смотритъ и, узнавъ, что то были его драгуны, успокаивается, и опять, обратясь къ авангарду, продолжаетъ дѣлать свои распоряженія; но, прождавъ тутъ съ полчаса и не видя со стороны Москвы никакого вызова, приказываетъ сдѣлать сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, послѣ чего, спустя минутъ пять, садятся всѣ на лошадей и скачутъ во весь опоръ къ Москвѣ.

Въ то же мгновеніе вмѣстѣ съ ними двинулся какъ авангардъ, такъ и часть стоявшей позади онаго центральной арміи съ невѣроятнымъ стремленіемъ; конница и артиллерія равномѣрно скакали во весь опоръ, а пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ, трескъ оружій, смѣшавшихся вмѣстѣ съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, составляли дикій и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли. Казалось, что вся земля въ сіе мгновеніе восколебалась и застонала отъ такого страшнаго движенія, и не болѣе какъ чрезъ 12 минутъ все очутилось у Дорогомиловской заставы.

Здѣсь гордый повелитель французовъ, упоенный надеждой своего успѣха, останавливается, и при охриплыхъ восклицаніяхъ покрытыхъ пылью и проголодавшихся солдатъ: Vive Napoleon, сошелъ съ лошади, занимаетъ позицію на лѣвой сторонѣ заставы у самаго Камеръ-Коллежскаго вала, и начинаетъ расхаживать взадъ и впередъ въ спокойномъ расположеніи духа, точно такъ, какъ бы ожидалъ изъ Москвы

депутаціи или выноса городскихъ ключей; между тѣмъ пѣхота и артиллерія, при играніи музыки, открыли шествіе свое въ городъ.

Но, спустя десять минутъ, подошелъ къ Наполеону съ лѣвой стороны у городского вала какой-то молодой человѣкъ въ синей шинели и въ круглой шляпѣ и, говоря съ нимъ съ минуту, пошелъ въ заставу. Думать надобно, что сей молодецъ увѣдомилъ Наполеона о томъ, что изъ Москвы, какъ Россійская армія, такъ и жители всѣ выѣхали и оставили оную въ пустотѣ, что подтверждается слѣдующимъ обстоятельствомъ.

Едва кончилъ оный молодой человѣкъ свою съ французскимъ императоромъ аудіенцію, подбѣгаетъ къ русскимъ арестантамъ, стоявшимъ отъ Наполеона поодаль, саженяхъ въ шести, адъютантъ, Вельсовичъ, тотъ самый, который вчера съ свойственною поляку надменностью предсказывалъ сегодняшнія на счетъ Москвы и всей Россіи событія, и спрашиваетъ у меня голосомъ, неудовольствія, преисполненнымъ: „Г. секретарь! Что это значитъ, что въ Москвѣ ни арміи вашей, ни жителей нѣтъ“. На сіе я отвѣтствовалъ ему: „не знаю“. Слухъ сей распространился между французскими солдатами, и первые шассеры, ближе къ императору своему стоявшіе, поглядывая одинъ на другого исполненными недоумѣнія глазами, спрашивали другъ друга весьма значительнымъ тономъ: что это такое, что за дьявольщина.—И съ сей минуты гордый духъ французовъ началъ во всемъ войскѣ постепенно упадать; а напротивъ того, оказалось въ немъ примѣтное уныніе и огорченіе, которое впослѣдствіи, возрастая мало-по-малу, обратилось въ явный ропотъ, ослушаніе и своевольство.

Такая нечаянная вѣсть, казалось, поразила и самого Наполеона, какъ громовымъ ударомъ. Онъ приведенъ былъ ею въ чрезвычайное изумленіе, мгновенно произведшее въ немъ нѣкоторый родъ изступленія или забвенія самого себя. Ровные и спокойные шаги его въ ту же минуту перемѣняются въ скорые и безпорядочные. Онъ оглядывается въ разныя стороны, оправляется, останавливается, трясется, цѣпенѣетъ, щиплетъ себя за носъ, снимаетъ съ руки перчатку и опять надѣваетъ, выдергиваетъ изъ кармана платокъ, мнетъ его въ рукахъ и какъ бы ошибкою кладетъ въ другой карманъ; потомъ снова вынимаетъ и снова кладетъ; далѣе, сдернувъ опять съ руки перчатку, надѣваетъ оную торопливо и повторяетъ то же нѣсколько разъ, короче сказать: онъ представлялъ человѣка бѣснующагося, или мучимаго жестокими конвульсіями, что продолжалось битый часъ: и во все то время окружав-

Французы въ Москвѣ 10 Сентября 1812 г.

шіе его генералы стояли предъ нимъ неподвижно, какъ бездушные истуканы, и ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ пошевелиться.

Въ продолженіе такого явленія открылось въ арміи новое движеніе. Авангардъ безостановочно шелъ въ городъ, а подходящія изъ за горы центральныя войска, раздѣляясь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ заставы на двѣ части, начали уклоняться вправо и влѣво и, поворотя около Камеръ-Коллежскаго вала, потянулись въ обходъ города, въ который вступали уже другими заставами. Потомъ Наполеонъ пришедши нѣсколько въ себя, садится на лошадь и въѣзжаетъ въ Москву, въ которую послѣдовала за нимъ и конница, стоявшая до того внѣ заставы; но, проѣхавъ Дорогомиловскую Ямскую слободу и приближаясь къ берегу Москвы рѣки, останавливается пока у оной въ правой сторонѣ улицы на береговомъ косогорѣ, сходитъ съ лошади и опять расхаживаетъ взадъ и впередъ, но только уже покойнѣе. Тогда авангардъ продолжаетъ слѣдовать далѣе за Москву рѣку; пѣхота и артиллерія тянулись по мосту, а конница шла черезъ рѣку въ бродъ и всѣ вообще; раздѣляясь по ту сторону рѣки на нѣсколько малыхъ отрядовъ, занимали постепенно караулы по берегу, по главнымъ улицамъ и по переулкамъ.

Наполеонъ, тщетно ожидавшій за городомъ депутатовъ съ ключами Московскими, рѣшился наконецъ ѣхать самъ ихъ взять. Онъ въѣхалъ въ городъ во вторникъ, 3 числа, въ половинѣ одиннадцатаго часа утра въ Дорогомиловскую заставу. Арбатъ былъ совершенно пустъ. Первыя и единственныя лица, которыя видѣлъ на большой сей улицѣ Наполеонъ, были у окна Арбатской аптеки: содержатель оной съ своей семьею и раненый Французскій генералъ, наканунѣ къ нимъ поставленный постоемъ. Подъѣхавъ ближе, Наполеонъ посмотрѣлъ на нихъ вверхъ весьма злобно, окинувъ быстро глазами весь домъ, и, взглянувъ опять на бывшихъ у окна, продолжалъ путь. Онъ сидѣлъ на маленькой арабской лошади, въ сѣромъ сюртукѣ, въ простой треугольной шляпѣ, безъ всякаго знака отличія. Въ разстояніи ста саженъ ѣхали передъ нимъ два эскадрона конной гвардіи. Свита маршала и другихъ чиновниковъ, окружавшихъ Наполеона, была весьма многочисленна. Пестрота мундировъ, богатство оныхъ, орденскія ленты различныхъ цвѣтовъ: все сіе дѣлало картину прекрасною, а простоту Наполеонова убранства еще разительнѣйшею. Такимъ образомъ побѣдитель Москвы доѣхалъ до Боровицкихъ воротъ, не увидя ни единаго почти жителя. Негодованіе написано было на всѣхъ чертахъ Наполеонова

Наполеонъ въ горящей Москвѣ.

лица. Онъ не бралъ даже на себя труда скрывать то, что происходило въ душѣ его; однакоже, сходя съ лошади и посмотря на Кремлевскія стѣны, онъ сказалъ съ насмѣшкою: Voilá de fiéres murailles! (какія страшныя стѣны...). Удивительно, что онъ пренебрегъ обыкновенною своею комедіею и что не приказалъ поднести себѣ Московскихъ ключей, кѣмъ-бы то ни было, для провозглашенія потомъ пышной церемоніи сей въ Монитерѣ; но онъ также торжественно и великолѣпно встрѣченъ былъ, какъ и Мюратъ и Себастіани.

Французы въ Москвѣ.

Въ тотъ самый день, когда непріятель вошелъ въ Москву, ночью начался грабежъ повсюду. Первые грабители, по свидѣтельству многихъ Москвичей, испытавшихъ на себѣ ихъ подвиги, начали съ того, что просили накормить ихъ. Но они были не только голодны, но и оборваны: платье и бѣлье износились, обувь истерлась и развалилась въ продолженіи долгаго и утомительнаго похода. Въ слѣдъ за пищею имъ понадобилась и одежда, а за предметами первой необходимости пробуждались стремленія къ довольству, роскоши и обогащенію. Съ ранняго утра на другой день уже дошло извѣстіе во всѣ бивуаки тѣхъ войскъ, которыя стояли за заставами, что въ Москвѣ начался грабежъ. Когда взошло солнце, говоритъ одинъ изъ свидѣтелей, въ лагерѣ дивизіи Клапереда и кавалерійскомъ, находившемся впереди на Рязанской дорогѣ (Себастьяни) сохранялись еще порядокъ и спокойствіе; но около восьми часовъ утра пріѣхало въ лагерь нѣсколько польскихъ улановъ, и они объявили, что Москву грабятъ. Эта вѣсть съ быстротою молніи разнеслась по лагерю. Въ то же время пришло приказаніе нарядить людей для пріема продовольствія. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, многіе ушли въ городъ и возвратились не ближе, какъ черезъ часъ, обремененные ношею, состоявшею изъ вина, рома, чаю, сахару и разныхъ дорогихъ вещей. За пѣхотинцами слѣдовали и конные. „Съ этого времени невозможно было и думать о поддержаніи порядка. Всѣ которые не стояли подъ ружьемъ и не исполняли непосредственно служебной обязанности, уходили, пользуясь разными предлогами. Котлы стояли безъ огня и кашеваровъ; посланные за дровами, соломою или водою не возвращались назадъ. Безпорядокъ дошелъ до такой степени, что убѣгали даже нѣкоторые изъ патрулей. Конные намъ подавали худой примѣръ; безпрерывно они проходили черезъ нашъ лагерь, обре-

мененные добычею. Одинъ польскій уланъ подгонялъ безжалостно кнутомъ какого-то Русскаго, котораго онъ заставлялъ нести тяжелый грузъ награбленныхъ имъ вещей. Когда офицеръ упрекнулъ его въ жестокости, тотъ отвѣчалъ: „Это имъ за Прагу, гдѣ они погубили моихъ родителей и разрушили мой домъ. Я еще ни одного Русскаго не оставлялъ живымъ и надѣюсь, Богъ дастъ, и этотъ не возвратится въ Москву.

Въ такомъ положеніи находились въ отношеніи къ грабежу войска авангарда, которому предписалъ императоръ Наполеонъ не упускать изъ виду отступавшей Русской арміи. „Монастырь (говоритъ тотъ же свидѣтель происшествій), въ которомъ генералъ занялъ квартиру, былъ пощаженъ; но кладовыя и погреба добрыхъ монаховъ много пострадали. Маленькая церковь обращена въ конюшню, гдѣ поставлены лошади генерала и многихъ офицеровъ, которыхъ они привели изъ лагеря. Въ это же утро въ домѣ Баташева, гдѣ стоялъ самъ начальникъ авангарда Мюратъ, произошло тоже самое. „Мы провели вторникъ, т. е. 3-е число, писалъ Баташеву его прикащикъ, въ величайшихъ суетахъ; ибо, какъ проснулись чиновники, то требовалъ каждый, чего хотѣлъ: иной чаю, иной кофе, иной бѣлаго вина, шампанскаго, бургонскаго, водки, рейнвейна и бѣлаго хлѣба. Словомъ, каждый съ величайшими угрозами требовалъ, чтобы его прихоти тотчасъ были исполнены. Всѣхъ насъ измучили и съ ногъ сбили такъ, что пришлось бѣжать и скрыться хоть въ воду... А тамъ кричатъ бабы, что солдаты отняли и печеный и сырой хлѣбъ; въ другихъ покояхъ солдаты разбиваютъ сундуки и грабятъ все, что ни попало. Ко всѣмъ ограбленнымъ мѣстамъ приставлены караулы; и тамъ опять грабятъ, гдѣ ихъ нѣтъ. И такъ 3-е число прошло въ такой суматохѣ".

Въ тотъ же день, въ слѣдъ за въѣздомъ Наполеона въ Кремль, его войска начали занимать предназначенныя имъ части Москвы. Полки вице-короля Итальянскаго двигались отъ Тверской заставы и не встрѣчали ни жителей, ни солдатъ: все было пусто, и гробовое молчаніе производило на нихъ потрясающее впечатлѣніе. Они шли медленно, опасаясь неожиданнаго нападенія, осматривали улицы и дома!—прислушивались къ отдаленному шуму. Въ огромномъ и незнакомомъ городѣ, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ и притомъ ночью, грабежъ еще не могъ распространиться повсюду. За немногими вѣроятно исключеніями, онъ начатъ гвардіею, которая должна была оберегать Кремль, спокойствіе Наполеона въ трактирѣ Дорогомиловской слободы и быть

охранною стражею у главныхъ военачальниковъ, какъ Мюрата и другихъ, поспѣшившихъ немедленно воспользоваться опустѣлыми домами Московскихъ жителей. Въ Тверской части, которую должны были занять полки вице-короля, господствовали безлюдье и тишина. Но тѣ изъ офицеровъ, которые проникли далѣе къ Кремлю, стали встрѣчать жителей и толпы солдатъ, которые открыто торговали и мѣнялись награбленными вещами. Чѣмъ ближе они подъѣзжали, тѣмъ болѣе умножались толпы солдатъ. Они тащили на плечахъ тюки суконъ и другихъ товаровъ. „Мы не понимали, говоритъ одинъ изъ нихъ, какъ могъ быть допущенъ такой безпорядокъ; но солдаты объяснили намъ, что дымъ, который мы видѣли, выходитъ изъ огромнаго зданія, въ которомъ находились лавки съ товарами, подожженныя самими Русскими во время ихъ отступленія черезъ городъ“. Любопытство заставило ихъ приблизиться къ самому Гостинному Двору, близъ котораго суетилось множество солдатъ и нищихъ; каждый несъ разные товары, а менѣе цѣнные бросались на улицахъ. Скоро вся площадь и улицы покрылись разнаго рода товарами. «Я пришелъ наконецъ въ самое зданіе, говоритъ тотъ же свидѣтель; но увы, это не было уже прославленное обиліемъ зданіе: это была скорѣе громадная печь, изъ которой разносились во всѣ стороны горѣвшіе обломки. Возможно было ходить только по наружной галлереѣ, гдѣ находилось множество лавокъ. Ихъ-то грабили солдаты, увидавшіе добычу, которая превышала всѣ ихъ ожиданія. При этомъ ужасномъ позорищѣ не было слышно ни восклицаній, ни шуму: каждый находилъ возможность съ избыткомъ удовлетворить своей алчности. Слышался только трескъ отъ огня, стукъ разбиваемыхъ у лавокъ дверей и иногда страшный шумъ отъ рушившагося свода. Всевозможныя ткани Европы и Азіи пожирало пламя. Изъ погребовъ, изъ подземныхъ складовъ сахара, масла и другихъ смолистыхъ и спиртовыхъ товаровъ вырывались потоки пламени съ густымъ дымомъ».

Наполеонъ въ Кремлѣ.

Первую Московскую ночь императоръ Наполеонъ провелъ спокойно въ Кремлевскомъ дворцѣ. Почувствовавъ облегченіе отъ простуды, которая тревожила его съ самой Бородинской битвы, въ 7 часовъ утра Наполеонъ велѣлъ позвать къ себѣ доктора. Ободренный имъ на счетъ состоянія своего здоровья, онъ предложилъ ему обычный вопросъ: что новаго? Когда докторъ отвѣчалъ, что вокругъ Кремля

Французы въ Кремлѣ.

повсюду распространились пожары, императоръ равнодушно отвѣчалъ: „Это неосторожность солдатъ; они вѣроятно разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ“. Но потомъ, взглядъ его вдругъ остановился; выраженіе лица, исполненное благорасположенія, сдѣлалось ужаснымъ, онъ вскочилъ съ постели, быстро одѣлся, не произнося ни слова, толкнулъ ногою, такъ сильно Мамелюка, который подалъ ему сапогъ лѣвой ноги на правую, что тотъ упалъ навзничь, и вышелъ въ другую комнату“. Очевидно Наполеонъ вспомнилъ доходившіе и до него разсказы, что Русскіе намѣреваются сжечь Москву.

Заботы Наполеона объ очищеніи Смоленской дороги на Можайскъ начались ранѣе выступленія изъ Москвы. Когда для многихъ цѣль уже казалось достижимою. Въ Боровскѣ Наполеонъ говорилъ вице-королю, что весьма возможно, что придется отступать на Вязьму и Смоленскъ. Ту же самую мысль онъ выразилъ въ письмѣ къ герцогу Бассано, хотя и подробно описывалъ, какъ онъ займетъ зимнія квартиры въ четыреугольникѣ между Смоленскомъ, Могилевомъ, Витебскомъ и Минскомъ, и съ открытіемъ весны начнетъ снова военныя дѣйствія на Петербургъ или Кіевъ. Но этими описаніями поручалось ему воспользоваться въ дипломатической перепискѣ съ Европейскими державами; а для личнаго его свѣдѣнія Наполеонъ писалъ: „Впрочемъ въ этого рода дѣйствіяхъ то, что можетъ случиться на дѣлѣ, не всегда соотвѣтствуетъ тому, что было предположено“. Попытаться обойти князя Кутузова, полагаясь исключительно на счастливую случайность, онъ рѣшился только потому, что отступленіе по опустошенной дорогѣ, черезъ Можайскъ и Вязьму на Смоленскъ, ужасало всѣхъ его военачальниковъ; да и самъ онъ конечно не могъ не предвидѣть необоримыхъ затрудненій на этомъ пути. Но онъ готовился на эту крайнюю мѣру, чтобы только избѣжать сраженія. Октября 12 (24), главная квартира Наполеона оставила Боровскъ рано утромъ. Пройдя нѣсколько верстъ, замѣтили въ сторонѣ казачій пикетъ изъ 10 или 12 человѣкъ. На нихъ напали и взяли двухъ въ плѣнъ. Въ то время, какъ ихъ допрашивали, Наполеонъ завтракалъ въ полѣ съ Мюратомъ, Бертье и генераломъ Ларибуассьеромъ. Вдругъ послышалась канонада со стороны авангарда. Оставивъ завтракъ, Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ по тому направленію. Ему надо было спѣшить: началось сраженіе подъ Малоярославцемъ, окончательно указавшее, по какому пути должна была отступать великая армія.

Александръ Поповъ.

Генералъ Властовъ.

Графъ Штейнгель.

Генералъ Бергъ.

Генералъ Созоновъ.

Посолъ Кутузова о сдачѣ Москвы.

Девять дней послѣ оставленія Москвы, въ Петербургъ пріѣхалъ посланный отъ Кутузова съ офиціальнымъ извѣстіемъ объ оставленіи Москвы. Посланный этотъ былъ французъ Мишо, не знавшій по-русски, впрочемъ, „хотя иностранецъ, но русскій въ глубинѣ души“, какъ онъ самъ говорилъ про себя.

Государь тотчасъ же принялъ посланнаго въ своемъ кабинетѣ, во дворцѣ Каменнаго острова. Мишо, который никогда не видалъ Москвы до кампаніи и который не зналъ по-русски, чувствовалъ себя все-таки растроганнымъ, когда онъ явился предъ notre très gracieux souverain (какъ онъ писалъ съ извѣстіемъ о пожарѣ Москвы, „пламя которой освѣщало его путь“.

Хотя источникъ chagrin г-на Мишо и долженъ былъ быть другой, чѣмъ тотъ, изъ котораго вытекало горе русскихъ людей, Мишо имѣлъ такое печальное лицо, когда онъ былъ введенъ въ кабинетъ государя, что государь тотчасъ же спросилъ у него: „какія извѣстія привезли вы мнѣ? Дурныя, полковникъ?

— Очень дурныя, ваше величество, отвѣчалъ Мишо, со вздохомъ, опуская глаза,—оставленіе Москвы.

— Неужели отдали мою древнюю столицу безъ битвы? вдругъ вспыхнувъ, быстро проговорилъ государь.

Мишо почтительно передалъ то, что ему приказано было передать отъ Кутузова, именно то, что подъ Москвою драться не было возможности и что такъ какъ оставался одинъ выборъ—потерять армію и Москву или одну Москву, то фельдмаршалъ долженъ былъ выбрать послѣднее.

Государь выслушалъ молча, не глядя на Мишо.

— Вступилъ-ли непріятель въ городъ? спросилъ онъ.

— Да, ваше величество, и въ настоящую минуту Москва обращена въ пепелъ. Я оставилъ ее объятую пламенемъ, рѣшительно сказалъ Мишо; но взглянувъ на государя, Мишо ужаснулся тому, что онъ сдѣлалъ. Государь тяжело и часто сталъ дышать, нижняя губа его задрожала, и прекрасные, голубые глаза мгновенно увлажились слезами.

Но это продолжалось только одну минуту. Государь вдругъ нахмурился, какъ бы осуждая самого себя за свою слабость. И, приподнявъ голову, твердымъ голосомъ обратился къ Мишо:

— Я вижу, полковникъ, по всему, что происходитъ, сказалъ онъ, — что Провидѣніе требуетъ отъ насъ большихъ жертвъ.... Я готовъ покориться Его волѣ; но скажите мнѣ, Мишо, какъ оставили вы армію,

покидавшую безъ битвы мою древнюю столицу? Не замѣтили-ли вы въ ней упадка духа?

Увидавъ успокоеніе своего trés gracieux souverain, Мишо тоже успокоился, но на прямой существенный вопросъ государя, требовавшій и прямого отвѣта, онъ не успѣлъ еще приготовить его.

*

— Государь, позволите-ли вы мнѣ говорить откровенно, какъ подобаетъ прямому воину? сказалъ онъ, чтобы выиграть время.

— Полковникъ, я всегда этого требую, сказалъ государь.—Не скрывайте ничего, я непремѣнно хочу знать всю истину.

— Государь! сказалъ Мишо съ тонкою чуть замѣтною улыбкой на губахъ, успѣвъ приготовить свой отвѣтъ въ формѣ легкой и почтительной игры словъ.—Государь! Я оставилъ всю армію, начиная съ начальниковъ и до послѣдняго солдата, безъ исключенія, въ великомъ отчаянномъ страхѣ.

— Какъ такъ? строго нахмурившись, перебилъ государь.

— Мои русскіе могутъ-ли пасть духомъ передъ неудачей?... Никогда!... Этого только и ждалъ Мишо для вставленія своей игры словъ.

— Государь, сказалъ онъ съ почтительною игривостью выраженія,—они боятся только того, чтобы ваше величество по добротѣ души своей не рѣшились заключить миръ. Они горятъ нетерпѣніемъ снова драться, говорилъ уполномоченный русскаго народа,—и доказать вашему величеству, жертвой своей жизни, насколько они вамъ преданы!...

— А! успокоенно и съ ласковымъ блескомъ глазъ, сказалъ государь, ударяя по плечу Мишо.—Вы меня успокаиваете, полковникъ.

Государь, опустивъ голову, молчалъ нѣсколько времени.

— Ну, такъ возвращайтесь къ арміи, сказалъ онъ, выпрямляясь во весь ростъ и съ ласковымъ и величественнымъ жестомъ обращаясь къ Мишо:—скажите храбрецамъ нашимъ, скажите всѣмъ моимъ подданнымъ, вездѣ, гдѣ вы проѣдете, что, когда у меня не будетъ больше ни одного солдата, я самъ стану во главѣ моихъ любезныхъ дворянъ и добрыхъ мужиковъ, и истощу такимъ образомъ послѣднія средства моего государства.

Этихъ средствъ больше, нежели думаютъ мои враги, говорилъ государь, все болѣе и болѣе воодушевляясь.—Но еслибы предназначено было Божественнымъ Провидѣніемъ, сказалъ онъ, поднявъ свои прекрасные, кроткіе и блестящіе чувствомъ глаза къ небу, чтобы династія наша перестала царствовать на престолѣ моихъ предковъ, тогда, истощивъ всѣ средства, которыя въ моихъ рукахъ, я отпущу бороду до сихъ поръ (государь показалъ рукой на половину груди), и скорѣе пойду ѣсть одинъ картофель съ послѣднимъ изъ моихъ крестьянъ, нежели рѣшусь подписать позоръ моей родины и моего дорогого народа, жертвы котораго я умѣю цѣнить!... Сказавъ эти слова взволнованнымъ голосомъ, государь вдругъ повернулся, какъ бы желая скрыть отъ Мишо

выступившія ему на глаза слезы, и прошелъ вглубь своего кабинета. Постоявъ тамъ нѣсколько мгновеній, онъ большими шагами вернулся къ Мишо, и сильнымъ жестомъ сжалъ его руку пониже локтя. Прекрасное, кроткое лицо государя раскраснѣлось, и глаза горѣли блескомъ рѣшимости и гнѣва.

— Полковникъ Мишо, не забудьте того, что я вамъ сказалъ здѣсь; можетъ быть мы когда-нибудь вспомнимъ объ этомъ съ удовольствіемъ.... Наполеонъ, или я, сказалъ государь, дотрогиваясь до груди.— Мы больше не можемъ царствовать вмѣстѣ. Я узналъ его теперь, и онъ меня больше не обманетъ.... И государь, нахмурившись, замолчалъ. Услышавъ эти слова, увидавъ выраженіе твердой рѣшимости въ глазахъ государя, Мишо, „хотя иностранецъ, но русскій въ глубинѣ души“, почувствовалъ себя, въ эту торжественную минуту, восхищеннымъ всѣмъ тѣмъ, что онъ услышалъ (какъ онъ говорилъ впослѣдствіи), и онъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ изобразилъ какъ свои чувства, такъ и чувства русскаго народа, котораго онъ считалъ себя уполномоченнымъ.

— Государь! сказалъ онъ,—ваше величество подписываетъ въ эту минуту славу своего народа и спасеніе Европы!

Государь наклоненіемъ головы отпустилъ Мишо.

Гр. Л. Н. Толстой. Война и Миръ.

О пожарѣ Москвы 1812 года.

Вотъ башни полудикія Москвы
Передъ тобой въ вѣнцахъ изъ злата
Горятъ на солнцѣ... Но увы!
То—солнце твоего заката.
Москва—побѣдъ твоихъ предѣлъ!

Чтобъ увидать верхи ея златые,
Суровый Карлъ лилъ слезы ледяныя,
И тщетно!—Ты ее узрѣлъ.
И что-жъ увидѣлъ ты? Ея дворцы и храмы,
Все рушилось, все пожирало пламя!

Кто жъ раскалилъ пожаръ жестокой въ ней?
Свой порохъ отдали солдаты.
Солому съ кровли несъ своей

Мужикъ; товаръ свой далъ купецъ богатый,
Свои палаты каменныя князь,
И вотъ Москва отвсюду занялась!

Вулканъ великій, несравненный,
Единственный во всей вселенной!
Передъ огнемъ ужаснымъ тѣмъ
И Этна съ Геклой кажутся ничѣмъ;
Везувія предъ нимъ блѣднѣетъ слава:

Онъ только жалкая забава
Туриста празднаго!—Лишь тотъ
Грядущій огонь съ тобой сравнится,
Въ Которомъ міръ испепелится,
Который царства всѣ сожжетъ.

Байронъ „Русскій Архивъ"
1885 г.

Сраженіе при Тарутинѣ.

Стоя твердою ногою въ Тарутинѣ, Князь Кутузовъ ограничивался устройствомъ арміи и истребленіемъ непріятеля летучими отрядами и народомъ, приказывая раздавать поселянамъ какъ можно болѣе орудія. Противъ нашего авангарда расположенъ былъ Мюратъ со всею резервною кавалеріею и четырьмя пѣхотными дивизіями, всего до 25,000 человѣкъ. Французы стояли на правомъ берегу Чернишины, отъ впаденія ея въ Нару до селеній Тетеринки и Дмитріевскаго. Правый флангъ Мюрата былъ защищенъ крутыми берегами Нары и Чернишины, но его лѣвое крыло стояло въ мѣстахъ открытыхъ, безъ природной и искусственной обороны. Находившійся на оконечности его фланга лѣсъ не былъ занятъ непріятелями; они даже не сдѣлали въ лѣсу засѣкъ и не имѣли въ немъ постовъ.

Нѣсколько разъ казаки авангарда Милорадовича пробирались

Битва при Тарутинѣ 6-го Октября 1812 г.

сквозь лѣсъ, до крайней опушки, откуда ясно видѣли лагерь непріятельскій, и все, въ немъ происходившее. Казачья партія съ сотникомъ Урюпинскимъ заходила даже въ тылъ Французамъ, не бывши ими примѣчена. Объ оплошности Мюрата увѣдомили казаки начальниковъ своихъ, и когда показанія Донцовъ были дознаны справедливыми, родилась мысль о возможности подвесть скрытно часть арміи къ нашей передовой цѣпи, а съ другою частью пройдти лѣсомъ и ударить во флангъ Французовъ. Беннигсенъ предложилъ Князю Кутузову напасть на Мюрата. Фельдмаршалъ не вдругъ съ нимъ согласился, держась другихъ мнѣній объ образѣ настоящей войны и способахъ восторжествовать надъ Наполеономъ. Довольный положеніемъ, въ какое поставилъ Французскую армію, Князь Кутузовъ не хотѣлъ выводить Наполеона изъ бездѣйствія, считалъ полезнѣе не вызывать на бой, не будить усыпленнаго въ Кремлѣ льва. „Чѣмъ далѣе останется въ Москвѣ Наполеонъ", говорилъ Князь Кутузовъ, „тѣмъ вѣрнѣе наша побѣда". Беннигсенъ основывалъ свое мнѣніе не на одномъ только оплошномъ расположеніи Мюрата, но и необходимости атаковать Французовъ, прежде нежели Викторъ присоединится къ Наполеону.

Согласившись съ мнѣніемъ Беннигсена, Князь Кутузовъ назначилъ произвесть нападеніе 5-го октября, рано по утру.

Диспозиція отправлена была изъ главной квартиры Князя Кутузова, Леташевки, въ Тарутино, вмѣстѣ съ повелѣніемъ арміи быть готовою къ выступленію къ 6-ти часамъ по полудни. По пробитіи 6-ти часовъ, Фельдмаршалъ поѣхалъ изъ Леташевки въ Тарутино, увѣренный, что застанетъ войско уже въ ружьѣ, но напротивъ того, онъ встрѣтилъ на дорогѣ артиллерійскихъ и конныхъ полковъ лошадей, ведомыхъ на водопой, а въ лагерѣ увидѣлъ полки, спокойно стоявшіе, хотя уже время было выступать. Узнавъ о пріѣздѣ Князя, начали собираться къ нему корпусные командиры, и на вопросъ каждому изъ нихъ: почему полки не выступаютъ?—отвѣчали они, что не было приказанія. Выведенный изъ терпѣнія сими повторенными отвѣтами, Фельдмаршалъ былъ весьма разгнѣванъ и отмѣнилъ аттаку. Вскорѣ объяснилась причина происшедшаго недоразумѣнія. Она состояла въ несвоевременномъ полученіи въ Тарутинскомъ лагерѣ посланнаго изъ Леташевки повелѣнія. Вмѣсто 5-го октября назначили аттаковать Мюрата 6-го числа. Фельдмаршалъ пріѣхалъ въ лагерь къ вечеру 5-го. При немъ переправлялись колонны черезъ Нару. Смерклось; облака покрыли небо. Погода была сухая, но земля влажна, такъ, что войска шли безъ

Графъ Строгановъ.

Графъ Ростопчинъ.

Графъ Ланжеронъ.

Генералъ Корниловъ.

шума, даже не слышно было движенія артиллеріи. Запретили разговаривать громко, курить трубки, высѣкать огонь; лошадей удерживали отъ ржанья, все приняло видъ таинственнаго предпріятія. Наконецъ, при свѣтломъ заревѣ огней непріятеля, показавшихъ намъ мѣсто расположенія Французовъ, остановились колонны на ночь, тамъ откуда въ слѣдующее утро надлежало вести аттаку, поставили ружья въ козлы и улеглись на холодной землѣ.

Графъ Орловъ-Денисовъ былъ у крайней опушки лѣса, на тропинкѣ изъ Стромилова въ Дмитріевское. Передъ зарею, 6-го октября, явился къ нему Польскій унтеръ-офицеръ корпуса Понятовскаго, вызываясь, если дадутъ ему конвой, схватить Мюрата, ночевавшаго, по его увѣренію, въ деревнѣ позади лагеря, съ незначительнымъ карауломъ. Сто червонцевъ при успѣхѣ, смерть въ случаѣ обмана, обѣщаны переметчику. Съ нимъ отрядили Генералъ-Маіора Грекова, съ двумя казачьими полками, въ томъ числѣ Атаманскимъ. Едва отправились они за лакомою добычею, какъ начало свѣтать. Графъ Орловъ Денисовъ вышелъ изъ лѣса, и взглянувъ съ возвышенія влѣво, откуда наши колонны должны были наступать, не видѣлъ ни одной изъ нихъ. Напротивъ, въ непріятельскомъ лагерѣ, позади котораго стоялъ онъ, примѣтно было, что начинали подниматься отъ сна. Опасаясь быть открытымъ Французами, и ожидая ежеминутно появленія нашихъ пѣхотныхъ колоннъ, онъ отмѣнилъ намѣреніе схватить Мюрата, послалъ воротить Грекова, и тотчасъ по прибытіи его понесся съ 10-ю Донскими полками прямо на Французовъ. Внезапность нападенія не допустила непріятелей стать въ ружье; они едва успѣли поворотить пушки, и сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, побѣжали за Рязановскій оврагъ. Весь лагерь на правомъ берегу Чернишины и 38 орудій схвачены ка-

Принцъ Евгеній Виртембергскій.

заками; сотня Донцовъ, съ сыномъ Платова, проскакала черезъ лагерь мимо Петеринки, прямо къ нашей пѣхотѣ.

Пока Графъ Орловъ-Денисовъ собиралъ разсыпавшіеся по Французскимъ бивакамъ полки, чтобы вести ихъ далѣе противъ непріятеля, начавшаго за оврагомъ выстраиваться, показался изъ лѣса Багговутъ, не со всѣмъ своимъ корпусомъ, но только съ егерскою бригадою Пиллара и полуротою артиллеріи. Ея выстрѣлы долженствовали, по диспозиціи, служить сигналомъ общей аттаки, по вышеизложеннымъ причинамъ уже произведенной Графомъ Орловымъ-Денисовымъ, прежде, нежели послѣдовали сіи выстрѣлы. Маршъ корпуса Багговута, за которымъ шелъ корпусъ Графа Строганова, былъ задержанъ въ лѣсу разными противорѣчащими приказаніями, привозимыми къ войскамъ. Сверхъ того, полки 4-й дивизіи, Кременчугскій и Волынскій, и слѣдовавшая позади ихъ 17-я дивизія, Олсуфьева, въ потьмахъ сбились съ дороги въ лѣсу, и отъ того ни они, ни корпусъ Графа Строганова не поспѣли во время на назначенныя имъ мѣста, а пришли только бригада Пиллара и бывшій въ головѣ 4-й дивизіи Тобольскій пѣхотный полкъ, при которомъ находился дивизіонный ея начальникъ, Принцъ Евгеній Виртембергскій. Выйдя изъ лѣса съ бригадою, Багговутъ тотчасъ открылъ огонь изъ орудій, но былъ убитъ однимъ изъ первыхъ ядеръ, пущенныхъ съ непріятельской батареи при Тетеринкѣ. Со смертію сего отличнаго Генерала прекратилась общая связь дѣйствій его корпуса. Егеря разсыпались въ стрѣлки, нападали храбро, но не были своевременно поддержаны запоздавшими въ лѣсу колоннами; частныя усилія ихъ оставались тщетны, потому что Мюратъ успѣлъ уже выстроиться, перемѣнилъ фронтъ и осадилъ лѣвый флангъ назадъ. Слѣва отбивалъ онъ кирасирами аттаки Графа Орлова-Денисова, съ фронта открылъ огонь съ батарей, а между тѣмъ отправлялъ назадъ обозы, чтобы они не мѣшали его отступленію, но минута удачнаго нападенія уже прошла, и Мюратъ былъ въ полномъ отступленіи. Отрядъ Графа Орлова-Денисова нѣсколько разъ покушался отрѣзать ему дорогу на Спасъ-Куплю, но не могъ въ томъ успѣть, хотя и былъ поддержанъ частію дивизіи Принца Евгенія. Другіе корпуса, при которыхъ лично находился Фельдмаршалъ, долго стояли неподвижно на мѣстѣ. По диспозиціи было имъ назначено быстрымъ наступленіемъ опрокинуть все находящееся передъ ними, но при началѣ сраженія Князь Кутузовъ не ввелъ ихъ въ дѣло. Онъ расчитывалъ, что успѣхъ тотчасъ рѣшится въ нашу пользу, если Беннигсену удастся произвести внезапную аттаку.

а въ противномъ случаѣ, если Беннигсена отобьютъ, то корпуса, не вступившіе въ сраженіе, и стоявшіе въ виду непріятеля въ боевомъ порядкѣ, однимъ появленіемъ своимъ будутъ достаточны для предупрежденія послѣдствій, какія могла повлечь за собою неудача нашего праваго крыла. Не такъ думали собравшіеся вокругъ Главнокомандующаго Генералы. Милорадовичъ нѣсколько разъ просилъ его о позволеніи идти впередъ. Рѣшительный отказъ былъ отвѣтомъ Кутузова. Наконецъ онъ сказалъ: „У васъ только на языкѣ атаковать", а вы не видите, что мы еще не созрѣли для сложныхъ движеній и маневровъ!" Примѣтя, что наше правое крыло начало подаваться впередъ и непріятель отступаетъ, Фельдмаршалъ велѣлъ стоявшимъ въ центрѣ пѣхотнымъ корпусамъ, предшествуемымъ кавалеріею Корфа, двинуться къ Чернишинѣ, а Васильчикова съ отдѣльнымъ отрядомъ послалъ въ правый флангъ непріятеля. Къ этой минутѣ сраженія можно отнести слова Князя Кутузова, помѣщенныя въ донесеніи его Государю, что движенія войскъ подъ Тарутинымъ уподоблялись маневру на учебномъ мѣстѣ. Вся линія колоннъ центра и лѣваго крыла шла стройно впередъ. Неоднократно покушался Мюратъ останавливаться, не для отпора, но для устройства войскъ и удаленія тяжестей, однако каждый разъ былъ опрокидываемъ. Нѣсколько полковъ его обратились въ бѣгство; кавалеристы, безъ сѣделъ и мундштуковъ, мчались туда и сюда по произволу своихъ тощихъ клячъ. Преслѣдованіе продолжалось 7 верстъ, до Спасъ-Купли, гдѣ Мюратъ занялъ позицію и прикрылъ ее батареями; но онѣ не помѣшали бы дальнѣйшему за нимъ преслѣдованію, еслибъ была на то воля Князя Кутузова. Въ вечеру Мюратъ потянулся къ Воронову, тревожимый нашими легкими войсками. Регулярная кавалерія и пѣхотные корпуса Графа Остермана и бывшій Багговута, получили приказаніе остановиться не доходя до Спасъ-Купли, а всѣ другіе корпуса не переступая за Чернишиню.

Поводомъ къ приказанію нейдти далѣе было слѣдующее. Во время общаго наступительнаго движенія, урядникъ Жирова полка привезъ отъ находившагося съ партіею на Подольской дорогѣ Полковника Князя Кудашева, перехваченное, предписаніе Маршала Бертье къ одному Французскому генералу объ отправленіи всѣхъ тяжестей на Можайскую дорогу. Прочитавъ предписаніе, Князь Кутузовъ заключилъ, что Наполеонъ намѣренъ выходить изъ Москвы, но куда? когда? съ какою цѣлью? было неизвѣстно. Фельдмаршалъ ходилъ нѣсколько минутъ взадъ и впередъ, и въ тайномъ совѣщаніи, одинъ съ самимъ собою, рѣшилъ не преслѣдовать Французовъ, возымѣвъ въ виду не одно пораженіе Мюрата, но

Сраженіе при Тарутинѣ.

начало, такъ сказать, зародышъ новаго похода, долженствовавшаго воспослѣдовать въ самомъ скоромъ времени. Онъ предвидѣлъ, что съ часу на часъ ему придется выдержать противъ главной непріятельской арміи рядъ кровопролитныхъ сраженій, въ которыхъ, конечно, Наполеонъ будетъ биться на жизнь и смерть. Неудовольствіе, что нейдутъ далѣе пожинать плодовъ одержанной надъ Мюратомъ побѣды, было на всѣхъ лицахъ, но въ присутствіи Князя Кутузова никто не смѣлъ подавать мнѣнія, не бывши имъ спрошенъ. Когда опять стали просить у него дозволенія преслѣдовать непріятелей, онъ отвѣчалъ: „Если не умѣли мы по-утру взять Мюрата живьемъ“ и придти во время на „мѣста, то преслѣдованіе будетъ безполезно. Намъ нельзя отдаляться отъ позиціи“. Князь Кутузовъ сѣлъ на разостланномъ коврѣ. Пріѣхалъ Беннигсенъ. Фельдмаршалъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу и сказалъ: „Вы“ одержали побѣду; я обязанъ вамъ благодарностью, „а Государь васъ наградитъ“. Беннигсенъ казался недовольнымъ возымѣлъ странную мысль, что Главнокомандующій оставилъ половину арміи въ бездѣйствіи изъ недоброжелательства къ нему, какъ будто желая лишить его успѣха въ сраженіи, имъ предложенномъ и веденномъ по его распоряженію. Онъ не сошелъ съ лошади, холодно поклонился Фельдмаршалу, въ нѣсколькихъ словахъ донесъ о ходѣ дѣла на лѣвомъ крылѣ, и присовокупилъ, что получивъ ядромъ контузію, имѣетъ на нѣсколько дней нужду въ покоѣ. Съ того времени началась вражда его къ Кутузову и сошла съ нимъ во гробъ.

Трофеи заключались въ 38 орудіяхъ, одномъ знамени, 40 зарядныхъ ящикахъ, 1,500 плѣнныхъ и большомъ количествѣ обоза. Въ числѣ убитыхъ находились генералы Фишеръ и Дери. Мюратъ былъ друженъ съ Дери и присылалъ просить о возвращеніи его тѣла, или, по крайней мѣрѣ, его сердца. Въ непріятельскомъ лагерѣ и отбитыхъ обозахъ найдено много награбленныхъ въ Москвѣ вещей и предметовъ роскоши. Они составляли разительную противоположность съ недостаткомъ въ жизненныхъ припасахъ, претерпѣнномъ непріятелемъ во время продолжительной стоянки его при Чернишинѣ. Вокругъ догоравшихъ бивачныхъ огней валялись заколотыя для пищи, или уже объѣденныя лошади и ободранныя кошки. На дымившихся очагахъ стояли чайники и котлы съ конскимъ отваромъ; кое-гдѣ видны были крупа и горохъ, но и слѣдовъ не находилось муки, хлѣба и говядины. Вина, головы сахара и другія лакомства, привезенныя изъ Москвы, брошены были подлѣ жареной конины и пареной ржи. Больные, лишенные всякаго при-

зрѣнія, лежали на холодной землѣ. Между ними находились дѣти и женщины, Француженки, Нѣмки, Польки. Около шалашей разметаны были иконы, похищенныя изъ сосѣднихъ церквей и употребляемыя святотатцами вмѣсто дровъ. Въ находившихся близъ стана непріятельскаго церквахъ престолы были разрушены, лики святыхъ ниспровергнуты, попираемы лошадьми, которыя даже стояли въ алтаряхъ, оглашая ржаніемъ священныя стѣны, гдѣ искони возносились хвалебныя пѣсни Божеству.

Тарутинское сраженіе, стоившее намъ 500 убитыхъ и раненыхъ, имѣло на воевавшія войска великое нравственное вліяніе. Съ самого начала похода было оно первымъ наступательнымъ дѣйствіемъ нашей главной арміи и увѣнчалось, хотя и не совершеннымъ, какъ слѣдовало ожидать, но, по крайней мѣрѣ, значительнымъ успѣхомъ. Непріятелей лишило оно отрадной надежды на миръ, составлявшій, со времени занятія ими Москвы, предметъ любимой мечты ихъ арміи, отъ Наполеона до послѣдняго солдата. Это сраженіе провело рѣзкую черту между прошедшимъ и будущимъ, показавъ, что Русскіе не помышляли о прекращеніи войны.

Подъ вечеръ армія возвратилась въ Тарутино. На половинѣ дороги стояла линія непріятельскихъ орудій. Тутъ же былъ Князь Кутузовъ, сидѣвшій на крыльцѣ полуразрушенной избы. Указывая на трофеи, онъ привѣтствовалъ колонны сими словами: „Вотъ сегодня вашъ подарокъ Государю и Россіи. Благодарю васъ именемъ Царя и отечества!“ Ура! перемѣшанное съ веселыми пѣснями, долетало эхомъ радости къ нашему лагерю. Шумно и весело вступали въ него войска. Покой не шелъ имъ на умъ, какъ будто праздновалось воскресеніе умолкнувшей на время Русской славы.

На другой день служили благодарственный молебенъ. Князь Кутузовъ слушалъ его въ походной церкви гвардейскаго корпуса, куда принесенъ былъ образъ Смоленской Божіей Матери. Любопытство влекло многихъ къ Французскимъ пушкамъ, потому, что съ 1805 года, когда начались наши войны съ Наполеономъ, нигдѣ не отбивали у его арміи столь большаго количества орудій, какъ подъ Тарутинымъ. Честь овладѣнія ими принадлежала Графу Орлову-Денисову, о которомъ Беннигсенъ, виновникъ и распорядитель сраженія, доносилъ Князю Кутузову: „Графъ Орловъ-Денисовъ велъ себя самымъ блистательнымъ образомъ; его храбрость дѣлаетъ честь Россійскому оружію. Онъ первый подалъ мысль обойдти лѣвое непріятельское крыло, основываясь на сдѣланныхъ имъ обозрѣніяхъ, и по донесенію его о томъ рѣшился я письменно предложить Вашей Свѣтлости атаковать непріятеля“.

Богдановичъ. Описаніе Отечественной войны въ 1812 году.

На Калужской дорогѣ.

7 Октября, утомясь ожиданіемъ мирныхъ, благопріятныхъ извѣстій отъ Императора Александра, Наполеонъ, оставя Бертье, съ осьмью тысячами молодой гвардіи въ Москвѣ, съ тяжело ранеными, больными и грознымъ безчеловѣчнымъ приказаніемъ—грабить, обрывать серебро и золото со Святыхъ Иконъ, въ церквахъ, домахъ, отыскивать зарытыя сокровища; и все переливать и плавить въ Наполеонодоры. Цѣлые сутки его большая армія собиралась со всѣхъ концовъ Москвы на широкое предмѣстье, между Калужской и Серпуховской заставъ, и предъ его полчищемъ, состоящимъ изъ 100 тысячъ воиновъ, 140 тысячъ принадлежавшихъ къ нимъ людей, 150 тысячъ лошадей, 500 артиллерійскихъ орудій, 2011 зарядныхъ ящиковъ, лежали два пути въ Калугу: одинъ ближній чрезъ городъ Малоярославецъ, по такъ называемой, старой Калужской дорогѣ, прямо въ ставку Кутузова, но чтобъ пройти по немъ, въ наши южные губерніи, надо было смять и уничтожить 120 тысячъ нашего войска; другой, ни кѣмъ и ни чѣмъ не защищаемый, по большой столбовой дорогѣ на Боровскъ. Наполеонъ пошелъ прямо къ ставкѣ Кутузова говоря: „надо спѣшить схватить и побѣдить Кутузова, разбить его войска, и тогда мы спокойно дойдемъ чрезъ Калугу, Медынь, Юхновъ и Ельню домой. Горе, гибель, смерть и опустошеніе всѣмъ и всему, что мы встрѣтимъ на пути!“ И онъ двинулся со своей старой гвардіею, корпусами: Нея, Даву, съ дивизіями Пино и Дельзона, дошелъ сопровождаемый дождемъ и непогодой до Красной Пахры и тутъ вдругъ оставя въ селѣ Вороновѣ (выжженномъ собственною рукою владѣльца, тогдашняго Московскаго Генералъ Губернатора, Графа Ростопчина), кавалерію Короля Неополитанскаго, пошелъ вправо къ Вититинкѣ, гдѣ ожидалъ его четвертый корпусъ Вице-Короля Италіанскаго, и занялъ главной своей квартирой село Троицкое, но ненадолго промѣнялъ Наполеонъ Москву на Троицкое, 9 онъ пришелъ въ Игнатово и 9-же Октября корпусъ Вице-Короля Италіанскаго составя авангардъ, потянулся на Бекасово въ Ѳоминское, занятое уже Весьеромъ, куда 10 прибылъ и самъ Наполеонъ. Здѣсь замыслъ его вспыхнулъ, раздувая пожары онъ затѣялъ ратовать на новомъ пути по полуденному краю, и отсюда-то всей силой своихъ войскъ ударясь на Боровскъ, Наполеонъ вышелъ на новую Калужскую дорогу и уже два баталіона дивизіи Дельзона, составляющіе передовую колонну, къ

Маршалъ Бессьеръ.

Евгеній, вице-король итальянскій.

Маршалъ Массенъ.

Маршалъ Сенъ-Сиръ.

вечеру 10 Октября были предъ городомъ Малоярославцемъ. Въ этотъ самый день Понятовскій направилъ путь свой къ Медынѣ, прошелъ Верею, освобожденную и отнятую у непріятеля 29 Сентября Дороховымъ, съ содѣйствіемъ священника и четырехъ мѣщанъ, храбро бросившихся вмѣстѣ съ нимъ на приступъ, и теперь снова подпавшую въ плѣнъ и захваченную непріятельскими войсками. А съ 11-го на 12 Октября Бертье взбросивъ въ пожарномъ взрывѣ Кремль, отшатнулся къ Фоминскому. И такъ изъ всѣхъ передвиженій войсъ Наполеона, ясно видно его намѣреніе захватить край, незащищаемый нашей арміею, столпить всю громаду войскъ его въ одну точку, къ полуденнымъ губерніямъ, связывая силы главной своей арміи корпусомъ Понятовскаго Смоленскою дорогою.

Малоярославецъ.

Малоярославецъ, небольшой уѣздный городъ Калужской губерніи, расположенъ въ красивой мѣстности на высокомъ правомъ берегу рѣки Лужи, при сліяніи ея съ рѣкой Ярославкой. Городъ, получившій имя отъ своего перваго князя Ярослава, сына Владиміра Храбраго, стоитъ въ 119-ти верстахъ отъ Москвы и въ 58-ти отъ Калуги. Отъ Боровска дорога идетъ къ Малоярославцу между лѣсами и выходитъ на плато, на краю котораго извивается рѣка Лужа. Дорога переходитъ далѣе черезъ деревянный мостъ и идетъ ущельемъ мимо Николаевскаго Малоярославскаго монастыря, стоящаго надъ обрывами, и, огибая бѣлыя монастырскія стѣны, приводитъ въ самый городъ, къ соборной площади.

По этой дорогѣ и шелъ Наполеонъ изъ Фоминскаго, для открытія себѣ пути въ Калугу. Наперерѣзъ ему двинулся изъ Тарутина Кутузовъ.

Тотчасъ-же по полученіи донесенія отъ Дохтурова о выступленіи Наполеона изъ Москвы, Кутузовъ тогда-же, ночью, отдалъ слѣдующія приказанія:

„1) Дохтурову употребить всѣ средства для скорѣйшаго перехода изъ Аристова къ Малоярославцу и прикрытія Боровской дороги до прибытія туда главной арміи. 2) Ему-же тотчасъ отправить четыре казачьихъ полка, усиленнымъ маршемъ, для предупрежденія непріятеля на Боровской дорогѣ. 3) Платову со всѣми казачьими полками и ротою конной артиллеріи идти къ Малоярославцу. 4) Всей арміи быть готовою къ выступленію. 5) Милорадовичу сдѣлать обозрѣніе, стараясь открыть

настоящее расположеніе непріятельскаго авангарда, и, если этотъ авангардъ станетъ дѣлать фланговый маршъ вверхъ по Нарѣ, то отдѣлить казаковъ и часть кавалеріи для наблюденій за его движеніемъ, а самому Милорадовичу, съ 2-мъ и 4-мъ пѣхотными корпусами и кавалеріею, идти вслѣдъ за арміею. 6) Партизану князю Кудашеву направиться для поисковъ на старую Калужскую дорогу. 7) Калужскому губернатору Каверину принять всѣ нужныя въ такихъ обстоятельствахъ мѣры".

Приказъ Кутузова о выступленіи къ Малоярославцу былъ полученъ Дохтуровымъ утромъ 11-го октября. Онъ немедленно двинулся изъ Аристова на Спасское, приказавъ Дорохову наблюдать за непріятелемъ на Боровской дорогѣ.

Вскорѣ Дохтуровъ получилъ отъ Дорохова донесеніе о движеніи французовъ къ Малоярославцу. Это донесеніе подтвердилъ также бѣжавшій слуга одного французскаго генерала, который заявилъ, что Наполеонъ въ десять часовъ утра прибылъ въ Боровскъ и сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи арміи на слѣдующее утро на Калугу.

Дохтурову надо было спѣшить, чтобы предупредить непріятеля въ Малоярославцѣ. Французамъ изъ Боровска предстоялъ болѣе короткій путь, чѣмъ Дохтурову. Кромѣ того у нихъ было еще то преимущество, что въ ихъ распоряженіи была столбовая дорога, между тѣмъ какъ Дохтуровъ долженъ былъ пробираться проселками.

Дохтуровъ приказалъ пѣхотѣ удвоить шагъ. Казалось, что онъ могъ еще опередить французовъ въ Малоярославцѣ, но вдругъ встрѣтилось неожиданное препятствіе. Путь войскамъ преградила рѣка Протва. Обыкновенно узкая и мелководная, съ множествомъ бродовъ, она вдругъ сдѣлалась широкой и глубокой. Это крестьяне села Спасскаго, узнавъ о приближеніи французовъ къ Боровску, разрушили всѣ свои плотины и спустили воду, и переправиться теперь безъ моста войскамъ было уже невозможно.

Дохтуровъ приступилъ къ постройкѣ моста и потерялъ поневолѣ больше шести часовъ. Узнавъ объ этой остановкѣ, Кутузовъ повторилъ Дохтурову свое приказаніе прибыть въ Малоярославецъ до разсвѣта.

Окончивъ постройку моста, Дохтуровъ оставилъ при немъ въ качествѣ охраны два батальона при двухъ орудіяхъ (что было необходимо, потому что черезъ нѣсколько часовъ тутъ должна была переправляться черезъ Протву вся армія) и ночью продолжалъ движеніе. Приказаніе Кутузова было исполнено: Дохтуровъ прибылъ къ Малоярославцу за часъ до разсвѣта 12-го октября. Платовъ былъ уже тамъ.

Но, какъ Дохтуровъ ни торопился, онъ не успѣлъ опередить французовъ. Малоярославецъ былъ уже 11-го октября занятъ непріятельскимъ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ батальоновъ дивизіи Дельзона. Самъ Дельзонъ стоялъ съ остальными своими войсками на лѣвомъ берегу Лужи.

Дохтуровъ далъ войскамъ немного отдохнуть послѣ утомительнаго перехода изъ Аристова и въ 5 часовъ утра, не желая дать непріятелю возможность укрѣпиться въ Малоярославцѣ, послалъ два егерскихъ полка выбить французовъ изъ занятыхъ ими кварталовъ. Егеря вытѣснили французовъ въ нижнюю часть города, гдѣ они удержались въ укрѣпленныхъ мѣстахъ. Тутъ подоспѣлъ Дельзонъ со всей своей дивизіей и оттѣснилъ егерей. Дохтуровъ прислалъ имъ подкрѣпленіе въ свою очередь, и схватка становилась все жарче.

Пріѣхалъ вице-король и, узнавъ о положеніи дѣлъ, приказалъ спѣшить къ мѣсту битвы остальнымъ дивизіямъ своего корпуса (Пино, гвардейской и Брусье). Онѣ пришли къ одиннадцати часамъ.

Тѣмъ временемъ городъ пять разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Дельзонъ былъ убитъ.

Первой пришла дивизія Брусье и сразу была введена въ дѣло. Дохтуровъ посылалъ въ городъ полкъ за полкомъ. Сраженіе велось на городскихъ улицахъ, причемъ обѣ стороны дрались съ большимъ ожесточеніемъ. Кавалерію Дохтуровъ въ дѣло не вводилъ, такъ какъ для ея дѣйствій въ городѣ не было мѣста, и она оставалась для наблюденія за бродами и дорогами къ Спасскому, откуда должна была придти русская армія.

Дохтуровъ ожидалъ ея прибытія съ большимъ нетерпѣніемъ, такъ какъ его резервы истощались, а къ непріятелю каждую минуту прибывали подкрѣпленія.

Въ полдень къ Малоярославцу пріѣхалъ Наполеонъ и остановился на берегу Лужи. Осмотрѣвъ мѣсто сраженія, онъ велѣлъ навести понтонный мостъ выше Малоярославца, такъ какъ русскія баттареи, стоявшія влѣво отъ города, наносили большой уронъ французамъ при переходѣ ихъ черезъ существовавшій мостъ. Но главное его вниманіе было обращено не на сраженіе, а на Спасскую дорогу, по которой долженъ былъ придти Кутузовъ. Вскорѣ на этой дорогѣ показались облака пыли и заблестѣли на солнцѣ штыки. Кутузовъ не опоздалъ.

Всю ночь онъ шелъ изъ Тарутина. Не доходя до Малоярославца пяти верстъ, онъ велѣлъ сдѣлать привалъ. Самъ онъ усѣлся на своей

неизмѣнной скамейкѣ среди войскъ. Впередъ онъ послалъ только одинъ корпусъ Раевскаго.

Съ приходомъ его въ Малоярославецъ бой склонился на сторону русскихъ. Въ шестой разъ городъ остался за нами, исключая нѣкоторыхъ кварталовъ на окраинахъ, гдѣ еще удерживались французы.

Тогда вице-король ввелъ въ дѣло дивизію Пино, не бывшую въ огнѣ еще ни раза съ самаго начала похода. Вслѣдъ за нимъ въ городъ вступили двѣ дивизіи Даву и итальянская гвардія, и Дохтуровъ, и Раевскій были вытѣснены изъ Малоярославца. Французы выступили изъ города, преслѣдуя русскихъ но, встрѣченные сильнымъ огнемъ, должны были возвратиться въ городъ. Въ свою очередь русскіе бросились за ними. Бой кипѣлъ на улицахъ посреди горѣвшихъ домовъ.

„Случалось,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій,—что французы брали верхъ, но не могли выходить изъ города на нашу сторону, не подвергаясь перекрестному огню русскихъ пушекъ. И наши встрѣчали преграды каждый разъ, когда оттѣснивъ непріятелей, устремлялись къ мосту, такъ какъ на лѣвомъ берегу Лужи были батареи и одна изъ нихъ, поставленная Наполеономъ, дѣйствовала подъ личнымъ его распоряженіемъ. Слѣдовательно битва ограничивалась пространствомъ, которое занимаетъ Малоярославецъ, гдѣ дрались съ перемѣннымъ успѣхомъ, но съ одинаковымъ ожесточеніемъ“.

Войска рвались въ бой. Солдаты корпусовъ, не участвующихъ въ сраженіи, сами вызывались на какое-нибудь опасное порученіе.

„Между городомъ и нашей позиціей,—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ боя при Малоярославцѣ,—немного въ сторонѣ находился какой-то кирпичный заводъ. Нашъ полковой командиръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ у меня палительныхъ свѣчей, чтобы зажечь сараи, говоря:

„— Худо будетъ намъ, когда французы еще выйдутъ изъ города, займутъ ихъ и тамъ засядутъ... Потомъ обратился онъ къ батальону.—Ну,—сказалъ,—ребята, кто пойдетъ зажигать сараи, тому—крестъ!

На эти слова двинулся весь батальонъ, и онъ самъ уже выбралъ унтеръ-офицера и двухъ солдатъ, сараи зажгли, и посланные воротились благополучно.

Войска, не участвовавшія въ дѣлѣ, съ завистью смотрѣли на тѣхъ, кто побывалъ въ этомъ сраженіи.

„Корпусъ или отрядъ,—разсказываетъ тотъ-же свидѣтель,—воз-

вращавшійся со сраженія съ признаками участія въ дѣлѣ, обращалъ на себя всеобщее вниманіе. Не участвовавшіе въ дѣлѣ солдаты, и особенно офицеры, смотрѣли съ расположеніемъ на потрудившихся и завидовали оставшимся въ живыхъ счастливцамъ. Они любопытствовали и приставали съ вопросами, особенно видя ощутительные признаки жаркаго дѣла. Такъ было и съ нами. Солдаты разспрашивали солдатъ, а офицеры съ разспросами подходили ко мнѣ. Но я былъ въ такомъ расположеніи духа, что, кажется, только и отвѣчалъ: „да“ и „нѣтъ“. Послышалось мнѣ, что кто-то изъ офицеровъ сказалъ: „Экой медвѣдь!“. Несмотря однако-жъ на разсѣянность, я все-же замѣтилъ кучку гвардейскихъ солдатъ, смотрѣвшихъ на насъ; одинъ изъ нихъ, указывая рукою на орудія, сказалъ:

„— Ужъ эти и видно, что поработали: вишь, какъ рылы-то позамарали!»

Эти простыя слова чрезвычайно были мнѣ пріятны.

Скоро къ Малоярославцу подошелъ Милорадовичъ, совершенно неожиданно, такъ какъ его ожидали значительно позже. Но онъ поторопился и въ одинъ день прошелъ больше пятидесяти верстъ. Кутузовъ былъ очень обрадованъ его появленіемъ.

— Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы, — сказалъ онъ, обнимая Милорадовича.

Въ это время Наполеонъ размѣстилъ на высотахъ лѣваго берега Лужи остальныя дивизіи корпуса Даву, гвардію и кавалерію. Къ вечеру обѣ стороны были готовы къ рѣшительному сраженію.

Но Кутузовъ не хотѣлъ оставить Малоярославецъ на ночь въ рукахъ французовъ и позволить имъ укрѣпиться въ немъ. Онъ позвалъ къ себѣ Коновницына и сказалъ ему:

— Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь, но теперь прошу тебя очистить городъ.

Коновницынъ взялъ съ собой дивизію князя Шаховского и повелъ ее въ городъ. Тамъ онъ вмѣстѣ съ находившимися въ городѣ войсками оттѣснилъ французовъ. Вслѣдъ за Коновницынымъ въ Малоярославецъ вступилъ корпусъ Бороздина, чтобы смѣнить на ночь утомленныя сраженіемъ войска.

Наступили сумерки. Но перестрѣлка все еще не прекращалась. Одна часть города осталась за французами, другая—за русскими.

„Наконецъ,—разсказываетъ участникъ сраженія, Митаревскій,—пальба затихла; съ самаго полудня началъ показываться въ городѣ

дымъ, а въ это время весь городъ былъ въ огнѣ: горѣли дома, горѣли церкви, заревомъ насъ совершенно освѣщало. Разставили впереди пикеты, а остальнымъ людямъ приказано было прилечь. Легли колоннами, какъ стояли, положа головы одинъ на другого, ружья имѣли каждый при себѣ. Мои люди тоже прилегли, кто куда попалъ. Земля была мокрая и не на чемъ было прилечь. Я сѣлъ, прислонившись спиною къ колесу орудія, а голову склонилъ на тупицу, и такъ задремалъ. Спустя немного времени, поднялась ружейная перестрѣлка, а потомъ изрѣдка и пушечные выстрѣлы; люди повскакивали. При свѣтѣ зарева перестрѣлка продолжалась съ полчаса и опять затихла; черезъ нѣсколько времени опять поднялась, при этомъ люди не вставали, и я сидѣлъ у колеса, не подымаясь; перестрѣлка продолжалась довольно долго. Разсказывали, что первая перестрѣлка произошла оттого, что пробѣжала корова между аванпостными часовыми, подняла шумъ, и началась пальба; вторая оттого, что нашъ ефрейторъ, разводя часовыхъ, наткнулся на французскаго, тотъ выстрѣлилъ, и опять поднялась перестрѣлка. Эти пустые случаи стоили, можетъ быть, сотни человѣкъ съ каждой стороны. Несмотря на перестрѣлку впереди, люди спали, и при этомъ все-таки ранено нѣсколько спящихъ. Я у колеса окончательно заснулъ и спалъ, пока продрогъ, что случилось скоро; ночью сдѣлалось порядочно холодно, да къ тому же я весь былъ мокрый".

Кутузовъ уснулъ еще раньше прекращенія сраженія. День, проведенный имъ въ движеніи и заботахъ, далъ себя знать.

„Кутузовъ, — пишетъ очевидецъ, — подъ шумъ гремѣвшаго боя спокойно заснулъ на буркѣ подъ открытымъ небомъ. Я видѣлъ его, пріѣхавъ къ нему отъ Милорадовича за приказаніемъ вмѣстѣ съ другими, почтительно ожидавшими его пробужденія. Старость взяла свое неодолимое право. Ему шелъ тяжкій семидесятый годъ. Сдѣлавъ свое главное дѣло, онъ смѣло могъ въ остальномъ положиться на своихъ сотрудниковъ. Эта сцена осталась у меня въ свѣжей памяти, никѣмъ не описанная.

Ночью для Кутузова разбили палатку.

Къ ночи,—пишетъ другой очевидецъ,—за моей баттареей разбита была палатка, принадлежавшая семеновскаго полка штабсъ-капитану Кошкареву; въ ней ночевалъ Кутузовъ. Около десяти часовъ вечера, когда онъ вѣроятно начиналъ засыпать, вдругъ пальба, прекратившаяся совершенно у города, часу въ восьмомъ, внезапно открылась въ большомъ размѣрѣ. Кутузовъ вышелъ изъ палатки и съ сердцемъ сказалъ:

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ Дмитрій Сергѣевичъ (Дохтуровъ) и уснуть не дастъ! Оставилъ-бы ихъ, проклятыхъ, въ покоѣ. Кошкаревъ! Пошли узнать, что это за тревога?

Потомъ, войдя въ палатку, онъ проспалъ уже до разсвѣта, до новаго похода.

Въ сраженіи подъ Малоярославцемъ въ нашей и въ непріятельской арміи выбыло изъ строя тысячъ по пяти. У французовъ было убито два генерала и три ранено. Изъ русскихъ генераловъ раненъ одинъ, Дороховъ, пулей въ пятку.

Поздно вечеромъ Наполеонъ возвратился съ гвардіей въ Городню (въ 10 верстахъ отъ Малоярославца по Боровской дорогѣ). Ночью онъ пригласилъ на совѣтъ Бертье, Мюрата и Бессьера. Они застали Наполеона очень озабоченнымъ.

— Прибытіе Кутузова на Калужскую дорогу мѣняетъ положеніе дѣлъ,—сказалъ онъ имъ.

Затѣмъ онъ, облокотившись о столъ и подперевъ руками голову, началъ долго и внимательно разглядывать карту. Маршалы стояли въ почтительныхъ позахъ, ожидая, когда онъ прерветъ молчаніе. Но онъ такъ и отпустилъ ихъ, не объявивъ своего рѣшенія. Они узнали о немъ изъ приказа, даннаго Наполеономъ Даву. Этимъ приказомъ Даву поручалось начальство надъ авангардомъ съ предупрежденіемъ, что Наполеонъ утромъ снова придетъ къ Малоярославцу съ гвардіей. Нею, который въ это время находился вблизи Боровска, Наполеонъ послалъ приказаніе присоединиться съ двумя дивизіями къ арміи, оставивъ остальныя свои войска въ Боровскѣ для прикрытія скопившихся тамъ тяжестей и обозовъ.

Между тѣмъ послѣ полуночи, по какому-то недоразумѣнію, безъ всякаго приказанія, передовая цѣпь Бороздина отступила изъ Малоярославца, хотя французы и не думали тѣснить русскихъ.

Было неизвѣстно, какъ воспользуются французы этой оплошностью со стороны русскихъ и сколько войскъ введутъ они въ Малоярославецъ для предстоявшей на утро аттаки. Позиція же русскихъ была неудобна, такъ какъ сзади находились овраги. Поэтому Кутузовъ приказалъ арміи занять другую позицію, въ $2^1/_2$ верстахъ позади первой. Армія исполнила это передвиженіе ночью съ 12-го на 13-е октября. Только одинъ Милорадовичъ остался въ виду города на прежней позиціи.

Утро 13-го октября прошло спокойно. Французы не трогались

Битва при Маломъ Ярославцѣ 12 Октября.

изъ города. Кутузовъ приказалъ Милорадовичу отойти назадъ и присоединиться къ арміи. Предъ Малоярославцемъ осталась одна наша легкая кавалерія.

При отступленіи Милорадовича французы зашевелились. Часть ихъ войскъ вышла изъ города и протянулась по направленію къ Медыни.

Кутузовъ ожидалъ извѣстій отъ Платова, который во время происходившаго наканунѣ сраженія весь день стоялъ съ двадцатью казачьими полками отдѣльно отъ арміи на берегу Лужи. Онъ долженъ былъ наблюдать дорогу, ведущую изъ Боровска въ Малоярославецъ, и тревожить непріятеля съ тыла и праваго фланга. Однако лихой атаманъ во весь день не произвелъ ни одной аттаки и довольствовался ролью свидѣтеля происходившаго въ Малоярославцѣ сраженія. Кутузовъ былъ очень разсерженъ. Онъ послалъ Платову строгій выговоръ за бездѣйствіе и приказаніе непремѣнно произвести ночью нападеніе на непріятеля.

Какъ только наступила ночь (съ 12-го на 13-е октября), Платовъ послалъ три значительныхъ отряда на лѣвый берегъ Лужи.

„Выступивъ изъ лагеря,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій,—партіи (отряды) шли на одной высотѣ, находясь между собою въ разстояніи версты. Часу въ четвертомъ пополуночи онѣ переправились черезъ Лужу, двинулись съ величайшей тишиною къ столбовой дорогѣ и остановились, увидя за нею бивачные огни непріятелей. Стали всматриваться и замѣтили тянувшееся по дорогѣ войско, пѣшее и конное, имѣвшее между собою частые промежутки. То была непріятельская артиллерія, слѣдовавшая изъ Боровска къ Малоярославцу. Начальники казачьихъ партій съѣхались и переговоривъ рѣшили ударить на орудія. Сперва донцы пошли шагомъ, потомъ рысью, наконецъ съ обычными криками высыпали на дорогу. Завидя ихъ, французская артиллерія своротила въ сторону, стараясь спастись по полямъ, но была настигнута, причемъ схвачено болѣе 50-ти орудій. Пока одни изъ казаковъ поворачивали пушки, намѣреваясь увезти ихъ, другіе кинулись на обозы, а иные понеслись далѣе за дорогу и наскакали прямо на три кавалерійскихъ взвода, стоявшихъ неподвижно на мѣстѣ. Посреди нихъ находился Наполеонъ. Заря только что занималась, и во мракѣ нельзя было примѣтить его. Казаки не аттаковали регулярной кавалеріи и продолжали вразсыпную колоть, забирая, что попадалось. Наполеонъ очутился тутъ слѣдующимъ образомъ. Въ пятомъ часу поутру онъ поѣхалъ изъ Городни въ Малоярославецъ, въ сопровожденіи только трехъ

взводовъ, такъ какъ остальной конвой не успѣлъ еще отправиться за нимъ. Дорогою у одного изъ его генераловъ, Паца, упалъ эполетъ. Онъ сошелъ съ лошади поднять его и, наклоняясь къ землѣ, услышалъ справа конскій топотъ и ржанье лошадей. Едва успѣлъ онъ доложить о томъ Наполеону, какъ вся окрестность наводнилась казаками. Наполеонъ обнажилъ шпагу, принялъ влѣво, на поле, и остановился съ тремя конвойными взводами и находившимися при немъ чиновниками. Суматоха подлѣ дороги продолжалась. Тщетны были усилія и крики казачьихъ начальниковъ, старавшихся собрать войско, такъ какъ оно нашло въ обозахъ боченки съ золотомъ. Между тѣмъ появились изъ Городни конвойные драгуны и конные гренадеры. Вмѣстѣ со свитою Наполеона они аттаковали донцовъ и принудили ихъ отступить. Наши благополучно переправились черезъ Лужу, захвативъ съ собою богатую добычу деньгами и 11 орудій, заблаговременно, при началѣ нападенія, отправленныхъ въ лагерь Платова. Въ то же самое время генералъ-маіоръ Кутейниковъ сдѣлалъ набѣгъ близъ Боровска, взялъ много плѣнныхъ, отбилъ обозъ съ церковнымъ серебромъ и между другими бумагами одну весьма важную, рѣчь о которой будетъ впереди“.

Эта бумага представляла собой записку маршала Бертье къ начальнику топографическаго депо Сансону.

„— Постарайтесь,—писалъ ему Бертье,—собрать свѣдѣнія о старой дорогѣ изъ Москвы черезъ Боровскъ, Малоярославецъ и Песокъ, изъ Песокъ въ Медынь, изъ Медыни въ Вязьму, изъ Вязьмы и Калуги въ Масальскъ, изъ Масальска въ Ельню, изъ Ельни въ Смоленскъ“.

Эта записка заставила Кутузова заключить, что Наполеонъ думаетъ отправиться изъ Малоярославца на Медынь. Это заключеніе было подтверждено извѣстіемъ о появленіи на Медынской дорогѣ авангарда Понятовскаго, обращеннаго въ бѣгство генералъ-маіоромъ Иловайскимъ 9-мъ.

Тѣмъ временемъ Наполеонъ, послѣ тревоги, поднятой донцами, пріѣхалъ къ Малоярославцу. Онъ осмотрѣлъ поле сраженія и позицію русскихъ, но распоряженій къ бою не сдѣлалъ. Предъ вечеромъ онъ возвратился обратно въ Городню. Весь день 13-го октября прошелъ такимъ образомъ совершенно спокойно, если не считать безрезультатной утренней перестрѣлки.

Едва наступила ночь, какъ Кутузовъ отошелъ со всей арміей къ Детчину, чтобы заслонить Наполеону Медынскую дорогу. На старой позиціи при Малоярославцѣ остался одинъ Милорадовичъ. Платову и

партизанамъ (Сеславину, Фигнеру и князю Кудашеву) Кутузовъ приказалъ наблюдать за непріятелемъ.

„Легкія наши войска,—доносилъ Кутузовъ императору Александру,—простиравшіяся до дороги, ведущей къ Медыни, по которой непріятель могъ еще пробраться въ Калугу, стали единогласно удѣдомлять, что корпусы его стремятся по всей дорогѣ. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе, что на ней были уже сраженія между нашими легкими войсками и непріятелями. Очевидно, что намѣреніе Наполеона клонится къ тому, чтобы всѣми способами обойти насъ къ Калугѣ, почему, оставя сильный авангардъ подъ командою Милорадовича, 14-го числа пошелъ я къ селу Детчину".

14 го октября, утромъ, когда русская армія прибыла къ Детчину, Наполеонъ опять отправился изъ Городни къ Малоярославцу. На пути онъ получилъ донесеніе, что русскіе отступили отъ Малоярославца. Понявъ, что Кутузовъ пошелъ на Медынскую дорогу и не имѣя времени, за недостаткомъ продовольствія, вступать въ новое сраженіе, которое неизвѣстно чѣмъ могло окончиться, Наполеонъ рѣшилъ идти по Смоленской дорогѣ, чтобы поскорѣе попасть въ Смоленскъ, гдѣ были заготовлены большіе запасы продовольствія и фуража.

У Малоярославца остался только одинъ Даву, который послѣдовалъ за отступавшимъ Милорадовичемъ. Увидѣвъ, что за нимъ идетъ одинъ непріятельскій авангардъ, Милорадовичъ вскорѣ остановился. Завязалась перестрѣлка, послѣ которой Даву медленно отошелъ къ Малоярославцу, переправился черезъ Лужу и остановился въ пяти верстахъ отъ города на дорогѣ въ Городню.

Милорадовичъ тотчасъ же занялъ Городню.

Городъ представлялъ собой очень печальную картину.

На разсвѣтѣ 15-го октября Кутузовъ получилъ донесеніе отъ Милорадовича объ отступленіи французовъ отъ Малоярославца къ Боровску. Тотчасъ же онъ двинулъ армію къ Полотнянымъ заводамъ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что Наполеонъ направился съ главными силами къ Вереѣ.

Стараясь не выпускать французовъ изъ вида, Кутузовъ послалъ впередъ большое число легкихъ войскъ. Платовъ съ 15-ью казачьими полками и партизанскіе отряды Кайсарова, Кудашева, Сеславина, Ефремова и Фигнера должны были наблюдать за непріятелемъ.

„По всему видно,—собственноручно доносилъ Кутузову полуграмотный Платовъ,—что гордый и дерзкій непріятель сплошовалъ и по-

колебался; теперь направилъ лыжи. Богъ да поможетъ! Еще не то ему будетъ; по повелѣнію его свѣтлости фельдмаршала нашего и совсѣмъ побѣжитъ".

Совѣтъ.

Въ ночь на 15-е Октября, россійскій полководецъ, разсылалъ приказы оставшимся войскамъ у Малоярославца; однимъ итти къ Гончаровкѣ, къ Калугѣ, другимъ чрезъ Медынь прямо къ Гемати. А французскій императоръ опять забился въ темный уголъ избушки ткача. Предъ нимъ на столѣ главный его совѣтникъ и путеводитель—карта; на картѣ нѣсколько серебряныхъ подсвѣчниковъ, изъ которыхъ восковыя свѣчи бросали свѣтъ въ этотъ тѣсный дворецъ императора. Къ нему собрались: два короля и три славные генерала рѣшать судьбу Европы. Мраченъ, блѣденъ, угрюмъ, но спокойно опершись на оба локтя, положа на руки свою голову, пристально разсматривалъ карту, Наполеонъ. Не довольны, печальны, задумчивы стояли, сотворенные императоромъ, вице-король Италійскій и король Неаполитанскій. Этотъ щеголь, наѣздникъ, являвшійся всегда въ сраженіяхъ, какъ рыцарь на турнирѣ, за которымъ всегда носились тысячи сабель, палашей и стѣны уланскихъ пикъ! Молча, но съ сильнымъ, внимательнымъ любопытствомъ глядѣли на него маршалъ Даву и умные, исполнительные его генералы Бессьеръ и Бертье. И всѣхъ этихъ сановниковъ и генераловъ, вездѣ и всегда враждовавшихъ другъ противъ друга за славу и громкіе титула, роднила и соединяла теперь одна мысль: чѣмъ повершитъ Наполеонъ? Они всѣ одинаково ждали могучаго его слова, долженствовавшаго рѣшить ихъ участь! Но императоръ, не перемѣняя положенія, безмолвно глядѣлъ на карту, и его мертвое раздумье сомкнуло гробовымъ молчаніемъ всѣ уста. Но вотъ Мюратъ, витязь боя и всегдашній рабъ перваго своего впечатлѣнія, всегда упрямо руководимый смѣлымъ вдохновеніемъ своей души, бросаясь съ нимъ, какъ съ огнемъ неба, на всѣ свои дѣйствія, соскучивъ утомительнымъ безпокойствомъ, такъ рѣзко изображавшемся на всѣхъ лицахъ, окружающихъ императора, онъ первый приблизился къ Наполеону: „Можно поправить дѣло", сказалъ онъ рѣшительнымъ, твердымъ голосомъ, облокотясь на свою, изукрашенную каменьями саблю; „въ войнѣ всегда одинъ успѣхъ боя рѣшаетъ все! Намъ остается одно: напасть и прорваться! Благоразуміе и наше спасеніе сами бросаютъ насъ на этотъ отважный подвигъ.

Остановиться нельзя, невозможно; бѣгство опасно, остается одно—гнать и преслѣдовать русскихъ! Откуда эти непроходимые, грозные лѣса и ущелья! Пусть мнѣ дадутъ всю кавалерію, находящуюся здѣсь съ нами, и гвардію, и мы пройдемъ сквозь эти лѣса, разбросаемъ русскіе батальоны и проведемъ всю нашу армію въ Калугу.

При словѣ „Калуга", Наполеонъ быстро поднялъ взоръ и покойно сказалъ. „замыселъ дерзкій, отважный; но мы уже и такъ принесли много въ жертву славѣ; теперь насъ должно занимать одно—спасеніе войска". Бессьеръ, котораго глубоко раздражало самолюбіе при одной уже мысли—покориться королю Неаполитанскому, и совсѣмъ не желая отдать ему въ жертву гвардейскую кавалерію, которую онъ самъ составлялъ, и надъ которой самъ начальствовалъ, смѣло началъ возражать Мюрату: „Порывъ итти сражаться—уничтожитъ нашу кавалерію, погубитъ всю гвардію. Вникните: наше продовольствіе слишкомъ недостаточно; мы можемъ быть и отъ одного голода обезоружены и порабощены! Наши раненые гибнутъ безъ помощи, такъ въ этомъ-ли положеніи намъ рѣшиться сражаться и слѣдить непріятеля? Вчера мы видѣли, мы были свидѣтелями—съ какимъ ожесточеніемъ, рѣшимостью русскіе бились и умирали, намъ остается одно—отступать".

Всѣ быстро, какъ-бы потрясенные сильнымъ электричествомъ, взглянули на императора; но Наполеонъ молчалъ, и своимъ спокойнымъ безмолвіемъ, какъ-бы одобрялъ мнѣніе Бессьера. „И я полагаю, прибавилъ князь Экмюльскій, что намъ всего удобнѣе отступать чрезъ Медынь на Смоленскъ". „Подобное предложеніе,—выразился Мюратъ, постоянно враждуя съ Даву – по моему, самая неблагоразумная мѣра къ спасенію; итти на Медынь, мы подвергаемся всѣ опасности; насъ задавитъ правый флангъ русской арміи. И зачѣмъ итти на Медынь, когда у насъ есть Верея и Боровскъ? И путь, который вы избираете намъ къ спасенію, будетъ вѣрный путь—къ нашей гибели".

„Я предлагаю", вспыхнувъ, отвѣчалъ Даву, „дорогу, которая еще неразорена войной, на которой мы еще можемъ сыскать продовольствіе, убѣжища и которая ближе насъ выведетъ къ Смоленску; а тутъ итти на Боровскъ и Верею, какъ вы предлагаете намъ, по песку, разоренію, трупамъ и голодными; впрочемъ, я сказалъ свое мнѣніе, прибавилъ онъ, и буду повиноваться волѣ императора. Одинъ только онъ можетъ рѣшить, но съ вами я никогда не соглашусь".

Въ этой горячей ссорѣ и распрѣ вице-король и Бертье молчали. Наполеонъ, погруженный въ думу, казалось, повидимому, не внималъ

ихъ спорамъ, но утомленный и, желая кончить всѣ ихъ безплодныя разсужденія, вставъ съ своего мѣста, сказалъ: „хорошо, господа! я подумаю и рѣшу“.

На утро, призвавъ Бертье, онъ разослалъ приказы своимъ корпуснымъ командирамъ, отступать въ назначенныя имъ мѣста, и все войско Наполеона потащилось назадъ, а самъ онъ быстро проѣхалъ Боровскъ, въ которомъ уцѣлѣлъ одинъ только домъ купца Большакова, гдѣ останавливался императоръ, и то потому только, что прикащикъ Большакова на колѣняхъ умолилъ Наполеона, пощадить собственность его хозяина,—и онъ пощадилъ.

В. Глинка.

Охота на звѣря.

Въ ночь на 13-е октября въ деревнѣ Городнѣ, расположенной въ шестнадцати верстахъ, по большой Боровской дорогѣ, у оврага на берегу ручья, въ тихой, черной, худо построенной, бѣдной избушкѣ крестьянина ткача, перегороженной на двое полотномъ, сумрачно, задумчиво, сидѣлъ Наполеонъ предъ картою и долженъ былъ рѣшить судьбу войска двадцати народовъ; долженъ былъ однимъ словомъ рѣшить участь арміи, ввѣренной ему всею Европою! Онъ колебался, ворочая карту: выбираться-ли ему на знакомую дорогу къ отступленію или ломиться сквозь русскую силу? И тутъ-же отдалъ приказъ Бертье, чтобъ Даву, принявъ начальство надъ авангардомъ, остался-бы подъ Малоярославцемъ, куда спѣшилъ и Ней съ двумя дивизіями, и куда, къ утру будетъ самъ Наполеонъ; остальнымъ-же двумъ дивизіямъ перваго корпуса расположиться по дорогѣ отъ Боровска къ Мало-Ярославцу и ожидать приказаній.

Властелинъ двѣнадцатаго года все еще былъ увѣренъ, что завтра снова возгорится кровавый споръ за Малоярославецъ и сдѣлалъ свое распоряженіе. Но вотъ въ 12 часовъ ночи маршалъ Бессьеръ вошелъ къ нему въ его бѣдный, душный пріютъ.

— Что?—спросилъ отрывисто императоръ.

— Ваше величество, они непобѣдимы!—произнесъ маршалъ.

— Боже? вскричалъ Наполеонъ, ломая себѣ руки.—Непобѣдимы! непобѣдимы!—повторилъ онъ,—но точно ли вы знаете, ручаетесь-ли вы? развѣ вы видѣли? Отвѣчайте-же!—прибавилъ скоро и сурово императоръ.

Бессьеръ, повторивъ свое донесеніе, подтвердилъ, что высокая мѣстность, занятая русскими, такъ сильна и удобна къ оборонѣ, что триста гренадеръ остановятъ цѣлую армію.

Наполеонъ молча, въ смущеніи скрестя свои руки на груди, склонилъ голову и погрузился въ тяжелое, глубокое молчаніе.

Непобѣдимая его армія побѣждена; дорога перерѣзана, его намѣренія уничтожены. По временамъ вырывались изъ груди его не святыя, но сильныя выраженія, выказывавшія всю тревогу души его... „Кутузовъ, этотъ старецъ, Скиѳъ, предупредилъ меня. Нѣтъ! нѣтъ! не виню звѣзду мою! Солнце счастливой участи моей ярко свѣтило мнѣ и во Франціи и въ Россіи. Вчера еще пустовалъ Малоярославецъ; вчера дорога была не занята. Но испорченныя грязныя дороги затруднили прохожденіе обозовъ и остановили меня".

Погрузившись въ пучину мыслей своихъ, печально и безутѣшно удивленный самъ своимъ затруднительнымъ положеніемъ, онъ никому ничего не говоря и не отвѣчая, привелъ всѣхъ окружающихъ его генераловъ, въ самое тяжелое, безпокойное состояніе.—Страшна и лихорадочна была Наполеону ночь, подъ Бородинымъ. Несносно, тяжко и мучительно, въ сомнѣніяхъ, обманутый всѣми надеждами, препровождалъ онъ ночи въ Москвѣ; и томительно, тревожно, съ боязнью проводилъ онъ ночь въ темной, душной избѣ на 13-е октября въ Гроднѣ, подъ Малоярославцемъ. Сонъ не смыкалъ его глазъ. Онъ все къ чему-то прислушивался: казалось, онъ боялся, что вся русская армія, обойдетъ, захватитъ и уничтожитъ его со всѣми гигантскими замыслами. Нетерпѣливо ожидалъ онъ разсвѣта; а ночь была длинная, темная, вполнѣ осенняя... Мрачныя думы сильно тревожили его душу; онъ часто спрашивалъ: „не слыхать-ли выстрѣловъ?" Замѣтивъ, что его маршалы встревоженно, любопытно, недовѣрчиво всматривались въ его лицо, какъ бы желая угадать, что онъ предпринимаетъ, Наполеонъ углубился въ прошедшее и казалось вспоминалъ, какъ они говорили ему: что народная жизнь въ Россіи не дремлетъ; страшно возстанетъ на мщеніе, что негдѣ достать продовольствія, что изнуренная армія проситъ отдыха. А онъ ли не убѣдился шестнадцати-лѣтними побѣдами и походами въ трехъ частяхъ свѣта, что его маршалы не любили покорствовать врагамъ! Избалованные торжествами побѣдъ Наполеона, они всѣ носили отпечатокъ его могущественной воли; въ ихъ осанкѣ ярко изображалась гордая самонадѣянность повелѣвать—какъ будто-бы все должно было предъ ними смириться и пасть, гдѣ показывались они съ своимъ

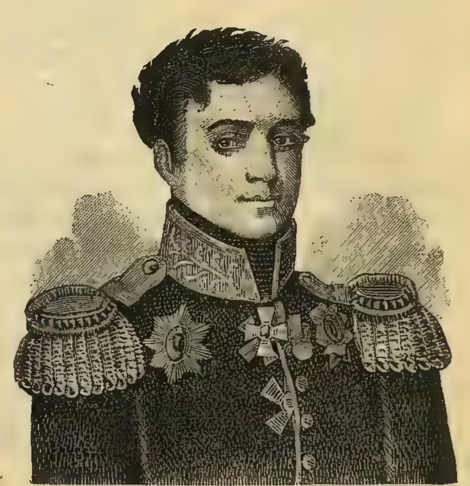
Генералъ Бистромъ.

Генералъ Балашовъ.

Генералъ Олсуфьевъ.

Графъ Толь.

повелителемъ!... А теперь въ голову самого Наполеона запала тяжкая мысль раздумья: какъ спасти свою армію? Малоярославецъ былъ занятъ его войскомъ; но какъ собрать ему разсѣянныя свои полчища и куда вести корпуса, когда передъ нимъ сто тысячъ воиновъ, которыхъ нашъ полководецъ, предвидя замыселъ Наполеона, теперь такъ неожиданно выставилъ ему на встрѣчу? Теряясь въ безднѣ мыслей, онъ медлилъ, и своей нерѣшительностью оставилъ себя и тысячи храбрыхъ въ распоряженіе слѣпому жребію войны. И онъ, препроводя уцѣлѣвшее войско чрезъ Малоярославецъ, утопилъ свою великую армію въ Бородинѣ!— Склонясь на докучливыя просьбы окружающихъ, Наполеонъ расположился было лечь въ постель на отдыхъ, но жаркая, душная, томительная безсонница, не давала ему покою. Онъ часто безъ всякой нужды призывалъ къ себѣ окружающихъ и спрашивалъ: разсвѣтаетъ ли? который часъ? и хотя ни одно слово ропота не вырывалось изъ груди его, но наружное безпокойство показывало въ немъ сильное душевное волненіе. Въ четыре часа утра одинъ изъ адъютантовъ императора, князь д'Арембергъ, привезъ извѣстіе, что нѣсколько казачьихъ отрядовъ, воспользовавшись темнотою ночи, пронеслись вихремъ мимо аванпостовъ и скрывшись въ лѣсъ по лѣвую сторону дороги, могутъ вредить и быть опасны. Наполеонъ, не ожидая большого дѣла на пути отрядовъ Понятовскаго съ кавалеріею по Медынской дорогѣ, и которая была тогда въ селѣ Кременскѣ, почти въ сорока верстахъ отъ ночлега Наполеона, а притомъ ослабя весь правый флангъ, открывъ его непріятелю, хладнокровно прослушавъ донесеніе и предупрежденіе своего адъютанта,—оставя безъ вниманія отряды казаковъ, какъ бы презирая нестройныя орды удалыхъ наѣздниковъ.

Ему тѣснило въ груди; ему надоѣла эта октябрьская осенняя ночь. Онъ вскочилъ съ постели, потребовалъ одѣваться, дежурнаго генерала и охранный взводъ.

Густыя, сырыя, туманныя облака застилали небо. Утренняя прохлада, растворяя воздухъ, не проницала тяжелаго тумана,—тумана испареній крови надъ городомъ. Вторые пѣтухи пропѣли, и свѣтъ дня, прокрадываясь сквозь туманный, ночной мракъ, началъ освѣщать облака и мало-по-малу обозначать всѣ предметы виднѣе и ярче... И вотъ восточная часть небосклона залилась розовымъ цвѣтомъ, отбрасывая прямой, яркій блескъ на всю мѣстность, и съ одной стороны выказывая открытую большую Московскую дорогу въ виду горъ, съ разрушеннымъ городкомъ, обгорѣлыми церквами и строеніями, по которой черной по-

лосой тянулся артиллерійскій обозъ и тяжелый паркъ къ Боровску. Съ другой, вправо отъ города, тихо пробрались, между лѣсомъ, посланные Атаманомъ, графомъ Платовымъ, въ разъѣздъ казачьи сотни. Отрядъ, сильный болѣе смѣлостью, чѣмъ числомъ, перебредя рѣку Лужу, обошелъ непріятеля и заслыша стукъ колесъ, завидя обозъ и остановясь, выжидалъ удобной минуты къ нападенію. Лужайка и пологая возвышенность, по которой раскидывалась большая дорога и тянулись пороховые ящики, походный госпиталь, артиллерія, артиллерійскія фуры, великолѣпныя, пышныя коляски, кареты, полуразвалившіяся брички и весь непріятельскій обозъ, со всѣмъ его безпорядкомъ. Всѣ и каждый отступающій торопился спрятать и стащить за свои дивизіи награбленное свое достояніе, страшась быть отрѣзаннымъ, боясь попасться въ плѣнъ.

Неподалеку отъ этой сумятицы, по лѣвую сторону дороги, какъ черная туча, освѣщенная яркимъ лучемъ солнца, выѣзжалъ въ мохнатыхъ шапкахъ, украшенныхъ мѣдными бляхами, красными кистями, съ красными висящими эполетами, конвойный взводъ конныхъ Французскихъ гвардейскихъ гренадеръ. За отрядомъ, идущимъ съ какою-то важною почтительною тишиною, ѣхалъ небольшого роста, смѣлой осанки всадникъ. Онъ былъ въ простомъ сѣромъ сюртукѣ, застегнутомъ на нѣсколькихъ среднихъ пуговицахъ, въ ботфортахъ, незакрывавшихъ колѣнъ; одна рука всадника покойно заложена на груди за сѣрый сюртукъ подъ жилетъ, другою онъ слабо держалъ мундштучныя поводья. Его крѣпкій конь выступалъ мѣрно и твердо; арабская морда его была опущена, глаза сонные, а также и лошади всего отряда шли съ опущенными головами сонно и спокойно, какъ обыкновенно бываетъ у строевыхъ коней на зарѣ, не растревоженныхъ еще шпорами, не разгоряченныхъ скачкою. Всадникъ былъ въ фуражкѣ; важно спокойно-задумчивый видъ его исполненъ былъ ума и душевной силы. Изъ-подъ нависшихъ бровей его сверкалъ сильный, рѣзкій лучъ свѣта, освѣщая мрачный, свинцовый обликъ, склоненный къ груди. Что-то особенно важное, дѣльное теперь занимало этого небольшого всадника. Такъ показывало его нахмуренное, какъ-бы одѣтое думою чело. Каждый невольно-бы остановился передъ нимъ. Его рѣзкая улыбка, его видъ, его движенія и самая простая, но отличительная одежда—все проявляло въ немъ человѣка, живущаго не по-просту, какъ живутъ всѣ люди; а безмолвное почтеніе окружающихъ его генераловъ, обличало въ немъ не простого начальника, ѣдущаго по одной обязанности для обозрѣнія мѣстности и непріятельскихъ дѣйствій.

*

Позади этого маленькаго человѣка, ѣхавшаго постоянно, безмолвно, съ мрачнымъ взоромъ, исполненнаго ума, гордой самонадѣянности и душевной силы, ѣхало два генерала и еще нѣсколько адъютантовъ. Все ихъ вниманіе, все ихъ спокойствіе было приковано къ всаднику; казалось онъ составлялъ ихъ душу. Вправо отъ города чернѣлась какая-то тихо и медленно движущаяся толпа въ густотѣ тумана. Эта черная туча двигалась все ближе и ближе къ обозу и наводя страхъ, вызывала крики и вопли, потрясающіе воздухъ. Всадникъ въ сѣромъ сюртукѣ поднялъ голову; предъ взоромъ его растрепанныя женщины съ дѣтьми, фурманы, солдаты и фурмейстеры, оберегающіе обозъ; всѣ толпой, бросая тяжелыя свои повозки, не переводя дыханія, блѣдные въ страхѣ и отчаяніи перегоняя лошадей, бѣжали сами не зная куда, ища спасенія. Весь обозъ, тянувшійся по равнинѣ, обхватывающей городъ въ нѣсколько линій, представлялъ общее замѣшательство. Одни хотятъ остановиться, другіе возвратиться къ своимъ батальонамъ, и всѣ мѣшая одинъ другому, тѣснясь, заграждали дорогу—и нѣтъ никому спасенія. Перевернутыя, сброшенныя фуры, едва движущіяся отъ усталости лошади, гулъ, шумъ, крикъ, вопль, все это представляло осуществленный безпорядокъ, на который всадникъ смотрѣлъ съ какимъ-то презрительнымъ неудовольствіемъ.

Внимательно обозрѣвая окрестность, всадникъ, молча вглядывался вдаль. И передъ нимъ съ одной стороны черная груда испепеленныхъ дровъ на горахъ, съ дымящимся строеніемъ съ обгорѣвшими церквами и колокольнями, а съ другой безпорядокъ обоза и смятеніе бѣгущихъ отъ какой-то страшной опасности. Бросая изумленные и любопытные взоры, онъ ищетъ грознаго непріятеля, и найдя, хладнокровно улыбается надъ бѣгущими страдальцами, воображающими мнимую свою опасность. Но генералы и адъютанты признаютъ въ этой черной тучѣ, тихо движущейся, конный строй, но въ такомъ порядкѣ, съ такою тишиною въ рядахъ, что всадникъ принимая отряды нашихъ казаковъ за французскую кавалерію, поѣхалъ впередъ, прямо къ нимъ. Исчезающій туманъ выказалъ и мохнатыя шапки, и малорослыхъ Донскихъ лошадей; но ряды такъ стройны, казаки не гарцуютъ, не кидаются на добычу къ обозу по ихъ прадѣдовскому, завѣщанному обычаю. И всадникъ ѣдетъ спокойно впередъ.

— Ваше Величество! Непріятель! Берегитесь!—произнесъ Рапъ, быстро подскочивъ къ Наполеону. И вдругъ окрестность ожила громкими гиками и ржаніемъ коней и черная стая, такъ пугавшая издали

Сраженіе при Полоцкѣ.

обозъ, разнеслась калеными стрѣлами во всѣ стороны. Удальцы бросились на фуры, пушки и повозки... Въ началѣ казались ихъ громкія, шумныя восклицанія Наполеону—громкими привѣтствіями его кавалеріи. Желая удостовѣриться, онъ дернулъ поводья, и его конь, поднявъ морду и уши, остановился какъ вкопанный.

— Казаки! Казаки!—кричали Рапъ и адъютанты Наполеона, и Наполеонъ, окруженный казаками, увидѣлъ всю опасность. Презирая бѣгство, онъ выхватываетъ шпагу, блѣдное лицо его вспыхнуло, взоръ зажегся безстрашіемъ, и онъ упрямо приготовился защищаться. Казаки были близки, они неслись прямо къ Наполеону. Рапъ рѣшился спасти Императора; онъ схватилъ за узду его лошадь, круто повернулъ ее, крича: „Спасайтесь! Вамъ должно спасаться!"—и быстро перевернувъ своего коня навстрѣчу казацкихъ пикъ, закрылъ своею грудью Наполеона. А между тѣмъ, одинъ удалецъ казацкаго отряда, прильнувъ острой пикой къ шеѣ своего бѣгуна, мѣтя ударить въ Наполеона, упалъ со всего размаха подъ свою лошадь на землю, отъ удара его коня объ лошадь Рапа, освободившаго Наполеона. Адъютанты и весь малочисленный отрядъ съ саблями на-голо, окруживъ Наполеона, дали залпъ и, скрестя сабли, выручили Рапа. Солнце заиграло своими лучами надъ сумятицею, озаривъ страшную минуту, въ которую вся слава великаго завоевателя могла исчезнуть въ безславіи плѣна. Вдали по дорогѣ, заслыша выстрѣлы, неслись четыре эскадрона конныхъ егерей, то было прикрытіе Наполеона, котораго не дождался нетерпѣливый Императоръ, отправляясь къ Малоярославцу. А казаки, посланные своимъ Атаманомъ въ тылъ непріятелю на высмотръ и розыскъ, наткнувшись нечаянно на вооруженный отрядъ, провожающій самого Наполеона, не разочли за полезное воевать съ кавалеріею; дружно бросились хозяйничать въ фурахъ, захватывая полные боченки съ вычеканенными французскими имперіалами. Быстро перескакивая съ коней своихъ къ добычѣ на фуры и пушки, Донцы оставляли вовсе безъ вниманія сумрачнаго, небольшого человѣка въ сѣромъ сюртукѣ, не только не подозрѣвая въ немъ Гальскаго вождя, но и Французскаго генерала. Завидя скачущія съ палашами и саблями отряды гвардейской Французской кавалеріи, которая неслась на отнятіе своихъ фуръ и обоза, казаки пустились утекать, бросая все то, съ чѣмъ не подъ силу было имъ ладить, и завладѣвъ одиннадцатью орудіями, золотомъ, трехъ-аршинной мѣдной печкой Наполеона, предъ которой онъ грѣлся по вечернимъ и утреннимъ зарямъ,

вовсе не съ радостными мечтами для Россіи, помчались къ рѣкѣ и за рѣку къ своимъ въ ставку графа Платова.

Какая ужасная, строгая, роковая минута Наполеона! Но судьба, избавивъ его отъ плѣна Русскаго, не отдавъ его участи великодушію Царя и народа, не мстившихъ Парижу за наглыя обиды Россіи, бросила его на безлюдную скалу въ руки Англичанъ, не совсѣмъ справедливо и вовсе не человѣколюбиво поступившихъ съ Императоромъ Франціи, отдавшимъ себя въ суровый плѣнъ.

Наполеонъ, въ сопровожденіи кавалерійскихъ отрядовъ, велѣвъ слѣдовать за собою всей своей гвардіи, поѣхалъ къ Малоярославцу, гдѣ въ шатрѣ начальника четвертаго корпуса, раскинутомъ въ лѣсу, ввиду города, выслушалъ полное донесеніе о сраженіи и расположеніи нашихъ войскъ; вмѣстѣ съ Вице-Королемъ поѣхалъ къ самому городу.

Солнце уже во всемъ блескѣ сіяло надъ окровавленными горами, гдѣ догорающія развалины, замѣнили городъ. Картина была поразительная—ужасная: равнина и ущелія горъ были завалены трупами. Наполеонъ окинулъ быстрымъ взоромъ всѣ эти печальныя, горестныя трофеи вчерашняго боя, и довольный, признательно благодарилъ Вице-Короля, говоря: что слава вчерашняго дня и боя вполнѣ принадлежатъ вамъ! Отдаю душевную мою благодарность вамъ и всему вашему корпусу. Потомъ онъ впалъ въ задумчивость, началъ внимательно снова осматривать мѣстность. Для него было теперь все ясно; онъ видѣлъ самъ, что Кутузовъ удалялся на Калужскую дорогу съ сто двадцатью тысячами, заграждалъ ему прямой путь въ Калугу, а по лѣвой сторонѣ города стояли еще наши корпуса и наши застрѣльщики, засѣвши въ кустахъ, изрѣдка перестрѣливались съ непріятельскими стрѣлками. А вправо, на Медынской дорогѣ, стоялъ съ пушками и кавалеріею Платовъ... Императоръ видѣлъ, что бой безполезенъ, прорваться нельзя, и, сумрачно сойдя съ лошади, онъ долго въ глубокомъ размышленіи стоялъ предъ разложенною картою. Тихо и молча окружали его маршалы и генералы, и въ нѣмомъ молчаніи и надеждѣ, ожидали мысли, которая бы, вспыхнувъ въ головѣ Наполеона, вывела всѣхъ на дорогу къ спасенію.

Вл. Глинка.

Въ Смоленскѣ.

10 ноября 1812 въ Смоленскъ прибылъ Наполеонъ съ своею гвардіею; онъ взошелъ пѣшкомъ отъ Московскихъ воротъ на гору, гдѣ приготовлена ему квартира. Ледъ столь крѣпокъ на всходѣ въ городъ, что весьма трудно подниматься туда съ повозками. Нѣтъ ни желѣза, ни угольевъ, ни кузнецовъ, чтобы подковать лошадей навостро: эти животныя столь ослабѣли, что которыя изъ нихъ упадутъ, то не имѣютъ уже силы опять подняться. Солдаты, прибывшіе изъ Москвы, закутаны въ мужскихъ и женскихъ шубахъ и покрыты шерстяными или шелковыми матеріями всякихъ цвѣтовъ; голова и ноги обернуты лохмотьями, лицо длинное и зачерненное бивуачнымъ дымомъ, глаза красные и блуждающіе: въ этомъ видѣ они похожи на невольниковъ, вырвавшихся изъ темницы. Тѣ изъ воиновъ, кои упадаютъ отъ холода, отъ голода, или отъ усталости,—умираютъ на мѣстѣ; но это не трогаетъ ихъ сотоварищей: они проходятъ мимо, не подавая имъ ни малѣйшей помощи. Бѣдствія, недостатки, безпрерывный видъ разрушенія, сжали у всѣхъ сердца; солдатъ смотритъ, не трогаясь, на своего сотоварища, на друга, испускающаго послѣдній вздохъ: одно разсужденіе, такъ сказать, какъ-бы приказъ арміи, заключается въ сихъ немногихъ словахъ: онъ весьма счастливъ—онъ не страждетъ болѣе.

Смоленскъ намѣрены оставить. Дѣлаютъ приготовленія, чтобы взорвать укрѣпленія. Въ то же время хотятъ истребить большую часть артиллерійскихъ снарядовъ, кои должно здѣсь бросить по недостатку лошадей. Жгутъ излишнія повозки, ящики и множество разныхъ не очень нужныхъ вещей: съ собою берутъ только съѣстное. Оставляютъ пять тысячъ больныхъ или раненыхъ: главный распорядитель не назначилъ имъ даже доли при раздѣлѣ съѣстнаго, который онъ такъ неравно произвелъ между всѣми остатками своей арміи; такъ что съ трудомъ только могли выпросить у него нѣсколько мѣшковъ муки для этихъ больныхъ. Врачи и чиновники, назначенные имѣть попеченіе о нихъ по отбытіи арміи, уже скрылись, отъ страха, весьма основательнаго, сдѣлаться плѣнниками, или быть ограбленными или убитыми.

Въ прежнихъ войнахъ, сносились въ подобномъ случаѣ съ непріятелемъ: право народное и право человѣчества обезпечивали участь

Очищеніе города Вязьмы Французами.

раненыхъ, коихъ принуждены были предоставить власти непріятеля, и никто не боялся остаться съ ними; врачи и чиновники принимались съ уваженіемъ и были отсылаемы обратно въ ихъ отечество, когда миновалась надобность въ ихъ услугахъ. Но теперешняя война приняла такой свирѣпый видъ, что невозможно представить себѣ, гдѣ остановится справедливое мщеніе непріятеля, коего ярость была возбуждаема хищеніемъ и истребленіемъ на пространствѣ ста миль слишкомъ. По выходѣ изъ Москвы, гдѣ взорвался Кремль и зажгли всѣ, кои могли, публичныя зданія, нашъ обратный походъ освѣщался пламенемъ.

Въ ночь, въ которую оставили пребываніе въ окрестностяхъ Можайска, все горѣло на шесть миль въ окружности; земля и небо казались огненными: и это адское зрѣлище каждую ночь возобновлялось. Русскіе, говоритъ одинъ бюллетень, отступая, жгли свои города и селенія; мы захотѣли услужить имъ въ этомъ ихъ желаніи. Но положеніе Русскихъ, къ коимъ мы вторгнулись насильно, и права ихъ, какъ хозяевъ, располагать своими жилищами и своею собственностію, были весьма различны отъ нашихъ. Прежде предпріятія сего, сколь злобнаго, столь и безполезнаго возмездія, развѣ не знали, что были принуждены оставить непріятелю пятьдесятъ тысячъ несчастныхъ Французовъ и союзниковъ, находящихся въ больницахъ или на дорогѣ? Поелику, начальники непріятельской арміи не хотѣли уже имѣть сношенія съ нашими; то не было-ли это сильнымъ побужденіемъ убѣгать всего, могущаго привлечь на нашихъ раненыхъ и плѣнныхъ ярость народа, съ коимъ обращаются по варварски и который конечно этого не заслуживаетъ?

Городъ горитъ во многихъ мѣстахъ. Слыша шумъ и опасаясь, чтобы не захватилъ огонь меня соннаго, я оставилъ доску, служившую мнѣ изголовьемъ и пробѣжалъ нѣсколько улицъ съ моими сотоварищами въ бѣдствіи. Какое печальное зрѣлище представилъ намъ видъ этихъ бѣдныхъ солдатъ, бродящихъ около бивуачныхъ огней посреди ночи: ихъ сухощавыя лица, медленное движеніе, унылый взоръ, блескъ пламени, по временамъ освѣщавшій ихъ лохмотья, коими они прикрыты, все это показывало ихъ какими-то привидѣніями.

Вчера, во весь день, корпусъ Императорской гвардіи, которому, назначено идти по дорогѣ къ Красному, выходилъ въ Виленскія ворота: въ нихъ такъ сильно тѣснились, что Наполеонъ, какъ говорятъ, едва тамъ не задохся; я не видалъ никогда подобной давки, даже въ Парижѣ. Солдаты сдѣлали эти минуты весьма непріятными своему

повелителю, заставя его выслушать всѣ роды упрековъ и проклятій, не относя только ихъ къ нему прямо; умѣреннѣйшіе изъ нихъ довольствовались тою язвительною ироніей, которая столь знакома Французскому солдату; развлеченный видъ и притворная задумчивость послужили Наполеону извлечь себя пристойно изъ этого дурнаго положенія; но для ушей, пріобыкшихъ къ ласкательству, эта четверть часа должна была показаться очень длинною. Многіе раненые, ушедши изъ больницъ, дотащились до этихъ воротъ; каждый разъ, какъ проѣзжали мимо лошадь, сани или повозка, эти раненые умоляли управлявшихъ ими, чтобы позволили къ нимъ сѣсть: ихъ жалобы и стоны разстерзали-бы твердѣйшее сердце; я во всю жизнь мою не бывалъ такъ растроганъ.

„Сынъ Отечества", 1827 г.

Битва подъ Краснымъ.

Изъ Смоленска мы выступили вечеромъ 13 ноября и, отойдя отъ него двѣ мили, мы провели ночь на краю довольно глубокаго оврага, въ который дорога спускалась; сначала намъ казалось, что этотъ оврагъ окажется непроходимъ для нашей артиллеріи. Холодъ былъ уже довольно жестокъ, и первая ночь, проведенная на бивуакахъ, дала себя намъ почувствовать. Въ Смоленскѣ было намъ довольно плохо, но все-таки мы были тамъ въ закрытомъ мѣстѣ; а теперь—колющій разрѣженный воздухъ и твердая промерзшая земля, на которую намъ приходилось ложиться, заставляли насъ мечтать, какъ о пріютѣ всѣхъ наслажденій, о теплой комнатѣ, о простыхъ деревянныхъ полахъ, на которые мы роптали въ городѣ. Вторая ночь не отмѣчалась отъ первой. Весь день шелъ снѣгъ большими хлопьями, такъ что вечеромъ надо было его разметать и разгребать, копая себѣ ложе на ночь. Какое-то предчувствіе или какая-то стыдливость побудили имѣвшихъ кареты не пользоваться ими; будущее доказало намъ, что это было разумно.

Въ три дня мы пришли въ Красное, деревушку, отстоящую отъ Смоленска миль на 18, а отъ Витебска на 30. Мы уже бросили цѣлый рядъ каретъ и повозокъ; холодъ былъ жесточайшій; дорога, плохо содержимая и въ обыкновенное время, была еще болѣе разрушена дождемъ и снѣгомъ. Отъ недостатка фуражу и утомленія погибла, или по меньшей мѣрѣ выбилась изъ силъ, большая часть на-

шихъ лошадей. Если на пути попадался оврагъ или крутой подъемъ, тотчасъ же двѣ три кареты останавливались, и происходила ужаснѣйшая путаница. Кареты высокопоставленныхъ лицъ старались объѣхать образовавшееся препятствіе справа; запряженныя лучшими лошадьми, заѣзжали впередъ и нарушали установленный порядокъ. Слѣдовало давать дорогу артиллеріи, но это не соблюдалось. Кучера щелкали хлыстами, лошади рвались впередъ, конюхи дрались съ караульными, ряды спутывались между собой, кареты прицѣплялись къ обознымъ повозкамъ, берлины къ артиллерійскому поѣзду; особенно тяжелая карета, которая должна быть отстать, вдругъ дѣлала усиліе, догоняла болѣе легкія, ушедшія впередъ, и тутъ же теряла всѣ колеса. Кавалеристы, попавшіе въ эту сумятицу, били саблями направо и налѣво по пѣхотинцамъ и конюхамъ, путавшимъ движеніе: офицеры пролагали себѣ путь ударами кулака или шпаги. Если на бѣду подоспѣвалъ сюда кто-либо изъ служащихъ лично при императорѣ съ мулами, съ переносными кузницами и мебелью, то все прямо опрокидывалось, чтобы только очистить дорогу. Восклицанія, ругательства, звуки ударовъ, окрики караульныхъ офицеровъ, не достигавшіе никакой цѣли, вопли тѣхъ, кто метался безъ толку—довершали картину ужасающаго безпорядка. Движеніе впередъ совершенно прекращалось, обозную стражу разгоняли силой, и быстро появлялись казаки, никогда не терявшіе насъ изъ виду, уставляли маленькія пушки безъ лафетовъ, которыя они возили съ собой въ саняхъ, гнали въ галопъ все, что еще могло скакать, остальное жгли, а солдатъ, пытавшихся защищать, поражали ударами пики. Это происходило съ нами у каждаго оврага, въ частности же у оврага, перерѣзывающаго дорогу подъ самымъ Краснымъ. Въ этомъ мѣстѣ была взята въ плѣнъ, пожалуй, четвертая часть нашего экипажа, и то не было единственнымъ, испытаннымъ нами, несчастьемъ. Насъ ожидали болѣе тяжелыя потери.

Я говорилъ, что нашъ авангардъ велъ герцогъ Абрантесъ. Вечеромъ 16-го числа онъ прошелъ черезъ Красное и занялъ позицію у Синжакскихъ воротъ; князь Екмюльскій догналъ его и соединился съ нимъ въ тотъ же вечеръ; императоръ же съ гвардіей вошелъ въ Красное. Сзади насъ былъ вице-король съ боевымъ корпусомъ, а еще дальше герцогъ д'Эльхингенъ. Вице-король выполнилъ приказъ императора, взорвалъ укрѣпленія Смоленска и большими дневными переходами пришелъ на соединеніе съ нами. Всѣ думали, что онъ еще далеко. Въ этотъ вечеръ казаки почти не показывались вблизи отъ насъ.

Нѣкоторые изъ нихъ пытались нанести ударъ и попались въ плѣнъ. Когда пришло извѣстіе объ этомъ, мы были у императора: „Казаки взяты въ плѣнъ!—воскликнулъ король Неаполитанскій, ахъ бездѣльники! Да это, навѣрное не казаки! Казаки не таковы, чтобы ихъ можно взять въ плѣнъ“. Онъ пошелъ посмотрѣть ихъ и, выходя, все повторялъ: „Нѣтъ, казаки для того слишкомъ храбры; эти же бездѣльники не настоящіе казаки. Покажите-ка мнѣ ихъ, покажите; но я слишкомъ увѣренъ, что это не они“. Въ Красномъ нашлось нѣсколько домовъ, гдѣ можно было переночевать, церковь, изъ которой можно было сдѣлать госпиталь, да немного муки для солдатъ, и всѣмъ казалось, что мы вошли въ землю обѣтованную!

Въ семь часовъ утра вдругъ послышался очень сильный шумъ. Всѣ встаютъ, зовутъ, спрашиваютъ. Господа, говорятъ намъ, вице-король подвергся неожиданному нападенію въ милѣ отъ Краснаго. Онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ и уже едва держится. Императоръ съ гвардіей только что выступилъ, чтобы освободить его. Какъ, императоръ выступилъ, восклицаетъ министръ, лошадь мнѣ! И онъ отправляется въ свой чередъ. Мы остались въ Красномъ одни съ немногими отсталыми, съ больными, да съ двумя или тремя сотнями людей, нашедшими возможность прибыть туда. Не прошло и четверти часа, какъ перестрѣлка послышалась со всѣхъ сторонъ. Непріятель тотчасъ-же узналъ о движеніи императора и попробовалъ отрѣзать ему отступленіе. Село Красное подверглось нападенію. Двѣ батареи, поставленныя на холмахъ, осыпали насъ ядрами, а стрѣлки находились на разстояніи пистолетнаго выстрѣла отъ первыхъ домовъ. Опасность была великая; но не менѣе великое присутствіе духа сумѣло справиться съ нею. Всѣ взялись за оружіе; тѣ изъ больныхъ, которые могли ходить, пришли защищать себя; и вотъ со всѣхъ сторонъ слабый, но непрерывный огонь сталъ отвѣчать непріятельскому огню. Впрочемъ невыгода нашего положенія была очень замѣтна. Русскія ядра падали все съ большей силой и въ большемъ количествѣ; часть нашихъ людей была ранена; приходилось подумывать, какъ-бы выбраться оттуда; но вдругъ непріятельскіе стрѣлки удаляются, батареи смолкаютъ, аттака прекращается, и тѣ, которые черезъ мгновеніе могли-бы быть побѣдителями, своимъ поспѣшнымъ отступленіемъ открываютъ намъ присутствіе императора. Онъ возвратился побѣдителемъ; путь былъ свободенъ. Но опасность была только отсрочена; непріятельскія войска, шедшія за нами справа и слѣва, обогнали насъ въ эту ночь и готовы были во мгновеніе от-

рѣзать насъ отъ авангарда. Необходимо было остановить это угрожающее движеніе. Императоръ прибылъ въ половинѣ одиннадцатаго, а въ одиннадцать мы уже выступили.

Путь изъ Краснаго идетъ по шоссе, пересѣкающемуся съ обыкновенной дорогой въ равнинѣ; мѣстность тамъ ровная, усѣянная нѣсколькими группами деревьевъ. Первымъ прошелъ Кольберъ съ легкой кавалеріей и провелъ обозъ императорской главной квартиры. Императоръ слѣдовалъ за нимъ съ главнымъ штабомъ старой гвардіи. Далѣе былъ герцогъ Тревизскій съ небольшой артиллеріей и молодой гвардіей, бывшей еще въ добромъ порядкѣ. Въ самую минуту выступленія, неизвѣстно откуда взявшаяся толпа отсталыхъ ринулась въ середину рядовъ и побѣжала, надѣясь догнать переднихъ. Они пробѣгали среди самаго нашего главнаго штаба, и такъ великъ былъ страхъ, внушаемый казаками, показавшимися близъ шоссе, что они не обращали больше вниманія ни на маршаловъ, ни на князя Невшательскаго, ни на кого-бы то ни было въ свитѣ. Очень скоро они возвратились съ величайшей поспѣшностью. Отрядъ казаковъ заскакалъ впередъ по дорогѣ и, какъ казалось, собирался защищать ее. Императоръ приказалъ остановиться; онъ ставитъ гвардію въ боевой порядокъ, отряжаетъ направо всю кавалерію, чтобы прикрывать ее и чтобы угрожать нѣсколькимъ сотнямъ казаковъ, показавшимся тамъ, и дѣлаетъ общее движеніе въ ту сторону. Внезапно непріятель открываетъ на лѣвой сторонѣ батарею, которая была скрыта на разстояніи двухъ третей выстрѣла, и посылетъ на насъ часть кавалеріи съ того-же фланга; въ тоже время казаки видны справа и съ фронта и аттакуютъ насъ съ тылу по шоссе. Императоръ тотчасъ-же измѣняетъ фронтъ боя, бросаетъ молодую гвардію и тяжелую кавалерію направо, чтобы удерживать Русскихъ съ этой стороны, покидаетъ на дорогѣ отсталыхъ (которые по своему числу казались сильнымъ корпусомъ), посылаетъ подкрѣпленіе къ заднимъ войскамъ, а самъ со старой гвардіей устремляется налѣво. По сигналу офицеры собираются и образуютъ кругъ. «Господа, говоритъ императоръ, будь вы иные люди, будь вы сыны иного народа, я, можетъ быть, постарался-бы разными способами возбудить вашу храбрость, или скрыть отъ васъ опасность. Но вы—Французы. Взгляните-же на наше положеніе. Не мнѣ надо служить! Надо спасать насъ всѣхъ, спасать имперію, Францію! Опасность равно грозитъ всѣмъ намъ; соединимся всѣ, чтобы преодолѣть ее. И такъ, господа, помните, что благо всѣхъ есть благо каждаго изъ насъ!» Офицеры возвращаются въ ряды, батальоны

строятся въ линію, движеніе начинается, колонна устремляется впередъ, готовая вступить въ дѣло. Кольберъ, призванный съ своими уланами, и Лефевръ Денуэттъ съ остатками легкой кавалеріи ударяютъ въ непріятеля и разсѣеваютъ его. Между тѣмъ Русскія батареи продолжаютъ насъ громить ядрами. Ихъ постоянной мишенью былъ императоръ, котораго они тотчасъ хорошо узнали; выстрѣлы назначились для него. Онъ видѣлъ это, но спокойно и невозмутимо, съ тростью въ одной рукѣ и съ подзорной трубкой въ другой, внимательно наблюдалъ и направлялъ движенія съ дѣйствительно замѣчательнымъ хладнокровіемъ.—Государь, говорилъ ему князь Невшательскій, ваше величество здѣсь на слишкомъ открытомъ мѣстѣ; слѣдуетъ вамъ уйти отсюда. — „Ба, ба, возразилъ онъ, уже давно ни одной пули не пролетало у меня между ногъ, хочу посмотрѣть, узнаютъ-ли они меня попрежнему“. Онъ говоритъ, а повторяющійся свистъ вокругъ насъ и выстрѣлы, съ каждымъ мгновеніемъ направляемые все вѣрнѣе, доказывали только, какъ правы мы были, опасаясь за него. Я стоялъ по лѣвую руку князя Невшательскаго, предъ гренадерскими офицерами. — «Отойдите отсюда, сказалъ мнѣ князь, вы мѣшаете дѣлать распоряженія».—Но, монсиньоръ, возразилъ я, куда-же мнѣ дѣться?—«Вотъ сюда, по мою правую руку“. Я повиновался и перешелъ на правую сторону. Одинъ изъ батальонныхъ командировъ перваго полка бросается на мое мѣсто, чтобы принять приказаніе, но, не успѣвши еще дослушать его, вдругъ падаетъ, пораженный пулей. Но намъ уже удалось установить наши батареи; ихъ залпы заставили замолчать непріятельскія; аттаки кавалеріи были удачны; стоявшіе передъ нами казаки стали опасаться, что они окажутся отрѣзаны справа и слѣва, и по всѣмъ видимостямъ готовились отступить; путь былъ открытъ.

— „Мортье, сказалъ императоръ герцогу Тревизскому, теперь это ваше дѣло: прогоните мнѣ тотъ народъ“. При этомъ онъ подалъ сигналъ къ выступленію и мы двинулись на ночлегъ къ Синясаки.

День подъ Краснымъ былъ предисловіемъ и какъ-бы предвѣстникомъ Березинскаго дня. Потери, понесенныя нами 17-го и 18-го числа въ людяхъ, въ артиллеріи и въ лошадяхъ, были очень тяжелы. Здѣсь была взята у насъ почти треть нашихъ повозокъ, здѣсь походная казна потеряла два милліона золотомъ, и одинъ фургонъ съ трофеями затонулъ. Здѣсь вице-король положилъ также часть лучшихъ своихъ войскъ, истребленныхъ при неожиданномъ нападеніи и въ кровавой схваткѣ, послѣдовавшей затѣмъ. Здѣсь, наконецъ, погибла зна-

чительная часть молодой гвардіи, съ которой герцогъ Тревизскій въ продолженіе цѣлаго дня выдерживалъ натискъ непріятеля, чтобы не выпустить изъ нашихъ рукъ Красное и сохранить намъ сношенія между различными частями арміи.

„Русскій Архивъ“,
1900 г.

Первый партизанъ.

Кто былъ первымъ партизаномъ въ отечественную войну? Какъ вы думаете? Фигнеръ, Давыдовъ или Сеславинъ? — Нѣтъ; кто-же?— Кіевскаго драгунскаго полка унтеръ-офицеръ Ермолай Васильевъ.— Какимъ-же это образомъ?—А вотъ какъ:

Когда французская армія, послѣ малоярославецкаго сраженія, бросилась бѣжать по смоленской дорогѣ, авангардъ корпуса Милорадовича достигалъ Вязьмы 21-го октября. Находящійся въ главѣ этого авангарда полковникъ Эмануэль, усмотрѣлъ въ зрительную трубу, влѣво отъ большой дороги, конные разъѣзды, которые вовсе не походили на непріятельскую конницу. Немедленно онъ отрядилъ офицера съ командою для рекогносцировки. Издали видно было, какъ обѣ партіи шли будто на встрѣчу одна другой; скоро онѣ сошлись и остановились. Только вслѣдъ за симъ обѣ партіи, смѣшавшись, приближаются на рысяхъ къ авангарду. Являются человѣкъ двѣсти бородачей въ самой пестрой одеждѣ, вооруженные чѣмъ попало; ими предводительствуетъ унтеръ-офицеръ Ермолай Васильевъ, по случайному стеченію обстоятельствъ представшій предъ шефомъ полка, которому онъ принадлежитъ. Приключенія съ Ермолаемъ Васильевымъ были слѣдующія:

Раненый сабельнымъ ударомъ въ голову въ кавалерійскомъ дѣлѣ при Мірѣ 27-го іюня, онъ за-мертво оставленъ на полѣ сраженія; но рана не была опасна, и онъ, пришедъ въ память, рѣшился не даться въ плѣнъ, а укрыться гдѣ-нибудь, а потомъ присоединиться къ полку. Дня три онъ скрывался въ бору, покуда почувствовалъ себя въ силахъ итти далѣе. Потомъ онъ началъ пробираться проселками въ сердце Россіи, надѣясь нагнать свой полкъ. Не ускользнуло отъ его проницательности, что Французы идутъ въ большомъ безпорядкѣ, и что если-бы былъ летучій отрядъ нѣсколькихъ сотенъ отважныхъ всадниковъ, можно-бы было причинить много тревоги и вреда въ тылу непріятеля. Между тѣмъ, армія наша отступила уже такъ далеко, что

Разбитіе маршала Нея подъ Краснымъ.

онъ потерялъ надежду догнать ее. Разъ какъ-то, пробираясь чрезъ густой лѣсъ, на высотѣ Дорогобужа, онъ наткнулся нечаянно на цѣлое народонаселеніе какого-то села, котораго жители, съ приближеніемъ Французовъ, покинули свои дома и со всѣмъ своимъ имуществомъ, которое только могли взять съ собою, перебрались туда. Появленіе незнакомца посреди этой толпы испуганныхъ обывателей едва не стоило ему жизни. Уже топоръ поднятъ былъ надъ его головою, потому—что приняли его за подозрительнаго человѣка. Были примѣры въ 1812 г., что Русскій языкъ въ такихъ обстоятельствахъ не выручалъ изъ бѣды. „Почему-же мы знаемъ", говорили часто мужики въ такихъ мѣстахъ, гдѣ никакого войска еще не проходило: „что есть еще другой языкъ, кромѣ Русскаго? мы думали, что и Французъ также говоритъ по-русски, какъ и мы". Въ такое-же просвѣщенное общество попалъ Ермолай Васильевъ: но онъ, взялъ крестъ, который у него на груди висѣлъ, и показывая его озлобленному народу, закричалъ:

„Развѣ бусурманы носятъ на себѣ Распятаго Христа? Какъ вы Бога не боитесь, подымаете руку на православнаго?" — Тутъ народъ опомнился, пошли разспросы, разсказы и, наконецъ, пришлецъ принятъ съ восторгомъ. Тутъ родилась у него мысль сформировать изъ этихъ мужиковъ конный отрядъ для нападеній на большую дорогу, по которой безпрестанно тянулись обозы, фуры, отсталые солдаты, артиллерія, и проч. На сходкѣ онъ изложилъ свой планъ, поселилъ духъ мщенія въ этихъ поселянахъ, и сталъ вызывать охотниковъ. На первый разъ явилось человѣкъ шестьдесятъ. Положено, что каждый долженъ удѣлить что-нибудь для экипированія и вооруженія этого импровизированнаго войска. Изъ петель отъ воротъ и всякой желѣзной сбруи изготовлены наскоро кузнецомъ нѣсколько пикъ: къ этимъ пикамъ топоры, косы и дубины составили цѣлый арсеналъ холоднаго оружія. Недоставало огнестрѣльнаго, „но Французы снабдятъ насъ имъ", говорилъ Ермолай Васильевъ. Лошадей выбрали самыхъ надежнѣйшихъ, и въ три дни летучій отрядъ сформированъ; каждому сдѣлано приличное наставленіе какъ дѣйствовать: „быстрота и отвага, а за ними побѣда", твердилъ новый командиръ своимъ ратникамъ.

Назначено открыть дѣйствія 15 августа, въ день Успенія Божіей Матери. Въ самое время наши арміи вступили въ Вязьму. По совершеніи молебствія, (ибо сельскій священникъ послѣдовалъ за своими прихожанами), наши партизаны тронулись и распорядились такъ, чтобы съ наступленіемъ ночи выступить на большую дорогу, и идти на встрѣчу

непріятелю, и напасть на что бы ни встрѣтилось, не разбирая опасности. Первая попытка была довольно удачна; они напали на партію двухъ или трехъ-сотъ пѣхотинцевъ, идущихъ къ своимъ полкамъ, въ безпорядкѣ и безъ всякой военной предосторожности. Человѣкъ пятьдесять Французовъ они перекололи, отбивъ оружія и патроновъ достаточно, чтобы снабдить всю команду: въ нѣкоторыхъ ранцахъ отыскались и червонцы. Этотъ первый успѣхъ воспламенилъ многихъ, и такіе опыты, нѣсколько разъ сряду повторяемые, довели въ короткое время партизанскую команду до 200 человѣкъ, потому-что къ нимъ начали присоединяться мужики изъ другихъ селеній. Въ послѣдствіи число ихъ увеличилось до шести сотъ. Такимъ образомъ, не проходило почти дня безъ добычи, всегда сопровождаемый урономъ для непріятеля. Кругъ своихъ дѣйствій, Ермолай Васильевъ распространилъ отъ г. Краснаго до Гжатска, минуя Смоленскъ. Въ этихъ ежедневныхъ почти стычкахъ, съ 15-го августа по 20-е октября, Ермолай Васильевъ съ своею дружиною перекосилъ болѣе 800 непріятелей, отбилъ болѣе 50 фуръ зарядныхъ ящиковъ, много обозовъ, до 200 лошадей, и даже удалось было ему завладѣть шестью орудіями, но по причинѣ грязи и подоспѣвшаго подкрѣпленія, онъ могъ увезти только одну пушку, которая теперь красуется между многочисленными своими сестрами на Кремлевской площади въ Москвѣ. Замѣтивъ, что непріятельская армія начала отступать, и предвидя скорое появленіе Русскихъ, онъ, расчитывая, что долженъ встрѣтить силы, съ которыми ему будетъ трудно справиться, далъ на нѣсколько дней отдыхъ своей дружинѣ, чтобы собрать всѣ свои трофеи и представить ихъ при описи русскому начальству. Съ этою цѣлью онъ выступилъ, 21 октября, когда случай привелъ его къ самому полку, къ которому онъ принадлежалъ. Шефъ полка исходатайствовалъ ему знакъ отличія военнаго ордена и оставилъ его при себѣ на безсмѣнныхъ ординарцахъ.

Находясь въ продолженіе компаніи 1812 и 1814 годовъ безотлучно при генералѣ Емануэлѣ, я ежедневно имѣлъ случай видѣть Ермолая Васильева, и не разъ слышалъ отъ него самого разсказъ о его приключеніяхъ. Жалѣю, что тогда, владѣя мечомъ, я не вздумалъ взяться за перо, чтобы передать бумагѣ все, мною слышенное и испытанное. Теперь долженъ довольствоваться воспоминаніями, которыя, по истеченіи 34-хъ лѣтъ, не могутъ сохранить всѣхъ подробностей.

Въ 1814 году Ермолаю Васильеву привелось еще показать примѣръ самоотверженія. Послѣ неудачнаго дѣла при Реймсѣ, когда Напо-

*

леонъ со всѣми своими силами напалъ на корпусъ графа Сен-При, и когда удержаніе города было необходимо для спасенія корпуса, двѣсти охотниковъ обрекли себя на жертву, чтобы защищать городъ, покуда остатки корпуса соберутся и отступятъ въ порядкѣ. Ермолай Васильевъ вызвался предводительствовать ими, и когда я привезъ имъ приказаніе отступить, онъ съ необыкновенною сметливостію провелъ насъ; мы были принуждены пробираться чрезъ непріятеля. Въ Реймсѣ же я засталъ эту горсть храбрецовъ, дѣйствительно какъ повѣствуетъ знаменитый историкъ генералъ Данилевскій, „что они ободряли другъ друга, раздѣляли между собою патроны, и употребляли всѣ силы къ оборонѣ города".

Кн. Николай Голицынъ.

Партизанъ Сеславинъ.

Послѣ 12-го года имя Сеславина сдѣлалось съ нѣкоторыми другими именами весьма и весьма народнымъ. На стѣнахъ постоялыхъ дворахъ, на станціяхъ, въ избахъ—вездѣ, вмѣстѣ съ портретами Кутузова, Багратіона, Кульнева и друг. появился портретъ партизана Сеславина. Не разъ мы видали подобные портреты въ глуши какой-нибудь губерніи: Сеславинъ скачетъ на конѣ, Сеславинъ рубится въ лихой схваткѣ. Сеславинъ вяжетъ плѣнныхъ и проч. и проч. Лицо партизана чрезвычайно выразительно, красивое, мужественное; густые курчавые волосы, орлиный носъ, выразительные глаза—все это разомъ отличаетъ физіономію героя отъ ряда генеральскихъ лицъ другихъ воителей 12-го года. На Сеславинѣ гусарскій мундиръ; грудь украшена многими орденами. Интересна на этомъ портретѣ подпись:

„Храбрый генералъ-маіоръ Сеславинъ, командиръ Сумскаго гусарскаго полка, отличившійся въ достопамятнѣйшемъ походѣ 1821-го года партизанскими дѣлами. Онъ первый извѣстилъ г-на главнокомандовавшаго арміями о намѣреніи непріятеля идти изъ Москвы въ Калугу, и тѣмъ содѣйствовалъ къ предупреждвнію его подъ Малоярославцемъ, которое имѣли слѣдствіемъ постыдную и гибельную для французовъ ретираду".

„Отечественныя Записки", 1860 г.

Партизаны.

„Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ
Отрядъ наѣздниковъ стоитъ.
Окрестность вся въ сѣдомъ туманѣ,
Кругомъ осенній вѣтръ шумитъ;
На тусклый мѣсяцъ набѣгаютъ
Порой густыя облака;
И дулась черная рѣка
И молніи вдали сверкаютъ.
Плащи навѣшаны шатромъ
На пикахъ, въ глубь земли вонзенныхъ,
Вокругъ костровъ воспламененныхъ!
Средь нихъ толпами удальцы:
Ахтырцы, бугцы и донцы.
Пируютъ всадники лихіе,
Свершивъ отчаянный набѣгъ;
Заботы трудны боевыя,
Но веселъ шумный ихъ ночлегъ:
Живой бесѣдой сокращаютъ
Они другъ другу часъ ночной;
Дѣла вождей страны родной
Воспоминаньемъ оживляютъ
И лѣсъ угрюмый и густой
Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ“.

Такъ рисуетъ А. Ф. Рылѣевъ *) лагерь партизановъ.

Эти маленькіе лагери были разбросаны повсюду, гдѣ только былъ непріятель. Безпрестанными набѣгами, мелкими схватками, партизаны повсюду безпокоили непріятеля, нанося ему каждый разъ небольшой ущербъ, который, суммируясь, принималъ все болѣе и болѣе грозный видъ.

Партизанская, или малая война—это война, ведущаяся небольшими легкими отрядами. Великая армія, вслѣдствіе совокупности многихъ обстоятельствъ, лишилась того связующаго звена, которое можно назвать душой арміи,—лишилась дисциплины. Не голодъ и лишенія разнаго рода имѣли вліяніе на слабость французской арміи (намъ еще не разъ придется останавливаться на этомъ), потому что военная исторія знаетъ примѣры, когда и голыя и голодныя войска дрались отлично, а именно отсутствіе дисциплины, деморализація. Въ арміи французовъ отсутствовалъ духъ, и они не могли уже общими согласованными силами

*) К. Ф. Рылѣевъ: „Партизаны“, „Русская Старина“, 1877 г., т. XVIII.

противостоять врагу. Мародеры, отсталые, бродяги вносили разложеніе въ великую армію.

При такихъ обстоятельствахъ партизанская война была наиболѣе успѣшной. Партизаны, такъ сказать, разбирали великую армію по небольшимъ кусочкамъ.

„Они,—замѣчаетъ Л. Н. Толстой,—подбирали тѣ отпадавшіе листья, которые сами собой сыпались съ изсохшаго дерева—французскаго войска, и иногда трясли это дерево *).

Но, повторяю, партизанская война была такъ успѣшна только потому, что непріятельская армія разлагалась. Части французскихъ войскъ, сохранившія дисциплину, были страшны партизанамъ даже въ самые критическіе моменты похода. Давыдовъ разсказываетъ о нападеніи своихъ партизановъ на отрядъ старой гвардіи и, отдавая должную справедливость этимъ войскамъ, говоритъ, что при нападеніи партизановъ колонна въ грозномъ молчаніи продолжала свое движеніе и ни однимъ выстрѣломъ не отвѣчала на крикъ и гиканье казаковъ, гарцевавшихъ въ почтительномъ отъ нея разстояніи.

Не то было въ другихъ частяхъ великой арміи. Внезапное нападеніе партизановъ по большей части заставляло непріятельскій отрядъ сразу бросать оружіе и бѣжать. Обозы и плѣнные составляли трофеи партизановъ.

Оффиціально партизанская война началась въ концѣ августа. Говоримъ—оффиціально, потому что до оффиціальнаго признанія ея правительствомъ она велась уже самимъ народомъ со вступленія непріятелей въ Смоленскъ. Французскіе мародеры, отсталые, фуражиры, появлявшіеся въ окрестностяхъ Смоленска поодиночкѣ или небольшими отрядами, безпощадно избивались мужиками. Однако это народное движеніе должно быть разсмотрѣно отдѣльно.

Первымъ партизаномъ былъ подполковникъ ахтырскаго гусарскаго полка Денисъ Давыдовъ. На идею такой войны его натолкнуло слѣдующее обстоятельство. Поручикъ Орловъ, посланный въ Смоленскъ для полученія свѣдѣній о плѣнномъ генералѣ Тучковѣ, по возвращеніи, разсказывалъ о безпорядкахъ, происходившихъ въ тылу французской арміи.

— Она походитъ на ксерксовы толпы,—говорилъ онъ.—Съ сотней казаковъ можно произвести въ ея тылу большой переполохъ.

Давыдовъ, уже думавшій надъ способами развитія начавшейся на-

*) Л. Н. Толстой: „Война и миръ“.

родной войны, принялъ это сообщеніе къ свѣдѣнію. Вскорѣ онъ явился къ князю Багратіону съ цѣлымъ проектомъ партизанской войны. Затѣмъ, 22-го августа, онъ обратился съ тѣмъ же проектомъ и къ Кутузову, предлагая ему пробраться въ тылъ непріятельской арміи, на ея соединенія и дѣйствовать тамъ, сообразно обстоятельствамъ, частичными нападеніями.

Это было такъ ново и казалось настолько опаснымъ (для цѣлости самихъ партизанскихъ отрядовъ конечно), что заставило задуматься и Багратіона, и Кутузова! Но Давыдовъ такъ настаивалъ, представляя разные доводы, что Кутузовъ сдался наконецъ и позволилъ ему взять 50 гусаръ и 80 казаковъ, „почти на вѣрную гибель“, какъ онъ при этомъ выразился.

Генералы отнеслись къ предпріятію Давыдова съ насмѣшкой и, когда онъ уѣзжалъ, просили его „кланяться Тучкову“ (который находился въ плѣну). Но Давыдовъ съ первыхъ же шаговъ имѣлъ большой успѣхъ, неожиданный и непонятный для штабныхъ господъ и военныхъ теоретиковъ.

Одновременно съ разрѣшеніемъ Давыдову дѣйствовать противъ непріятеля съ партизанскимъ отрядомъ Кутузовъ, имѣя въ виду свободнѣе дѣйствовать на непріятельскихъ путяхъ сообщенія, приказалъ генералъ-маіору Дорохову взять Верею, занятую и укрѣпленную Наполеономъ послѣ Бородинскаго сраженія.

Съ отрядомъ, состоявшимъ изъ нѣсколькихъ полковъ, Дороховъ 27 сентября пришелъ въ Боровскъ. Тамъ онъ отдѣлилъ отъ своего отряда нѣсколько партій, приказавъ имъ занять разныя дороги, ведущія къ Вереѣ, а самъ съ остальными войсками пошелъ изъ Боровска въ Волченку. Тамъ онъ велѣлъ солдатамъ сложить ранцы, затѣмъ ночью переправился черезъ Протву и предъ разсвѣтомъ приблизился къ Вереѣ. Непріятельскій гарнизонъ, состоявшій изъ батальона вестфальцевъ, не замѣтилъ его.

Дороховъ приказалъ своему отряду спускаться въ городъ отъ Калужской заставы, соблюдая все время тишину. Вестфальцы были застигнуты врасплохъ. Часовые бѣжали въ укрѣпленіе. За ними ворвались русскіе. Непріятели защищались нѣкоторое время, запершись въ церкви и въ домахъ, но послѣ короткихъ переговоровъ сложили оружіе. Русскими было взято въ плѣнъ около 350 человѣкъ (въ томъ числѣ полковникъ и 15 офицеровъ).

Въ это время изъ Борисова показались французы. Дороховъ тот-

часъ же послалъ подкрѣпленіе отряду, стоявшему въ Митяевѣ, но французы, увидѣвъ, что Верея находится въ рукахъ русскихъ, отступили.

Тотчасъ же по занятіи Вереи къ Дорохову явился священникъ Иванъ Скорбѣевъ съ тысячью вооруженныхъ крестьянъ. Они срыли верейскія укрѣпленія, отыскали спрятавшихся вестфальцевъ и привели въ порядокъ церковь. Запасы хлѣба, найденные въ городѣ, были розданы солдатамъ.

При взятіи Вереи отличились четверо верейскихъ мѣщанъ и одинъ отставной солдатъ. Они вели наши колонны на приступъ. Кутузовъ наградилъ ихъ знаками отличія военнаго ордена.

Взятіе Вереи открыло партизанамъ столбовую Московскую дорогу. По ней постоянно тянулось между Смоленскомъ и Москвой большое количество непріятельскихъ обозовъ, артиллерійскихъ парковъ, конвоевъ, больныхъ. Здѣсь же на пространствѣ въ 30—40 верстъ по обѣимъ сторонамъ дороги дѣйствовали шайки непріятельскихъ мародеровъ и отряды фуражировъ, рыскавшихъ въ поискахъ за провіантомъ или добычей по окрестнымъ селамъ. Здѣсь же стали дѣйствовать и партизанскіе отряды. Они захватывали фуражировъ и бродягъ, нападали на отдѣльныя команды, транспорты, иногда нападали на проѣзжавшіе небольшіе артиллерійскіе парки, перехватывали курьеровъ, отбивали партіи русскихъ плѣнныхъ и, освобождая ихъ, пополняли ими свои отряды.

„Схвативъ мародеровъ или на столбовой дорогѣ сорвавъ въ транспортѣ, что по силѣ,—описываетъ ихъ дѣйствія Михайловскій-Данилевскій,—они обращали свои силы на новый ударъ или уходили въ лѣса. Слѣдуя правилу, что для летучей партіи выгоднѣйшая позиція есть безпрестанное движеніе, а лучшее руководство—налетѣть, какъ снѣгъ на голову, и уйти, партизаны часто перемѣняли свое мѣстопребываніе, стараясь не быть открытыми непріятелемъ и ускользнуть отъ командъ, отряжаемыхъ противъ нихъ французскими комендантами городовъ и этаповъ. Командовавшій въ Вязьмѣ генералъ разослалъ по своимъ войскамъ описаніе примѣтъ Давыдова и велѣлъ схватить его живого или мертваго. Станы нашихъ летучихъ отрядовъ, по наружному виду, похожи были на притоны разбойниковъ или цыганскіе таборы. Крестьяне съ вилами, косами, топорами, французскими ружьями и пистолетами, казаки, гусары, ратники ополченій пестрыми толпами были перемѣшаны съ непріятелями, одѣтыми во всѣ европейскіе мундиры, женами ихъ и дѣтьми. Иные изъ нашихъ плѣнныхъ, послѣ своего освобожденія поступившіе въ партіи, за неимѣніемъ русскихъ мунди-

Разбитіе маршала Даву подъ Краснымъ 5-го Ноября.

ровъ, были одѣваемы во французскіе. Въ лагери партизановъ свозили отбиваемые у французовъ и награбленные ими въ Москвѣ экипажи, книги, картины, платья и всякія другія вещи. Золото и серебро ходили въ такомъ количествѣ, что донцы, главныя дѣйствующія лица въ летучихъ отрядахъ, промѣнивали ихъ на ассигнаціи за третью и четвертую часть цѣны металла. Крестьяне служили для партизановъ проводниками и обыкновенно содержали передовыя цѣпи; въ добычу себѣ они охотнѣе всего присвоивали рогатый скотъ, лошадей, телѣги, оружіе *).

Вслѣдъ за первымъ партизанскимъ отрядомъ Давыдова стали учреждаться другіе. И число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось.

Многіе изъ начальниковъ этихъ отрядовъ увѣковѣчили въ русской исторіи свои имена ореоломъ геройства. Таковы Давыдовъ, Орловъ-Денисовъ, Сеславинъ, Фигнеръ. Но громадное количество партизановъ, простыхъ героевъ, сдѣлавъ свое великое дѣло, ушли съ исторической сцены къ своимъ обычнымъ занятіямъ совершенно незамѣтными. Тутъ и отставной солдатъ, и дьячекъ сельской церкви, и староста, и какой нибудь расторопный мужикъ.

Но изъ всѣхъ партизановъ наибольшей храбростью и дерзкимъ удальствомъ прославился Фигнеръ. Это былъ какой-то злой духъ небольшихъ непріятельскихъ отрядовъ и шаекъ мародеровъ.

До войны 1812 года онъ былъ городничимъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Тамбовской губерніи, а затѣмъ поступилъ на службу въ армію въ качествѣ артиллерійскаго офицера. Партизаномъ онъ сталъ почти одновременно со знаменитымъ Давыдовымъ.

Сначала Фигнеръ набралъ себѣ отрядъ изъ 200 отсталыхъ и русскихъ мародеровъ. Съ этимъ отрядомъ онъ совершилъ нѣсколько удачныхъ набѣговъ, но затѣмъ, когда онъ захотѣлъ ввести у себя дисциплину, отрядъ распался. Всѣ его партизаны разбѣжались. Но онъ уже успѣлъ зарекомендовать себя въ качествѣ опытнаго партизана, и Кутузовъ далъ ему отрядъ регулярнаго войска.

О набѣгахъ Фигнера сохранилась масса разсказовъ. Необыкновенно ловкій и изворотливый, онъ былъ прежде всего неуловимъ. Разсказываютъ слѣдующій случай:

Однажды отрядъ французовъ въ одномъ мѣстѣ подстерегъ его и, сдѣлавъ нападеніе, вогналъ въ лѣсъ, примыкавшій къ болоту. Уже день склонился къ вечеру, и поздно было продолжать дальнѣйшее дѣйствіе въ лѣсу; однако, опасаясь выпустить изъ рукъ вреднаго наѣзд-

*) Михайловскій-Данилевскій. Описаніе Отечественной войны.

ника, французы окружили лѣсъ, будучи увѣрены, что непроходимое болото за лѣсомъ воспрепятствуетъ его бѣгству, а съ разсвѣтомъ дня онъ самъ попадется къ нимъ, живой или мертвый. Фигнеръ дѣйствительно находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: болото казалось непроходимымъ ни для коннаго, ни для пѣшаго. Пользуясь темнотой ночи, онъ попробовалъ съ двумя товарищами пройти пѣшкомъ черезъ болото, шириною на полверсты; кое-какъ, съ помощью шестовъ, по койкамъ, имъ удалось перебраться на ту сторону, и къ счастью верстахъ въ двухъ они нашли деревушку. Фигнеръ тотчасъ собралъ немногихъ крестьянъ, объявилъ имъ опасность своей партіи, указалъ средство для спасенія и велѣлъ немедленно нести на берегъ солому и доски. Этими матеріалами онъ выстлалъ по болоту дорожку; къ полуночи возвратился въ свою западню, гдѣ товарищи его, завалившись за пеньками, сторожили французовъ, которые вокругъ лѣса развели огонь и шумѣли. Фигнеръ со всей осторожностью, велѣлъ своимъ поодиночкѣ, переводить лошадей по дощатой дорожкѣ. Когда лошадей перевели, онъ велѣлъ пѣшимъ стать въ ширину болота, на извѣстномъ разстояніи, и первый, оставаясь съ краю отъ лѣса, сталъ передавать черезъ ближняго дальнимъ доски и солому: такимъ образомъ онъ успѣлъ переправить всю партію и даже изгладить слѣдъ дороги. Съ разсвѣтомъ дня, французы приступили къ лѣсу со всѣхъ сторонъ и пошли облавой въ добромъ порядкѣ; наконецъ сошлись всѣ у болота и зѣвали другъ на друга: куда онъ дѣвался съ казаками?.. Его не было, и слѣдъ простылъ. Конные сунулись въ болото, но лошади стали вязнуть, и пѣшіе не могли переступить шага. Эта шутка столько изумила французовъ, что они долго не могли образумиться и почитали Фигнера ужаснымъ разбойникомъ, который ихъ истребляетъ и морочитъ, какъ дьяволъ.

Своихъ плѣнныхъ Фигнеръ только въ очень рѣдкихъ случаяхъ доставлялъ въ армію, обыкновенно же всѣхъ ихъ предавалъ смерти. Его сердце не знало жалости, но оно не знало также и страха. Его хладнокровіе было поразительно.

Такъ напримѣръ онъ „не разъ,—по свидѣтельству Бискупскаго, одного изъ офицеровъ его отряда,—переодѣвался во французскій мундиръ и, пользуясь французскимъ языкомъ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, добывалъ свѣдѣнія, которыхъ нельзя было добиться иначе. Одинъ разъ, переодѣвшись въ бѣлый плащъ французскаго кирасира, онъ привелъ свой отрядъ на опушку лѣса и, приказавъ людямъ слѣзть съ лошадей и соблюдать тишину, самъ выѣхалъ на просѣку, вдоль кото-

рой пролегала дорога, и остановился въ тѣни, у опушки лѣса. Вскорѣ раздались топотъ лошадей, говоръ солдатъ и показались на дорогѣ французскіе кирасиры, въ колоннѣ по шести. Давъ пройти тремъ эскадронамъ и будучи замѣченъ, Фигнеръ самъ сдѣлалъ окликъ «qui vive»; тогда одинъ изъ кирасирскихъ офицеровъ, ѣхавшій во флангѣ, отдѣлился отъ эскадрона и подъѣхалъ къ Фигнеру, который, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, повернулъ лошадь и шагомъ поѣхалъ въ лѣсъ. Присоединившись къ отряду, Фигнеръ тотчасъ же двинулся далѣе и, пройдя по заглохшимъ тропинкамъ, по указанію крестьянъ-проводниковъ, довольно большое пространство, снова вышелъ на большую дорогу, спѣшилъ свой отрядъ, приказавъ ему ждать, а самъ съ двумя офицерами польскаго уланскаго полка, мундиръ которыхъ подходилъ къ французскимъ, отправился на большую дорогу. Выѣхавъ изъ лѣса, всадники увидѣли, верстахъ въ двухъ отъ себя, на открытомъ мѣстѣ, у села, довольно обширный французскій лагерь. „Поѣдемъ къ нимъ“,—сказалъ Фигнеръ и вмѣстѣ со своими товарищами маленькою рысцою подъѣхалъ къ лагерю такъ беззаботно, что часовымъ даже не пришло въ голову остановить его. Приблизясь къ кирасирскому полку, ночью проходившему мимо его отряда, Фигневъ обратился къ стоявшимъ вмѣстѣ двумъ офицерамъ, пожелалъ имъ добраго утра и вступилъ съ ними въ продолжительную бесѣду, между тѣмъ какъ его офицеры, разговаривая поневолѣ съ обступившими ихъ кирасирами, считали себя погибшими. Наконецъ онъ распрощался съ офицерами, повернулъ лошадь назадъ и отъѣхалъ нѣсколько шаговъ; но вдругъ опять возвратился къ своимъ новымъ знакомымъ, сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ и хладнокровно отправился въ лѣсъ къ своему отряду“.

Въ романѣ Л. Н. Толстого Фигнеръ выведенъ подъ именемъ Долохова. Въ Долоховѣ отразились всѣ характернѣйшія черты Фигнера: его мужество и изворотливость, жестокость и храбрость, хитрость и умъ. Вотъ какъ рисуетъ Толстой сцену пріѣзда Долохова въ непріятельскій лагерь:

„Одѣвшись во французскія шинели и кивера, Петя съ Долоховымъ поѣхали на ту просѣку, съ которой Денисовъ смотрѣлъ на лагерь, и, выѣхавъ изъ лѣса въ совершенной темнотѣ, спустились въ лощину. Съѣхавъ внизъ, Долоховъ велѣлъ сопровождавшимъ его казакамъ дожидаться тутъ и поѣхалъ крупною рысью по дорогѣ къ мосту. Петя, замирая отъ волненія, ѣхалъ съ нимъ рядомъ.

„— Если попадемся, я живьемъ не отдамся, у меня пистолетъ,— прошепталъ Петя.

„— Не говори по-русски!—быстрымъ шепотомъ проговорилъ Долоховъ, и въ ту же минуту въ темнотѣ послышался окликъ: „Кто идетъ?“—и звонъ ружья.

„Кровь бросилась въ лицо Пети и онъ схватился за пистолетъ.

„— Уланы шестого полка,—проговорилъ Долоховъ, не укорачивая и не прибавляя хода лошади.

„Черная фигура часового стояла на мосту.

„— Пароль?

„Долоховъ придержалъ лошадь и поѣхалъ шагомъ.

„— Скажите, здѣсь-ли полковникъ Жераръ?—сказалъ онъ.

„— Пароль,—не отвѣчая сказалъ часовой, загораживая дорогу.

„—Когда офицеръ объѣзжаетъ цѣпь, часовые не спрашиваютъ пароля!—крикнулъ Долоховъ, вдругъ вспыхнувъ, наѣзжая лошадью на часового.—Я спрашиваю, тутъ-ли полковникъ,—и, не дождавшись отвѣта отъ посторонившагося часового, Долоховъ поѣхалъ шагомъ въ гору.

„Замѣтивъ черную тѣнь человѣка, переходящаго черезъ дорогу, Долохонъ остановилъ этого человѣка и спросилъ, гдѣ командиръ и офицеры. Человѣкъ этотъ, съ мѣшкомъ на плечѣ, солдатъ, остановился, близко подошелъ къ лошади Долохова, дотрогиваясь до нея рукой, и просто и дружелюбно разсказалъ, что командиръ и офицеры были выше на горѣ съ правой стороны на дворѣ фермы (такъ онъ называлъ господскую усадьбу).

„Проѣхавъ по дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ которой звучалъ отъ костровъ французскій говоръ, Долоховъ повернулъ во дворъ господскаго дома. Проѣхавъ въ ворота, онъ слѣзъ съ лошади и подошелъ къ большому пылавшему костру, вокругъ котораго, громко разговаривая, сидѣло нѣсколько человѣкъ. Въ котелкѣ съ краю варилось что то, и солдатъ въ колпакѣ и синей шинели, стоя на колѣнахъ, ярко освѣщенный огнемъ, мѣшалъ въ немъ шомполомъ.

„— Охъ, этотъ жестокъ, не проваришь, —говорилъ одинъ изъ офицеровъ, сидѣвшихъ въ тѣни съ противоположной стороны костра.

„— Онъ заставитъ ходить кроликовъ (франц. поговорка),—со смѣхомъ сказалъ другой.

„Оба замолкли, вглядываясь въ темноту на звукъ шаговъ Долохова и Пети, подходившихъ къ костру со своими лошадьми.

„— Здравствуйте, господа!—громко, отчетливо выговорилъ Долоховъ.

«Офицеры зашевелились въ тѣни и одинъ высокій офицеръ съ длинною шеей, обойдя огонь, подошелъ къ Долохову.

«— Это—ты, Клеменъ?—сказалъ онъ.—Откуда чертъ...

«Но онъ не докончилъ, узнавъ свою ошибку, и, слегка нахмурившись, поздоровался съ Долоховымъ, спрашивая, чѣмъ онъ можетъ служить.

«Долоховъ разсказалъ, что онъ съ товарищемъ догонялъ свой полкъ, и спросилъ, обращаясь ко всѣмъ вообще, не знали-ли офицеры что-нибудь о шестомъ полку. Никто ничего не зналъ, и Петѣ показалось, что офицеры враждебно и подозрительно стали осматривать его и Долохова. Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

«— Если вы разсчитываете на ужинъ, то вы опоздали,—сказалъ съ сдержаннымъ смѣхомъ голосъ изъ за костра.

«Долоховъ отвѣчалъ, что они сыты и что имъ надо въ ночь же ѣхать дальше. Онъ отдалъ лошадей солдату, мѣшавшему въ котелкѣ, и на корточкахъ присѣлъ рядомъ съ офицеромъ съ длинною шеей. Офицеръ этотъ, не спуская глазъ, смотрѣлъ на Долохова и переспросилъ его еще разъ: какого онъ былъ полка? Долоховъ не отвѣчалъ, какъ-будто не слыхалъ вопроса, и, закуривая коротенькую французскую трубку, которую онъ досталъ изъ кармана, спрашивалъ офицеровъ о томъ, въ какой степени безопасна дорога отъ казаковъ впереди ихъ.

«— Эти разбойники вездѣ—отвѣчалъ офицеръ изъ-за костра.

«Долоховъ сказалъ, что казаки страшны только для такихъ отсталыхъ, какъ онъ съ товарищемъ, но что на большіе отряды казаки вѣроятно не смѣютъ нападать, прибавилъ онъ вопросительно. Никто ничего не отвѣтилъ.

«Ну, теперь онъ уѣдетъ»,—всякую минуту думалъ Петя, стоя передъ костромъ и слушая его разговоръ.

«Но Долоховъ началъ опять прекратившійся разговоръ и прямо сталъ распрашивать, сколько у нихъ людей въ батальонѣ, сколько батальоновъ, сколько плѣнныхъ. Спрашивая про плѣнныхъ русскихъ, которые были при ихъ отрядѣ, Долоховъ сказалъ:

«— Скверное дѣло таскать за собой эти трупы. Лучше-бы разстрѣлять эту сволочь,—и громко засмѣялся такимъ страннымъ смѣхомъ, что Петѣ показалось, французы сейчасъ узнаютъ обманъ, и онъ невольно отступилъ на шагъ отъ костра.

«Никто не отвѣтилъ на слова и смѣхъ Долохова, и французскій офицеръ, котораго не видно было (онъ лежалъ, укутавшись шинелью),

приподнялся и прошепталъ что-то товарищу. Долоховъ всталъ и кликнулъ солдата съ лошадьми.

«Подадутъ или нѣтъ лошадей»—думалъ Петя, невольно приближаясь къ Долохову.

«Лошадей подали.

«— Прощайте, господа,—сказалъ Долоховъ.

«Петя хотѣлъ сказать „bonsoir“ и не могъ договорить слова.

«Офицеры что-то шепотомъ говорили между собою. Долоховъ долго садился на лошадь, которая не стояла: потомъ шагомъ поѣхалъ изъ воротъ. Петя ѣхалъ послѣ него, желая и не смѣя оглянуться, чтобы увидать, бѣгутъ или не бѣгутъ за ними французы.

«Выѣхавъ на дорогу, Долоховъ поѣхалъ не назадъ въ поле, а вдоль по деревнѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ остановился прислушиваясь. „Слышишь?“—сказалъ онъ. Петя узналъ звуки русскихъ голосовъ, увидалъ у костровъ темныя фигуры русскихъ плѣнныхъ. Спустившись внизъ къ мосту. Петя съ Долоховымъ проѣхали часового, который, ни слова не сказавъ, мрачно ходилъ по мосту, и выѣхали на лощину, гдѣ дожидались казаки» *).

Къ сѣверу отъ Москвы, на Петербургской дорогѣ, съ момента вступленія французовъ въ москву находился небольшой русскій отрядъ изъ 3200 человѣкъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Винцингероде. И численность этого отряда, и его положеніе силой вещей обрекали его на партизанскую дѣятельность.

Сперва отрядъ Винцингероде находился въ селѣ Пѣшковскомъ, имѣя авангардъ въ Черной Грязи. Противъ него стояли передовыя войска вице-короля, корпусъ котораго былъ на бивуакахъ около Петровскаго дворца. Вправо отъ себя Винцингероде послалъ полковника Бенкендорфа, который остановился въ Покровѣ. Еще правѣе Бенкендорфа стоялъ съ казаками подполковникъ Чернозубовъ.

И эти отряды, и авангардъ Винцингероде, находившійся подъ начальствомъ полковника Иловайскаго 12-го, постоянно отражали отъ себя небольшія партизанскія партіи для нападенія на непріятельскихъ фуражировъ и мародеровъ, наводнявшихъ окрестности. Сотни плѣнныхъ, провіантъ и непріятельская почта составляли добычу партизановъ.

Сначала партизаны были очень осторожны и производили нападенія на непріятеля, сами удивляясь своей дерзости и боясь каждую

---

*) Л. Н. Толстой. „Война и миръ“.

минуту быть окруженными и схваченными французами. Но съ каждымъ днемъ ихъ осторожность и боязнь становились все меньше и меньше, такъ какъ они начинали понимать, что та война, которую они ведутъ, есть самая цѣлесообразная и самая грозная для непріятелей.

Наконецъ Наполеонъ, видя, что дѣятельность партизановъ, лишаетъ возможности его фуражировъ производить поиски и со стороны Петербурга, приказалъ вице-королю и Нею продвинуться впередъ, чтобы имѣть въ своемъ распоряженіи большее пространство земли для обезпеченія безопасности фуражирамъ и провіантскимъ чиновникамъ. 20-го сентября вице-король пошелъ съ одной дивизіей отъ Петровскаго дворца къ Подсолнечной, другую послалъ къ Волоколамску, третью—по Ярославской дорогѣ, а четвертую — въ Дмитровскъ. Одновременно Ней двинулся къ Покрову.

Общее единовременное наступленіе французовъ по разнымъ дорогамъ, цѣли котораго сначала нельзя было угадать, прикрыло ихъ фуражировъ и заставило Винцингероде отойти къ Клину. Непріятель остановился у Подсолнечной горы, въ Дмитровѣ и вдоль границъ Владимірской губерніи, въ этомъ расположеніи пробылъ до 1-го октября, когда Наполеонъ началъ сосредоточивать корпусы около Москвы.

Наряду съ этими партизанскими отрядами, имѣвшими чисто военную организацію, т. е. составленными изъ регулярныхъ войскъ и состоявшими въ вѣдѣніи общаго военнаго начальства, дѣйствовала масса партизанскихъ партій, составленныхъ самимъ народомъ, безъ вѣдома какого бы то ни было начальства или штаба, и дѣйствовавшихъ, какъ Богъ на душу положитъ.

Имена организаторовъ этихъ партій или совсѣмъ остались неизвѣстными, или забыты исторіей, хотя главной долей успѣха войны Россія обязана именно этимъ неоффиціальнымъ и безыменнымъ партизанамъ, дѣйствовавшимъ совмѣстно съ несорганизованнымъ ни въ какіе уже отряды и партіи народомъ.

Но случайно имена нѣкоторыхъ такихъ героевъ сохранились въ преданіяхъ или въ архивахъ. Вотъ нѣсколько разсказовъ, дошедшихъ до нашего времени.

По случайности почти въ одно время и почти въ одномъ мѣстѣ съ первымъ оффиціальнымъ партизаномъ Давыдовымъ началъ дѣйствовать другой партизанъ, простой солдатъ, отставшій отъ своего полка, по имени Ермолай Четвертаковъ.

Отбившись 19-го августа отъ своего полка онъ побрелъ наудачу

Партизанъ Давыдовъ.

Партизанъ Сеславинъ.

Партизанъ Фигнеръ.

А. А. Бибиковъ.

къ югу отъ Смоленской дороги и пришелъ въ деревню Басманы. Но наши мародеры уже побывали тамъ, и поэтому крестьяне приняли его очень непривѣтливо. Тѣмъ не менѣе (не надѣясь догнать свой полкъ) онъ началъ уговаривать крестьянъ образовать партію для защиты деревень отъ французскихъ мародеровъ, которые, по его предположенію, должны были скоро появиться вслѣдъ за непріятельской арміей.

Но крестьяне отнеслись къ его предложенію очень несочувственно, и ему удалось уговорить только одного мужика. Съ этимъ своимъ новымъ товарищемъ онъ отправился въ деревню Задково. По дорогѣ имъ удалось убить двухъ вооруженныхъ французовъ и забрать ихъ оружіе.

Въ Задковѣ ему удалось уговорить 47 крестьянъ составить отрядъ. Всѣ они сѣли на лошадей, вооружились самодѣльными пиками и на другой же день вступили въ схватку съ двѣнадцатью французскими конными латниками.

Французы всѣ были перебиты. Четвертаковъ распредѣлилъ ихъ карабины между своими мужиками и началъ обучать ихъ стрѣльбѣ въ цѣль. Мишенью служили латы, повѣшенныя на деревѣ.

Послѣ этого ему удалось совершить еще нѣсколько удачныхъ нападеній на небольшіе французскіе отряды, превосходившіе однако численностью его партію. О его дѣйствіяхъ между крестьянами окрестныхъ селъ пошла молва. Мужики стали сходиться къ нему со всѣхъ сторонъ. Скоро партія Четвертакова увеличилась до 300 человѣкъ, и онъ раздѣлилъ ее на нѣсколько отрядовъ.

Военную добычу всѣ честно дѣлили между собой. Нападали они не только на мародеровъ, а иногда и на небольшіе отряды регулярнаго войска. Плѣнныхъ при этомъ не брали. Всѣхъ убивали на мѣстѣ.

Однажды около деревни Крисова они одержали побѣду надъ 400 французами, которые бѣжали, потерявъ 70 человѣкъ. У нѣкоторыхъ убитыхъ французовъ оказались русскіе ордена. Крестьяне забрали ихъ. Всего было найдено три ордена: два св. Анны и одинъ солдатскій Георгій. Два мужика прицѣпили себѣ къ груди по ордену (третій орденъ, св. Анны, Четвертаковъ отдалъ въ Могилевѣ генералу Кологривову).

Интересна дальнѣйшая судьба Четвертакова.

При отступленіи французовъ русская армія отъ Малоярославца слѣдовала за ними по проселочнымъ дорогамъ, мимо Ведеи.

Четвертаковъ встрѣтилъ русскій авангардъ въ селѣ Тепломъ, въ тридцати верстахъ отъ Гжатска. Тамъ онъ явился къ Паскевичу и

разсказалъ ему о своихъ похожденіяхъ. Паскевичъ обласкалъ его, не далъ ему никакихъ приказаній и обѣщалъ представить отъ себя рапортъ о немъ по начальству. Командиръ кіевскаго драгунскаго полка Эммануэль, которому Паскевичъ сообщилъ о Четвертаковѣ, собралъ о немъ свѣдѣнія, но донесенія о немъ никому не посылалъ. Паскевичъ тоже забылъ о Четвертаковѣ. Такъ онъ и остался ненагражденнымъ.

Но по окончаніи войны 1812 г., о немъ случайно вспомнили. Ген. Кологривовъ формировалъ въ Могилевѣ резервы для дѣйствующей арміи, которая выступила уже за предѣлы Россіи. Четвертаковъ, распустивъ за ненадобностью свою партію и не зная, что съ собой дѣлать, явился къ нему. Кологривовъ тотчасъ-же произвелъ его въ унтеръ-офицеры, не за его заслуги однако, а потому, что нуждался тогда въ опытныхъ унтеръ-офицерахъ. Но онъ кое-что слышалъ о Четвертаковѣ и началъ его разспрашивать о его похожденіяхъ. Въ 1813 г., по отправленіи резервовъ въ дѣйствующую армію, онъ написалъ о Четвертаковѣ Витгенштейну, прося его обратиться къ командиру кіевскаго драгунскаго полка Эммануэлю за подтвержденіемъ разсказовъ о немъ. Витгенштейнъ навелъ нужныя справки и тогда уже передалъ это дѣло Барклаю-де-Толли, прося его наградить Четвертакова. И только послѣ всей этой долгой переписки, Четвертаковъ наконецъ, былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена!

Среди этихъ никому неизвѣстныхъ партизановъ было много простыхъ героевъ, ничѣмъ не уступавшихъ нашимъ героямъ оффиціальнымъ. Вотъ напримѣръ настоящій Фигнеръ въ миніатюрѣ (только безъ его отталкивающей жестокости), дьячекъ-партизанъ Василій Рагозинъ.

„Обыкновенно,—разсказываютъ о немъ,—онъ отправлялся одинъ, пробираясь верхомъ на своей лошадкѣ лѣсами, которыхъ тогда было не мало между Рюховскимъ, Рузой и Можайскомъ. Узнавъ отъ скрывавшихся въ лѣсу крестьянъ, что въ такой-то деревнѣ расположился непріятель, Василій Григорьевичъ пряталъ свою лошадку въ лѣсу, наряжался нищимъ, выходилъ на дорогу и спокойно шелъ въ занятую непріятелемъ деревню, ходилъ между французами и выпрашивалъ у нихъ, какъ умѣлъ, подаянія. Французы всегда добродушно относились къ мнимому нищему. Только разъ, заподозрѣвъ въ немъ шпіона, они едва не убили его. Это случилось во французской стоянкѣ на рѣкѣ Зернѣ, недалеко отъ Рузы. Самообладаніе и смѣлость спасли здѣсь Василія Григорьевича. Когда французскіе солдаты хотѣли его зарубить, онъ быстро бросился въ рѣку и переплылъ на другой берегъ; въ него

*

начали стрѣлять, но онъ счастливо добѣжалъ до кустарника, гдѣ была спрятана его лошадка, и ускакалъ въ лѣсную чащу. Узнавъ точно, сколько въ данной мѣстности французовъ, Василій Григорьеничъ поспѣшно возвращался къ мѣсту, гдѣ стоялъ русскій отрядъ (въ деревнѣ Порховѣ, верстахъ въ шести отъ Волоколамска); тотчасъ-же съ нимъ отправлялись солдаты и забирали въ плѣнъ французовъ. Всего въ разное время подъ руководствомъ Василія Григорьевича было взято въ плѣнъ семьсотъ человѣкъ. Насколько вѣрныя и точныя свѣдѣнія доставлялъ Василій Григорьевичъ о числѣ непріятеля и мѣстѣ его стоянки, видно изъ того, что французовъ брали въ плѣнъ всегда безъ потерь съ нашей стороны.

Рагозинъ получилъ награду еще позже Четвертакова— въ 1818 г. Ему дали крестъ и 400 рублей. Кромѣ того ему предлагали еще мѣсто священника, но онъ отказался.

— Я недостоенъ священства,—сказалъ онъ,—такъ какъ проливалъ христіанскую кровь.

„Малочисленность (малолюдность) нашихъ партизанскихъ отрядавъ,—дѣлаетъ Михайловскій-Данилевскій бѣглый обзоръ дѣятельности и значенія партизановъ,—въ сравненіи съ каждымъ непріятельскимъ прикрытіемъ транспорта, даже часто съ шайками мародеровъ, новость партизанской войны, не успѣвшей еще развиться и усовершенствоваться, наконецъ самый составъ арміи Наполеона, заключавшей въ себѣ по большей части старыхъ, опытныхъ служивыхъ, всѣ эти обстоятельства не дозволяли партизанамъ ознаменовать себя такими набѣгами, какими прославились потомъ русскіе начальники летучихъ отрядовъ на заграничныхъ походахъ. Въ Отечественную войну не было партизанскаго подвига, могущаго сравниться со взятіями Берлина, Люнебурга, Касселя, Бремена, Амстердама, Суассона. Ни одинъ изъ городовъ, занятыхъ непріятелемъ между Смоленскомъ и Москвою, не былъ покоренъ партизанами; они не сорвали даже ни одного французскаго этапа. Несмотря на это, ихъ дѣйствія были чрезвычайно полезны по безпрестанному вреду, наносимому ими ежедневно непріятелю, и особенно тѣмъ, что своимъ появленіемъ въ разныхъ мѣстахъ они поддерживали воспламененіе въ народѣ, единодушно возставшемъ противъ враговъ“.

Почтенный историкъ слишкомъ мало оцѣниваетъ значеніе дѣятельности партизановъ, этой, такъ сказать, легализаціи народной войны, сожалѣя о томъ, что партизаны не отбивали городовъ и не давали большихъ сраженій. Въ такомъ случаѣ они не были-бы партизанами.

Вѣдь главная сила и значеніе ихъ въ томъ и заключались, что при своей малолюдности и легкости они могли безпрепятственно и быстро переноситься съ мѣста на мѣсто, постоянно безпокоя непріятелей, окончательно терявшихъ голову предъ такимъ неожиданнымъ и незнакомымъ имъ оборотомъ войны. Быстро налетѣть, сорвать, что можно, схватить плѣнныхъ, отбить обозъ, произвести переполохъ, переловить мародеровъ,—вотъ все значеніе партизановъ, пока непріятельская армія еще не утратила окончательно своей силы.

„Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ;
Но мы не спимъ, мы надзираемъ—
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.
Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми донцами.
Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ, за чашей круговой,
Минуты отдыха находимъ.
Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ отчаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча".

„Наполеонъ въ Россіи въ 1812 г".
Изд. Каспари.

Народная война.

Народная война началась со вступленія французовъ въ Смоленскую губернію. Тысячи непріятельскихъ мародеровъ, фуражировъ, отсталыхъ, отдалявшихся отъ арміи въ глубь губерніи безпощадно истреблялись казаками и мужиками. Мародеры же своими насиліями продолжали подливать масла въ огонь и разжигать къ себѣ ненависть населенія.

Вотъ выдержка изъ донесенія атамана Платова, достаточно ярко обрисовывающая поведеніе непріятельскихъ войскъ въ первые же дни по ихъ вступленіи въ Смоленскую губернію:

„Необыкновенный образъ войны, употребляемый французами, приличенъ однимъ только варварамъ. Мало того, что они грабятъ селенія, помѣщичьи дома, бьютъ жителей, насильничаютъ женъ ихъ и дочерей,

со священническимъ саномъ поступаютъ немилосердно, истязаютъ и выпытываютъ отъ нихъ деньги, но и самыя святыя православныя церкви не избѣгаютъ неистовства французовъ; святые сосуды и утварь разграбливаются. Въ селѣ Инковѣ, въ церкви, на вынесенныхъ святыхъ образахъ французскіе солдаты мыли и развѣшивали нижнее исподнее платье. Не благоугодно-ли будетъ этотъ истинно описанный образъ войны непріятеля нашего поставить на видъ и въ извѣстіе всему отечеству? Подобное извѣщеніе воздвигнетъ въ сердцѣ каждаго праведное рвеніе къ мщенію и ревность къ учиненію всякихъ пожертвованій, дабы изгнать изъ предѣловъ отечества жестокосерднаго и несправедливаго непріятеля".

Понятно, что при такомъ отношеніи непріятелей къ населенію, послѣднее не могло не испытывать къ нимъ ненависти и желанія отмстить при каждомъ удобномъ случаѣ. И повсюду, въ каждой губерніи, въ каждомъ уѣздѣ, гдѣ только появлялся непріятель, сама собой поднималась надъ нимъ страшная дубина народной войны, не щадившая ни одного отдѣлившагося отъ арміи француза.

Отсылая свои семьи въ свободные отъ непріятеля уѣзды или пряча ихъ въ лѣсахъ, крестьяне вооружались, какъ и чѣмъ могли, собирались въ маленькія партіи, устраивали засады и подстерегали шайки мародеровъ или отряды фуражировъ. Военное и уцѣлѣвшее кое-гдѣ гражданское начальство способствовало всѣми силами развитію этого движенія, собирая и вооружая эти добровольныя ополченія.

Губернаторы писали и распространяли повсюду воззванія и увѣщанія, поддѣлываясь болѣе или менѣе удачно подъ тонъ растопчинскихъ афишекъ и воззваній къ крестьянамъ Московской губерніи. Предводители дворянства, полицейскіе чиновники, городскіе головы, волостные начальники, оставшіеся въ имѣніяхъ помѣщики составляли изъ крестьянъ отряды и нападали на болѣе сильнаго непріятеля, который былъ не подъ силу небольшимъ сельскимъ партіямъ.

Въ Смоленской губерніи остались совершенно свободными отъ непріятеля четыре города съ уѣздами—Рославль, Юхновъ, Сычевка и Бѣлый. Въ этихъ-то городахъ и составлялись добровольныя крестьянскія ополченія подъ начальствомъ чиновниковъ. Такъ какъ, при занятіи Смоленска французами, смоленскій губернаторъ бѣжалъ, то тверской губернаторъ Кологривовъ принялъ свободные отъ непріятеля уѣзды въ свое завѣдываніе. Однимъ изъ первыхъ его распоряженій и былъ приказъ объ организаціи съ помощью исправника и чиновниковъ этихъ отрядовъ добровольнаго крестьянскаго ополченія.

Кологривовъ слѣдующимъ образомъ характеризовалъ эти команды въ издаваемыхъ имъ правилахъ:

„Вооруженіе обывателей не составляетъ особаго войска или ополченія; они, само по себѣ разумѣется, защищаютъ только себя отъ нападеній, возвращаютъ изъ домовъ ихъ похищенное и преграждаютъ пути къ ихъ разоренію“.

Въ Рославлѣ образовалась дружина изъ 400 человѣкъ. Въ Юхновѣ уѣздный предводитель Храповицкій собралъ около 2.000 человѣкъ и съ этимъ отрядомъ давалъ цѣлыя сраженія.

Правительство Франціи, учрежденное въ Смоленскѣ, бездѣйствовало, его предписанія оставались безъ исполненія, такъ какъ оно, благодаря разгорѣвшейся народной войнѣ, могло распоряжаться только въ тѣхъ городахъ и селахъ, гдѣ стояли французскія войска. Провіантскіе комиссары и отряды фуражировъ не могли правильно нести свою службу, такъ какъ на каждомъ шагу встрѣчали со стороны населенія противодѣйствіе и подвергались нападеніямъ.

Непріятели старались всѣми силами бороться съ этимъ народнымъ движеніемъ, распространяя повсюду успокоительныя воззванія, захватывая и разстрѣливая подозрительныхъ, но уже никакія мѣры не могли бы остановить народную войну. Два смоленскихъ помѣщика, Энгельгардъ и Шубинъ, пали въ качествѣ такихъ искупительныхъ жертвъ.

Преданіе разсказываетъ, что на нихъ былъ сдѣланъ доносъ не любившими ихъ крестьянами, будто бы они перебили партію зашедшихъ въ ихъ имѣнія фуражировъ. Для большей же достовѣрности доноса они будто бы подложили къ ихъ домамъ нѣсколько труповъ французскихъ солдатъ, убитыхъ раньше самими же крестьянами. Французскія власти арестовали Энгельгарда и Шубина и приговорили ихъ къ смертной казни. Энгельгардъ встрѣтилъ смерть спокойно, съ незавязанными глазами. Вслѣдъ за нимъ былъ разстрѣлянъ и Шубинъ.

Обыкновенно крестьяне при приближеніи непріятелей начинали волноваться и вооружаться, угонять скотъ, прятать, что можно, изъ имущества и затѣмъ принимали въ дубье непрошенныхъ гостей.

Повсюду разставляли караульныхъ, которые не оставляли безъ вниманія ни одного человѣка. Къ селамъ не подпускали никого безъ предварительнаго допроса. Всѣхъ проходящихъ и проѣзжающихъ малыми партіями или поодиночкѣ крестьяне задерживали и отпускали лишь послѣ представленія ими доказательствъ, что они—не враги. Этой участи часто подвергались даже курьеры и партизаны. И когда, по окон-

чаніи объясненій, задержанные спрашивали крестьянъ, почему они не удовлетворялись однимъ знаніемъ русскаго языка въ качествѣ доказательства русскаго происхожденія, то крестьяне отвѣчали:

— Да вѣдь у злодѣя всякаго сбора люди.

„Перевозъ запасовъ, снарядовъ, амуниціи, рекрутовъ, казны, сопровожденіе раненыхъ и плѣнныхъ, — пишетъ Михайловскій-Данилевскій,—требовали безпрестанно новыхъ усилій, разъѣздовъ, подводъ, отчего въ селеніяхъ замѣчался недостатокъ мужчинъ. Обязанности ихъ принимали на себя женщины. Онѣ употреблялись вмѣсто сотскихъ, сторожей, провожатыхъ и для почтовой гоньбы. Случалось, что женщины, въ отсутствіе отцовъ, мужей и братьевъ, нападали на мародеровъ и брали ихъ въ плѣнъ. Съ косами и вилами сопровождали онѣ партіи плѣнныхъ, и воины такъ называвшейся Великой арміи, пришедшей навѣрное покорить Россію, должны были со стыдомъ, а иногда съ бѣшенствомъ и слезами, повиноваться приказаніямъ нашихъ сельскихъ амазонокъ. Изъ нихъ сдѣлалась извѣстнѣе другихъ, по своему ожесточенію противъ непріятеля, старостиха Василиса, дородная женщина съ длинною французскою саблею, повѣшенною черезъ плечо сверхъ французской шинели“.

Въ октябрѣ народная и партизанская война была въ полномъ разгарѣ во всѣхъ занятыхъ непріятелемъ русскихъ губерніяхъ. Ожесточеніе противъ непріятельскихъ мародеровъ достигло къ этому времени высочайшей степени. И если многіе партизанскіе отряды, забирая плѣнныхъ, отправляли ихъ подъ росписку въ свободныя отъ непріятеля губерніи, то крестьянскія партіи поступали совсѣмъ иначе: ни одинъ плѣнный не уходилъ живымъ изъ ихъ рукъ. Мѣстами крестьяне придумали для плѣнныхъ мучительныя казни: ставили напримѣръ ихъ въ ряды и поочереди рубили имъ головы, топили въ прудахъ, сбрасывали въ колодцы, сжигали живыми въ овинахъ и избахъ *).

Сожженіе непріятелей практиковалось крестьянами главнымъ образомъ тогда, когда первые оказывались запертыми въ избѣ, но въ то же время были настолько сильны численностью, что не было надежды взять ихъ въ плѣнъ живыми. Тогда изба поджигалась со всѣхъ сторонъ, и французы гибли въ огнѣ.

Вотъ одинъ изъ случаевъ такого рода.

Въ августѣ, вскорѣ послѣ осады Смоленска, староста хутора Лев-

---

*) А. Слезскинскій. «Народная война въ Смоленской губерніи въ 1812 г». «Русскій Архивъ», 1901 г.

Народная война.

Съ картины Пряничникова.

шина, Тимофей Архиповъ, или Тимохъ, подбилъ своихъ односельчанъ составить партизанскую партію, по примѣру рибопьеровскихъ крестьянъ, которые незадолго предъ тѣмъ ночью забрали въ плѣнъ въ лѣсу непріятельскій пикетъ. Тимоху удалось составить партію человѣкъ въ тридцать, съ которой онъ уже собирался отправиться въ поиски за французами. Но французы сами явились къ нему.

Однажды въ полдень прискакалъ въ хуторъ верховой и объявилъ, что французы появились въ пяти верстахъ, въ деревнѣ Рябиновкѣ, и направляются къ хутору.

Тимохъ тотчасъ же запрятался со своей партіей въ густомъ коноплянникѣ на огородѣ.

Не долго пришлось имъ ожидать непріятеля. Въ четыре часа въ концѣ хутора послышались топотъ лошадей и скрипъ колесъ, и вскорѣ показался французскій фуражирскій обозъ, состоявшій изъ десяти повозокъ и нѣсколькихъ находившихся при нихъ солдатъ. Французы въѣхали во дворъ къ старостѣ и, не видя нигдѣ хозяевъ, стали шарить въ избѣ по всѣмъ угламъ, надѣясь отыскать что-нибудь съѣстное. Нѣсколько человѣкъ забрѣли и въ огородъ, чтобы нарыть себѣ картофеля.

Вскорѣ въ старостиной избѣ задымила труба: французы затопили печь.

Вечеромъ, когда всѣ французы сидѣли въ избѣ, за исключеніемъ одного часового, Тимохъ сталъ выводить свою партію изъ засады. Одного человѣка онъ отрядилъ въ обходъ, приказавъ ему поджечь избу, а съ остальными ползкомъ двинулся къ часовому. Когда вспыхнуло пламя, Тимохъ, доползшій въ это время до плетня, выстрѣлилъ въ часового, а затѣмъ бросился къ избѣ, вбѣжалъ въ сѣни и подперъ лѣвую дверь коломъ, а правую нажалъ своимъ плечемъ, такъ какъ не нашлось подъ рукой другого кола. Остальные же крестьяне бросились съ топорами и съ дубинами къ окнамъ, чтобы не выпускать оттуда непріятелей.

Услышавъ выстрѣлъ, французы хотѣли выбѣжать во дворъ, но двери оказались припертыми такъ сильно, что не поддавались никакимъ ихъ усиліямъ.

Тогда они начали стрѣлять въ дверь, и одна изъ пуль, пробивъ доски, попала Тимоху въ животъ. Рана была смертельная, но Тимохъ собравшись съ послѣдними силами продолжалъ наваливаться на дверь, пока не подоспѣлъ парень и не подперъ двери коломъ. Тогда Тимохъ, обезсиленный большой потерей крови, упалъ.

Тѣмъ временемъ огонь началъ проникать во внутренность избы,

и французы, видя невозможность быстро сломать двери, стали выпрыгивать въ окна. Но крестьяне ихъ тотчасъ же убивали, не давая опомниться. Такъ погибъ весь французскій отрядъ.

Тимохъ между тѣмъ умеръ, несмотря на помощь подоспѣвшаго доктора.

На другой день на хуторъ пріѣхала помѣщица и, узнавъ о случившемся, тотчасъ же карандашемъ нарисовала портретъ Тимоха.

Черезъ нѣсколько времени во многихъ книжныхъ магазинахъ появилось описаніе подвига Тимоха съ его портретомъ, подъ которымъ находилась слѣдующая подпись:

„Староста сельца Левшина, Тимофей Архиповъ, подперши плечемъ своимъ дверь избы, въ которой находилось до сорока непріятельскихъ фуражировъ, удержалъ напоръ ихъ“.

Въ Калужской губерніи, въ предѣлахъ которой стояла тогда въ Тарутинскомъ лагерѣ русская армія, народная война, въ самый разгаръ ея, стала постепенно принимать характеръ вполнѣ организованныхъ, согласованныхъ между собою дѣйствій. По границамъ Жиздринскаго, Мещовскаго, Масальскаго, Медынскаго и Боровскаго уѣздовъ была растянута цѣпь кордоновъ съ цѣлью недопущенія въ уѣзды бродягъ и предупрежденія населенія о появленіи шаекъ мародеровъ.

„Кордоны ставили пикеты,—пишетъ Михайловскій-Данилевскій,—каждый изъ двадцати пѣшихъ и конныхъ поселянъ, вооруженныхъ кто чѣмъ могъ. Они расположены были на трехверстномъ разстояніи. Конные дѣлали непрестанные разъѣзды и въ случаѣ появленія подозрительныхъ людей, брали ихъ и представляли въ волости, а оттуда къ начальству. Эта стража находилась подъ начальствомъ земской полиціи и кордонныхъ офицеровъ, избранныхъ изъ дворянства. Для поселянъ были назначены сборныя мѣста, куда, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, по даннымъ знакамъ, колокольному звону, маякамъ или зажженнымъ вѣхамъ, должны были отъ малаго до стараго собираться съ оружіемъ и быть въ готовности къ отраженію враговъ. Для подкрѣпленія кордоновъ посылались отряды ополченія. Сверхъ того стояли пикеты на всѣхъ дорогахъ и при каждой деревнѣ содержались ночные караулы. Сельскіе жители, видя такимъ образомъ свои дома защищенными, не удалялись отъ нихъ; подозрительные и бѣглые были задерживаемы и многія партіи французскихъ мародеровъ, врывавшіяся въ губернію, истреблены“.

Въ Боровскѣ, ближе всѣхъ расположенномъ къ Московской

губерніи, кордонная стража не въ состояніи была удержать огромное число нахлынувшихъ изъ-подъ Москвы и мародеровъ. Тогда крестьяне и горожане, собравшись въ Боровскѣ, организовали отрядъ въ 3.000 человѣкъ и потребовали отъ исправника и городничаго, чтобы они предводительствовали ими. Этотъ отрядъ дѣятельно занимался уничтоженіемъ мародеровъ и однажды даже напалъ на передовую цѣпь корпуса Жюно. Всего было перебито этимъ отрядомъ 2,200 непріятелей, а взято въ плѣнъ 1.300. Въ началѣ октября боровскій отрядъ долженъ былъ уступить движенію всей непріятельской арміи и распасться на рядъ мелкихъ партій.

Надо замѣтить при этомъ, что по всѣмъ уѣздамъ число убитыхъ показано меньше, чѣмъ въ дѣйствительности, такъ какъ счетъ убитыхъ велся лишь въ кордонахъ, а крестьяне истребляли непріятелей, не считая ихъ и никому объ этомъ не сообщая.

Въ городахъ зорко слѣдили за сохраненіемъ тишины и порядка, всѣми силами стараясь предупреждать панику среди населенія.

„Каждый городъ Калужской губерніи, — пишетъ Михайловскій-Данилевскій,—былъ раздѣленъ на участки изъ пятидесяти дворовъ. Они находились подъ надзоромъ пятидесятника, избираемаго изъ гражданъ, извѣстныхъ честностью, имѣвшихъ свои дома. Подъ присягою обязывали ихъ: всѣ повелѣнія и увѣщанія начальства объявлять каждому въ своемъ участкѣ и надзирать за исполненіемъ, ежедневно по два раза освѣдомляться о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, отбирая отъ нихъ письменные виды и разныя частныя свѣдѣнія и обо всемъ дважды въ день доносить полиціи, а праздношатающихся представлять начальству. Для прекращенія всѣхъ средствъ пробираться черезъ города бѣглымъ и подозрительнымъ людямъ, выходы были загорожены палисадами и оставлены только главные проѣзды, занятые карауломъ; въ ночное время дѣлались безпрестанные разъѣзды. По улицамъ только и слышался скрипъ повозокъ и телѣгъ съ казеннымъ и частнымъ имуществомъ, которое нагружали также на барки. Мужчины однако не трогались, несмотря на отправленіе присутственныхъ мѣстъ, казны и церковныхъ сокровищъ. Въ храмахъ оставлялось только самое нужное для богослуженія. Городскія общества и экономическія селенія оставались непоколебимы, собрались въ думы и на мірскія сходки и дѣлали приговоры: отпустивъ семейства, самимъ не выѣзжать, но каждому вооружиться и въ случаѣ приближенія непріятелей защищаться до послѣдней капли крови. Первый подобный приговоръ состоялся въ Козельскѣ“.

Народная война 1812 года представляла собой удивительную, невиданную картину. Весь народъ, какъ одинъ человѣкъ, поднялся на защиту родины. Съ косами, вилами, рогатинами, простыми дубинами вышелъ онъ навстрѣчу растерянному врагу и задушилъ его. Всѣ сословія, всѣ классы объединились въ одномъ желаніи, въ одномъ чувствѣ, и это была такая сила, предъ которой трудно было устоять кому бы то ни было.

Борисовъ—Березина.

Изъ всѣхъ мѣстностей въ мірѣ, немногія пріобрѣли такую страшную извѣстность, какою пользуется Березина. Тамъ готовилось событіе, которое могло вдругъ измѣнить всѣ государственныя и политическія отношенія: тамъ могъ погибнуть Наполеонъ, и если этого не было, то онъ купилъ личное свое спасеніе совершеннымъ разстройствомъ и наконецъ гибелью своей арміи, до тѣхъ поръ непобѣдимой. Березина была свидѣтельницею такихъ ужасныхъ сценъ бѣдствія человѣческаго, какихъ не много представляетъ Исторія.

Прежде всего означимъ мѣстность, на которой происходило это событіе.

Березина вытекаетъ изъ небольшого озера, въ Борисовскомъ уѣздѣ, недалеко отъ мѣстечка Докшицы, проходитъ почти по всей Минской губерніи, и, коснувшись Могилевской губерніи, впадаетъ въ Днѣпръ, пониже мѣстечка Горваля. Все протяженіе ея составляетъ около 500 верстъ. Имѣя чрезвычайно малый склонъ, она очень различна въ своей ширинѣ: въ иныхъ мѣстахъ она является узкимъ потокомъ, въ другихъ расширяется и даже образуетъ озеро Паликъ, которое въ самомъ широкомъ мѣстѣ простирается на четыре версты; но оно постепенно съуживается, и далѣе Березина дѣлается обыкновенною рѣкою. Около Бобруйска ширина ея измѣняется отъ 40 до 60 саженъ; подъ Борисовымъ рѣка раздѣляется на два рукава, лѣтомъ бывающіе не болѣе пяти или шести саженъ ширины каждый. Ниже Борисова, Березина дѣлается судоходною; но въ настоящемъ описаніи нашемъ мы не станемъ заниматься дальнѣйшимъ теченіемъ ея. Изъ сказаннаго уже можно видѣть, что, разливаясь въ стороны по низменностямъ, Березина должна образовывать тамъ болота и топи, и дѣйствительно, почти по всему теченію ея берега состоятъ изъ болотъ и топкихъ луговъ; только въ нѣкоторомъ разстояніи отъ рѣки тянутся по обѣимъ сторонамъ возвышенія, большею частію песчаныя. Глубина рѣки почти такъ же разнообразна, какъ ши-

рина ея, но около Борисова она уже довольно значительна, такъ что лишь въ немногихъ мѣстахъ есть черезъ нее броды. Весною и осенью прибыль воды увеличиваетъ глубину, и тогда ее трудно даже опредѣлить.

Къ этой-то мѣстности приближался Наполеонъ въ Ноябрѣ 1812 года, съ остатками своей еще недавно Великой арміи, но въ это время представлявшей небольшія толпы людей, полузамерзшихъ, полуживыхъ, изнуренныхъ всѣми возможными бѣдствіями. Только малочисленный остатокъ его гвардіи сохранялъ еще нѣкоторое устройство; всѣ остальные солдаты и офицеры представляли невиданное зрѣлище людей въ лохмотьяхъ, грязныхъ, почернѣлыхъ, почти не носившихъ на себѣ человѣческаго образа. Недостатокъ въ лошадяхъ былъ такъ великъ, что въ Оршѣ Наполеонъ велѣлъ сжечь понтоны и употребить лошадей изъ-подъ нихъ на перевозку артиллеріи и необходимѣйшихъ тяжестей. Онъ не предвидѣлъ, что, черезъ нѣсколько дней, понтоны легко вывели бы его изъ затрудненія почти непреодолимаго и устранили бы опасность, какой еще не встрѣчалъ онъ во время своего громоноснаго поприща. Опасность эта готовилась издалека, но счастливый до тѣхъ поръ завоеватель надѣялся избѣгнуть ея.

По плану, предначертанному Императоромъ Александромъ, были разсчитаны дни, въ которые на берегахъ Березины, то-есть на пути отступленія Наполеона, долженъ былъ стать адмиралъ Чичаговъ съ Дунайскою арміею, и соединившись съ корпусомъ Витгенштейна, стеречь Наполеона до того времени, когда главная Русская армія, подъ начальствомъ Кутузова, придвинула бы къ Березинѣ жалкіе остатки Великой арміи. Слѣдствіемъ могли быть гибель или плѣнъ великаго завоевателя. Предугадывая опасность, Наполеонъ всевозможно спѣшилъ къ Березинѣ, еще надѣясь предупредить тамъ Чичагова, удерживаемаго Шварценбергомъ. Въ то же время онъ приказывалъ маршаламъ Виктору и Удино, оттѣснивъ Витгенштейна, спѣшить на соединеніе съ нимъ около Борисова; это было для него тѣмъ важнѣе, что войска Виктора и Удино сохраняли все военное устройство.

Еще въ Оршѣ узналъ онъ, что предположенія его не исполнились. Чичаговъ успѣлъ занять Борисовъ, гдѣ находился мостъ черезъ Березину, а Викторъ и Удино не только не могли отодвинуть Витгенштейна за Двину, но потерпѣли разныя пораженія отъ него и отступали, сами тѣснимые имъ. Положеніе Наполеона сдѣлалось такимъ образомъ неисходнымъ, отчаяннымъ, и другой, не столь могучій геній, палъ бы подъ бременемъ бѣдствія, вдругъ на него обрушившагося.

Разбитіе маршала Виктора при г. Старомъ Борисовѣ 15 и 16 ноября 1812 г

Здѣсь любопытно прочесть объ этомъ разсказъ историка Тьера, отличающійся многими мало извѣстными подробностями.

„Были уже почти передъ непріятелемъ, который преграждалъ дорогу и занялъ единственный мостъ, имѣя такъ мало средствъ для этого, такъ мало времени, и главное, въ присутствіи непріятеля, который сдвигался почти со всѣхъ сторонъ. Слѣва были главныя силы Чичагова, справа корпусъ Витгенштейна, сзади вся армія Кутузова: она готова была ринуться въ то самое время, когда войска Чичагова и Витгенштейна атаковали бы французскую армію съ фронта и съ фланговъ, въ минуты опасной переправы черезъ рѣку. Никогда и никто не находился въ положеніи болѣе ужасномъ, особливо если сообразимъ обстоятельства, вообще окружавшія Наполеона. Какое неслыханное измѣненіе судьбы въ продолженіе немногихъ мѣсяцевъ!

„Получивъ гибельную депешу о занятіи непріятелемъ Борисова, Наполеонъ сошелъ съ коня, прочиталъ бумагу, и не показывая никакого волненія, подошелъ къ огню, разложенному подлѣ бивака на большой дорогѣ. Тамъ онъ замѣтилъ генерала Дода, возвратившагося отъ маршаловъ Удино и Виктора, и подозвалъ его къ себѣ. Едва генералъ приблизился, какъ Наполеонъ поглядѣлъ на него съ выраженіемъ, котораго невозможно передать, и сказалъ только: «Они тамъ!..» Эти слова относились къ предшествовавшему разговору его съ генераломъ, и означали: «Русскіе въ Борисовѣ». Наполеонъ вошелъ въ крестьянскую избу, развернулъ тамъ на столѣ карту Россіи, и началъ съ генераломъ Додомъ разсуждать о средствахъ выйти изъ этого почти безвыходнаго положенія. Онъ былъ печаленъ, но не унылъ. Иногда онъ продолжалъ разговоръ внимательно, иногда, казалось, не думалъ о немъ, слушалъ не слыша, глядѣлъ не видя, и опять обращался къ Доду. Онъ далъ этому скромному, но твердому человѣку высказать свои предположенія. Генералъ Додъ изучилъ теченіе рѣки Березины, зналъ что по обоимъ берегамъ она окружена обширными болотами, и старался убѣдить Императора, что пройти черезъ Борисовъ невозможно, что русскіе генералы сожгутъ тамъ мостъ, если не будутъ въ силахъ защитить его, а ниже Борисова тоже нѣтъ переправы, и что тамъ чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ. Тамъ встрѣтились бы не только разрушенные мосты черезъ ручьи и рѣчки, но еще мосты (гати) черезъ болота, болѣе длинные и затруднительные для перехода. Напротивъ, восходя по Березинѣ къ тому мѣсту, гдѣ она соединяется съ Улою, въ окрестностяхъ Лепеля, можно найти мѣста, гдѣ она течетъ по песку,

Великая армія у ошмянъ 12 Ноября 1812 г.

гдѣ она не глубока, такъ что ее можно перейти въ бродъ. Генералъ Додъ утверждалъ, что корпусъ Удино, при которомъ онъ находился, никогда не затруднялся въ многочисленныхъ своихъ движеніяхъ черезъ эту рѣку. Потому онъ предлагалъ Императору обратиться вправо, присоединить къ себѣ Виктора и Удино, перейти черезъ корпусъ Витгенштейна, и окончивъ этотъ обходъ, возвратиться въ Вильну черезъ Глубокое.

„Наполеонъ, несмотря на всѣ эти представленія, еще не могъ разстаться съ мыслью идти по Минской дорогѣ, лучшей, и гдѣ заготовлены были припасы, гдѣ, кромѣ Виктора и Удино, онъ надѣялся присоединить къ себѣ Шварценберга и Ренье, а съ ними сосредоточить армію въ 90,000 человѣкъ. Предложенію генерала Дода противопоставлялъ онъ два возраженія: первое, длина обхода, который удалялъ его отъ Вильны и подвергалъ тому, что Русскіе придутъ туда прежде его; второе, вѣроятная на этомъ пути встрѣча съ Витгенштейномъ и Штейнгелемъ, которыхъ не могли одолѣть Удино и Викторъ. Генералъ Додъ отвѣчалъ, что оба русскіе генерала могутъ и не встрѣтиться, что, сверхъ того, у истоковъ Березины не будутъ они имѣть позицій, легкихъ къ защитѣ, какъ на берегахъ Улы, да и не осмѣлятся держаться тамъ, когда узнаютъ, что Наполеонъ соединился съ корпусами Удино и Виктора разбитыми при Борисовѣ Русскими. Впрочемъ, продолжая разговоръ, Наполеонъ не имѣлъ надобности чтобы ему отвѣчали, потому что онъ самъ, напередъ, дѣлалъ себѣ всѣ возможныя возраженія. Онъ почти не слушалъ генерала Дода, и разсматривая карту, развернутую передъ нимъ, слѣдовалъ пальцемъ по Березинѣ, потомъ по Днѣпру, означеннымъ на картѣ, и, встрѣтивъ глазами Полтаву, вдругъ воскликнулъ: «Полтава! Полтава!» Отвернувшись отъ карты, онъ началъ ходить по бѣдной хижинѣ, въ которой находился, и повторялъ: «Полтава! Полтава!» не глядя и почти не обращая никакого вниманія на того, съ кѣмъ говорилъ. Пораженный этимъ удивительнымъ зрѣлищемъ, генералъ Додъ молчалъ и съ прискорбіемъ, смѣшаннымъ съ изумленіемъ, глядѣлъ на новаго Карла XII, во сто разъ болѣе великаго нежели прежній, но, увы! и во сто разъ болѣе несчастливаго. Онъ сознавалъ наконецъ свою судьбу!

„Въ такомъ положеніи былъ разговоръ, когда въ избу вошли Мюратъ, принцъ Евгеній, Бертье и генералъ Жомини, бывшій правителемъ области во время похода, столь-же тщательно изучившій мѣстность, какъ генералъ Додъ, и очень способный дать свое мнѣніе. По

скромности, Додъ почелъ обязанностью удалиться, и вышелъ изъ хижины, такъ что Наполеонъ, въ развлеченіи своемъ, не замѣтилъ этого. Увидѣвъ генерала Жомини, Наполеонъ сказалъ ему: «Кто никогда не испытывалъ пораженій, у того должны быть они такъ-же громадны какъ его успѣхи...» Потомъ онъ вызывалъ мнѣніе генерала Жомини, который, раздѣляя въ одномъ пунктѣ мнѣніе генерала Дода, почиталъ невозможнымъ переправиться черезъ Березину ниже Борисова, но находилъ, что для арміи, уже изнуренной, было-бы слишкомъ далеко и утомительно идти къ верховьямъ Березины и тамъ переходить эту рѣку. Судя по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, онъ полагалъ, что можно перейти черезъ нее прямо передъ собою, повыше Борисова, и потомъ выйти на дорогу къ Сморгони, кратчайшую къ Вильнѣ и менѣе опустошенную воюющими арміями. Событіе вскорѣ показало, что это мнѣніе было благоразумно. Наполеонъ, не оспаривая его, потому что онъ едва слушалъ, вдругъ какъ будто перенесся къ временамъ своихъ блистательнѣйшихъ дѣйствій, и жалуясь на всѣхъ, расхаживая и говоря съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, сказалъ, что если-бы не всѣ сердца оробѣли (произнося эти слова, онъ, казалось, глядѣлъ на своихъ главныхъ сподвижниковъ, бывшихъ тутъ), то можно было-бы произвести чудесный маневръ, а именно, идти къ верховьямъ Березина, какъ совѣтовалъ ему генералъ Додъ, и вмѣсто того чтобы искать тамъ перехода, броситься на Витгенштейна, охватить его, взять въ плѣнъ. Онъ прибавилъ, что если-бы, возвращаясь въ Польшу послѣ великихъ несчастій, онъ привелъ съ собою плѣнную русскую армію, Европа опять узнала-бы и Наполеона, и Великую армію, и счастіе Имперіи. Воображеніе его разгорячалось по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, и казалось даже вѣроятнымъ это предположеніе, которое украшалъ онъ тысячью подробностей, утѣшаясь имъ въ настоящемъ своемъ бѣдствіи. Генералъ Жомини отвѣчалъ ему только, что это чудесное движеніе было-бы конечно возможно въ Италіи, въ Германіи, въ странахъ, гдѣ вездѣ есть продовольствіе; возможно съ арміею крѣпкою, здоровою, не совершенно изнуренною долгими лишеніями. Онъ могъ бы прибавить, но не въ такую ужасную минуту, что тотъ, кто находилъ, что характеры ослабѣли, самъ чаще всего ослаблялъ ихъ, употребляя во зло ихъ преданность, и что онъ походитъ на неосторожнаго всадника, который загналъ до смерти коня, на которомъ долженъ былъ нестись впередъ.

Наполеонъ не больше думалъ о замѣчаніяхъ, сдѣланныхъ ему, какъ и о своихъ блестящихъ мечтахъ, которыя были только предшествен-

ницами того, на чемъ долженъ былъ остановиться могущественный умъ его. Дѣйствительно, рѣшеніе было принято имъ съ тою непогрѣшительною прозорливостью, которою отличался онъ всякій разъ, когда несчастныя увлеченія не вводили его въ заблужденіе. А опасность была велика и надобно было остерегаться заблужденія. Послѣ разговора съ генераломъ Додомъ, онъ видѣлъ, что идти влѣво, ниже Борисова, было невозможно. Идти вправо было слишкомъ далеко, и онъ раздѣлялъ мнѣніе генерала Жомини, что непріятель могъ предупредить его въ Вильнѣ. Пробиться прямо и идти по кратчайшей дорогѣ къ Вильнѣ, чтобы опередить всѣхъ, кто угрожалъ ему съ фланговъ и сзади, было намѣреніе лучшее, самое благоразумное, хотя самое скромное. Но и тутъ предстояло затрудненіе неизмѣримое, потому что надобно было или отнять у Русскихъ мостъ въ Борисовѣ, или навести другой въ окрестностяхъ, въ то же время какъ непріятель напиралъ со всѣхъ сторонъ—двѣ случайности успѣха маловѣроятнаго, если счастіе Наполеона не будетъ такъ же велико, какъ въ лучшіе дни его. Онъ не отчаявался въ этомъ, и рѣшился двинуться прямо къ Березинѣ, живо устремивъ Удино на Борисово для занятія этого пункта, а если онъ не успѣетъ въ томъ, отыскать мѣсто для перехода черезъ рѣку въ окрестностяхъ.

Сообразно такому рѣшенію, онъ послалъ инструкціи къ Удино, который именно въ это время выходилъ на правый флангъ его, а самъ отправился въ Бобръ, лично наблюдать за исполненіемъ своей воли. Опасность сдѣлаться плѣнникомъ со всею своею арміею возвратила ему пламенную дѣятельность прежняго времени, и вмѣсто императора являлся въ немъ генералъ. Вмѣстѣ съ качествами полководца возвратится-ли къ нему счастіе его? Это было не достовѣрно, однакожъ вѣроятно“.

„Живописная Русская Библіотека“, 1857 г.

Переправа черезъ Березину.

Постройка мостовъ на Березинѣ поручена была командиру понтонныхъ экипажей арміи, генералу Эбле́ и начальнику инженеровъ графу Шасслу. Они прибыли въ Борисовъ 25 ноября. Генералъ Эбле́ привелъ семь ротъ понтонеровъ, въ которыхъ было до 400 человѣкъ; эти роты были въ порядкѣ.

Всѣ матеріалы, необходимыя для постройки, отъ которой зависѣло спасеніе французской арміи, собраны были по распоряженію гене-

Бѣдственное отступленіе французовъ.

рала Эбле́. Онъ приказалъ каждому понтонеру взять въ Смоленскѣ по рабочему инструменту.

Подъ командою графа Шасслу, было нѣсколько ротъ саперовъ и остатки дунайскаго баталіона (морскихъ мастеровыхъ).

Двѣ роты понтонеровъ и двѣ роты саперовъ оставлены были въ Борисовѣ, впредь до новыхъ приказаній и имъ велѣно было дѣлать видъ, будто намѣреваются возстановить разрушенный мостъ или устроить переправу нѣсколько пониже его. Остальная часть отряда выступила въ походъ съ ящиками и кузницами около полудня, и отправилась въ деревню Веселово, гдѣ положено было устроить переправу. Разстояніе отъ Борисова до Веселова составляетъ около шестнадцати верстъ. Отрядъ прибылъ туда къ 5 часамъ. Тамъ находился король неаполитанскій, герцогъ Реджіо, графъ Эбле́ и графъ Шасслу. Положено было построить три моста на козлахъ; постройка двухъ мостовъ была поручена артиллеристамъ, а третьяго-инженерамъ.

26 ноября утромъ, Наполеонъ отдалъ приказъ наводить мосты, и тотчасъ начаты были два моста, саженяхъ въ ста одинъ отъ другого. Въ тоже время нѣсколько кавалеристовъ переправились вплавь; за каждымъ изъ нихъ сидѣлъ вольтижеръ; потомъ переправили на плотахъ триста или четыреста человѣкъ пѣхоты. Ожидали сильнаго сопротивленія со стороны непріятелей: ночью въ ихъ лагерѣ видно было много огней. Однакожъ Русскіе не принимали никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать постройкѣ мостовъ. Только въ три часа продолжалась слабая перестрѣлка. Появились казаки, и въ довольно большомъ числѣ; но ихъ удерживали французскіе конные и пѣшіе стрѣлки и баттарея, расположенные на лѣвомъ берегу.

Въ часъ по-полудни правый мостъ былъ готовъ. Онъ назначался только для пѣхоты и кавалеріи, потому что для настилки употреблены были однѣ плохія полудюймовки.

Прежде всѣхъ перешелъ черезъ мостъ второй корпусъ подъ командою маршала Удино. Наполеонъ, съ самаго утра не покидалъ береговъ Березины, сталъ при въѣздѣ на мостъ, чтобы видѣть какъ проходитъ второй корпусъ. Всѣ полки были въ полномъ порядкѣ и высказывали большое рвеніе (къ бѣгству?). Съ нѣкоторыми предосторожностями перевезли черезъ мостъ осьми-фунтовое орудіе и одну гаубицу съ ихъ ящиками, и сверхъ того нѣсколько ящиковъ съ патронами.

Герцогъ Реджіо пошелъ прямо на лагерь русской дивизіи. Она отступила. Надобно полагать, что Русскіе были обмануты движеніями

французскихъ войскъ и приготовленными къ переправѣ около борисовскаго моста. Сначала они, повидимому, не знали, гдѣ французская армія переправляется; но подъ-вечеръ возобновили наступательныя дѣйствія. Однакожъ Французы удержали за собою позицію, которая господствовала надъ переправою.

Лѣвый мостъ быъ назначенъ для артиллеріи и повозокъ. Постройку его надобно было пріостановить часа на два для того, чтобы скорѣе окончить правый мостъ, лѣвый былъ готовъ къ 4-мъ часамъ. Артиллерія начала переправлятѣся. За нею и обозъ.

Несмотря на всѣ неудобства и препятствія, переправа производилась довольно скоро, до этихъ поръ переходили только корпуса, сохранившіе нѣкоторый порядокъ. 27-го большой тѣсноты не было, отсталыхъ было еще не много. Но они начали появляться въ большомъ числѣ ночью на 28 съ ними было множество лошадей и повозокъ. Они произвели такую тѣсноту и такой безпорядокъ, что добраться до мосту было трудно и даже опасно. Графъ Эблé и многіе другіе генералы и офицера не разъ тщетно пытались возстановить порядокъ. Люди, сбросили съ себя спасительное иго дисциплины и большею частію совершенно одурѣли отъ страданій, рѣшительно, никого не слушались. Повозки подъѣзжали къ мосту по тридцати, по сорока въ рядъ; при въѣздѣ на мостъ начинались ссоры, драки и переправа остановилась.

28 ноября утромъ русскіе войска начали совокупныя дѣйствія на обоихъ берегахъ Березины, и безпорядокъ на мостахъ дошелъ до высочайшей степени. Это продолжалось цѣлый день. Всякій хотѣлъ переправиться какъ можно скорѣе, никто не уступалъ, безпрерывно происходили драки, переправа часто прерывалась на долгое время, и производилась съ величайшими затрудненіями, Люди, лошади и повозки, находившіяся въ хвостѣ колонны, были съ самаго начала сраженія осыпаемы ядрами и картечами; само собою разумѣется, что эти несчастные напирали на передовыхъ; такимъ образомъ у мостовъ образовалась сплошная масса въ шесть или семь сотъ саженъ шириною и саженъ въ двѣсти въ глубину, такъ что поле между мостами и деревнею Веселово, покрылось безчисленнымъ множествомъ людей, лошадей, повозокъ, которыя были обращены въ разныя стороны и потому не могли тронуться съ мѣста.

Ретираду прикрывалъ съ самаго утра девятый корпусъ французской арміи. Въ часъ по-полудни Русскіе устроили нѣсколько баттарей, которыя могли дѣйствовать по мосту. Ядра и бомбы, попадая въ

сплошную массу людей и лошадей, производили ужаснѣйшее кровопролитіе. Тутъ начались страшныя бѣдствія. Офицера, солдаты были раздавлены, смяты, затоптаны людьми и лошадьми; многіе попадали въ Березину и потонули; другіе выплыли на берегъ или взобрались на мосты, карабкаясь по козламъ. Множество лошадей было загнано въ рѣку и погибло между льдинами. Многіе погонщики бросили свои повозки, и порядка возстановить было уже невозможно; лошади, покинутыя, на собственный произволъ, собрались въ кучу и стѣснились въ такую плотную массу, что проникнуть въ нее не было никакой возможности.

„Часовъ въ пять по-полудни, когда уже стемнѣло, огонь съ обѣихъ сторонъ прекратился; но переправа, безпрерывно затрудняемая безчисленными препятствіями, производилась съ величайшей медленностью. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, генералъ Эбле рѣшился сдѣлать послѣднее усиліе, чтобы открыть доступъ къ мостамъ и очистить путь для девятаго корпуса, который долженъ былъ переправляться ночью. На это употреблены были полтараста понтонеровъ: надобно было сдѣлать рядъ траншей, просѣкъ въ массѣ человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ и опрокинутыхъ, разломанныхъ экипажей. Эта операція производилась слѣдующимъ образомъ. Понтонеры, прочистивъ дорожку, встаскивали покинутые экипажи на мостъ и оттуда стаскивали ихъ въ воду. Лошадей, съ которыми нельзя было справиться на большой дорогѣ, гнали небольшими партіями на мостъ. Направо и налѣво отъ большой просѣки сдѣланы были отверстія, для прохода людей и проѣзда экипажей, которые еще были заложены. Лошадиныхъ труповъ накопилось такое множество, что стащить ихъ съ дороги не было никакой возможности и потому люди и экипажи принуждены были съ величайшими затрудненіями пробираться по трупамъ.

Девятый корпусъ покинулъ свою позицію въ 9 часовъ вечера, оставивъ на лѣвомъ берегу нѣсколько постовъ и арріергардъ. Онъ перешелъ мосты въ порядкѣ.

Между тѣмъ на лѣвомъ берегу еще оставались раненые офицеры и солдаты, разные чиновники, женщины, дѣти, казначеи съ своими фургонами, маркитанты, солдаты, еще съ оружіемъ, но изнемогающіе отъ усталости, и множество отсталыхъ, со своими провіантомъ и лошадьми. Всѣ эти люди, за исключеніемъ только больныхъ и раненыхъ, могли-бы, покинувъ лошадей и повозки, перейти черезъ мосты ночью; но какъ скоро огонь Русскихъ прекратился, эти несчастные съ не-

Бѣгство Наполеона изъ Россіи.

постижимой беззаботностью расположились бивуаками. Генералъ Эблѐ нѣсколько разъ посылалъ сказать имъ, что мосты скоро будутъ сожжены.

Часовъ въ пять утра, генералъ Эблѐ велѣлъ сжечь нѣсколько повозокъ, чтобы принудить людей, которые ихъ окружали, двинуться впередъ; эта мѣра произвела дѣйствiе. Маршалъ Викторъ снялъ свои посты и перевелъ ихъ, черезъ мостъ. Это движенiе пробудило наконецъ безпечныхъ. Убѣдившись, что скоро попадутся въ руки, они бросились со своими повозками и лошадьми къ мосту и еще разъ началась страшная суматоха. Генералъ Эблѐ получилъ приказанiе разрушить мостъ въ 7 часовъ утра, но онъ, сколько можно долѣе, откладывалъ эту операцiю, для которой всѣ нужныя приготовленiя сдѣланы были ночью, въ 9 ч. онъ приказалъ поджечь мостъ. Въ эту минуту, лѣвый берегъ Березины представилъ ужаснѣйшее зрѣлище. Мужчины, женщины, дѣти испускали крики отчаянiя. Многiе пытались переправиться на другой берегъ, бросаясь на мосты, уже обхваченные пламенемъ; другiе пускались вплавь черезъ рѣку, по которой шелъ сильный ледъ; иные пошли было черезъ ледъ, остановившiйся между мостами; но ледъ былъ еще не крѣпокъ, подломился и всѣ они погибли, часовъ въ 9 прискакали казаки и взяли въ плѣнъ всю эту толпу, которая, большею частiю, сдѣлалась жертвою своего ослѣпленiя.

Генералъ Эблѐ собралъ свой отрядъ и пошелъ вслѣдъ за армiею по дорогѣ на Зембинъ.

Казаки производившiе рекогносцировку, приблизились и взяли въ плѣнъ всѣхъ тѣхъ, которые остались на лѣвомъ берегу. Число плѣнныхъ, простиралось до 5.000. На лѣвомъ берегу Березины оставлено было до 4.000 лошадей и до 600 разныхъ экипажей; но вся артиллерiя перебралась на правый берегъ, за исключенiемъ только нѣсколькихъ отсталыхъ или разбившихся ящиковъ и трехъ или четырехъ орудiй, которые запутались далеко отъ моста между экипажами.

Аррiергардъ французской армiи занялъ позицiю верстахъ въ шестнадцати отъ Березины, для прикрытiя дефилея верстъ въ семь длиною, въ болотистомъ лѣсу, по которому проходила дорога такая узкая, что два экипажа не могли-бы разъѣхаться. Этотъ дефилей, по бокамъ котораго нельзя было ни проѣхать верхомъ ни даже пройти пѣшкомъ, оканчивался тремя большими мостами, устроенными изъ соснового лѣсу, одинъ вслѣдъ за другимъ, черезъ ручьи и болота, еще не замерзшiе. Въ интервалахъ между ними, каждый саженъ во сто, шла гать, сдѣланная изъ фашинъ и глины.

Маршалъ Ней, принялъ начальство надъ арріергардомъ, поджидалъ при выходѣ въ лѣсъ генерала Эблѐ и сообщилъ ему повелѣніе Наполеона сжечь эти три моста.

„Графъ Ларибоассіеръ опасно захворалъ, и генералъ Эблѐ, который тоже былъ нездоровъ, назначенъ 9 декабря въ Вильнѣ командиромъ артиллеріи. Онъ тотчасъ принялся съ обыкновенною своею дѣятельностію за исполненіе обязанностей, которыя были возложены на него въ такую критическую минуту. Но онъ не выдержалъ всѣхъ этихъ трудовъ и скончался въ Кенигсбергѣ, 30 декабря, черезъ нѣсколько дней послѣ генерала Ларибоассіера.

Библіотека для чтенія, 1844 г.

Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ.

Было 23 ноября.

Послѣ двухдневной, непрерывной бури и метели, настала тихая, ясная погода. День стоялъ солнечный; морозъ былъ свыше двадцати градусовъ. По бѣлому ярко-блестящему полю, столбовою, обставленною вербами дорогой, несся на полозьяхъ, съ обитыми потертымъ волчьимъ мѣхомъ стеклами, жидовско-шляхетскій возокъ, въ какомъ тогда ѣздили зажиточные поссессоры, арендаторы и помѣщики средней руки. За нимъ слѣдовала рогожная кибитка, съ полостью, въ видѣ зонтика. Оба экипажа охраняло конное прикрытіе изъ нѣсколькихъ сотъ, смѣнявшихся по пути, польскихъ улановъ. Снѣгъ визжалъ подъ полозьями. Красивые султаны, мелькавшіе на шапкахъ прикрытія, издали казались цвѣтками мака на снѣжной равнинѣ.

Въ возкѣ, въ медвѣжьей шубѣ и въ такой-же шапкѣ, сидѣлъ Наполеонъ. Съ нимъ рядомъ, въ лисьемъ тулупѣ, — Коленкуръ; напротивъ нихъ, въ буркѣ,—генералъ Раппъ. На козлахъ, въ мужичьихъ, бараньихъ шубахъ, обмотавъ, чѣмъ попало, головы, сидѣли мамелюкъ Рустанъ и, въ качествѣ переводчика, польскій шляхтичъ Вонсовичъ. Въ кибиткѣ слѣдовали оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ адъютантъ Мутонъ. Наполеонъ ѣхалъ подъ именемъ „герцога Виченцскаго", то-есть Коленкура.

— Да гдѣ-же ихъ проклятые села, города?—твердилъ Наполеонъ, то и дѣло высовывая изъ медвѣжьяго мѣха иззябшій, покраснѣвшій носъ и съ нетерпѣніемъ приглядываясь въ оледенѣлое окно:—пу-

стыня, снѣгъ и снѣгъ... ни человѣческой души! Скоро-ли стоянка, перемѣна лошадей?

Раппъ вынулъ изъ-подъ бурки серебряную луковицу часовъ и, едва держа ихъ въ окостенѣлой рукѣ, взглянулъ на нихъ.

— Перемѣна, ваше величество, скоро,—сказалъ онъ:—а стоянка, по росписанію, еще за Ошмянами, не ближе, какъ черезъ четыре часа.

— Есть съ нами провизія!—спросилъ Наполеонъ.

— Утромъ, ваше величество, за завтракомъ,—отозвался Коленкуръ—вы все изволили кончить: фаршированную индѣйку и страсбургскій пирогъ.

— А ветчина?

— Остались кости, вы велѣли отдать проводнику.

— Сыръ?

— Есть кусокъ стараго.

— Благодарю; горькій и сухой, какъ щепка. Ну, хоть бѣлый хлѣбъ?

— Ни куска; Рустанъ подалъ за дессертомъ послѣдній ломоть.

Верстъ черезъ пять, путники на бѣлой полянѣ завидѣли новый, конный пикетъ, грѣвшійся у костра, близъ пустой, раскрытой корчмы, и новую ожидавшую ихъ смѣну лошадей. Наполеонъ, сердито поглядывая на перепряжку, не выходилъ изъ экипажа. Возокъ и кибитки помчались далѣе. Наполеонъ дремалъ, но на толчкахъ просыпался и заговаривалъ съ своими спутниками.

— Да, господа,—сказалъ онъ, какъ-бы отвѣчая на занимавшія его мысли, — ко всѣмъ нашимъ бѣдствіямъ, здѣсь еще и явственная измѣна. Шварценбергъ, вопреки условію, отклонился отъ пути дѣйствія великой арміи; мы брошены на произволъ собственной участи... И какъ сражаться при такихъ условіяхъ?

Возокъ въѣхалъ на сугробъ и быстро съ него скатился.

— А стужа? а эти казаки, партизаны? — продолжалъ Наполеонъ:—они въ конецъ добиваютъ наши обезсиленные, разрозненные легіоны. Подумаешь, эта дикая, негодная конница, способная производить только нестройный шумъ и гамъ... она безсильна противъ горсти мѣткихъ стрѣлковъ,—а стала грозною въ этой непонятной, безсмысленной странѣ... Наша превосходная кавалерія истреблена безкормицей; пѣхоту интенданство оставило безъ шубъ и безъ сапогъ... всѣ, наконецъ, голодаютъ.

На лицѣ новаго цезаря его спутники прочли, что—голодъ дѣйст-

вительно скверная вещь. Проѣхали еще съ десятокъ верстъ. Вечерѣло. Наполеонъ, чувствуя, какъ мучительно ноютъ иззябшіе пальцы его ногъ, опять задремалъ.

— Нѣтъ, не въ силахъ, не могу! — рѣшительно сказалъ онъ, хватаясь за кисть окна:—у перваго жилья мы остановимся. Найдемъ-же тамъ хоть кусокъ мяса или тарелку горячаго.

— Но, ваше величество,—сказалъ Раппъ,—не безпокойтесь; до назначенной по маршруту стоянки не болѣе двухъ часовъ. Это замокъ богатаго и преданнаго вамъ здѣшняго помѣщика... Вонсовичъ ручается, что все у него найдемъ...

— Чортъ съ вашимъ маршрутомъ и замкомъ; я голоденъ, шутка-ли, еще два часа! не могу...

— Но намъ до ночи надо проѣхать Ошмяны...

Наполеонъ не вытерпѣлъ. Онъ съ сердцемъ дернулъ кисть, опустилъ стекло и высунулся изъ окна. Верстахъ въ трехъ впереди, вправо отъ дороги, виднѣлось какое-то жилье.

— Мыза!—сказалъ императоръ,—очевидно, зажиточный домъ и церковь. Мы здѣсь остановимся.

— Простите, ваше величество,—произнесъ Коленкуръ,—это противъ росписанія, и васъ здѣсь не ожидаютъ...

— При этомъ, возможно и нападеніе, засада,—прибавилъ Раппъ.

— Что вы толкуете! поселокъ среди открытой, ровной поляны,— сказалъ Наполеонъ: — ни лѣса, ни холма! а нашъ эскортъ? Велите, герцогъ, заѣхать.

Коленкуръ остановилъ поѣздъ и для развѣдки послалъ впередъ часть конвоя. Возвратившіеся уланы сообщили, что на мызѣ, повидимому, все спокойно и благополучно. Возокъ и кибитка направились въ сторону, къ небольшому, подъ черепицей домику, рядомъ съ которымъ были конюшня, амбаръ и людская изба. За домомъ, въ занесенномъ снѣгомъ саду, виднѣлась деревянная церковь, за церковью — небольшой, пустой поселокъ.

Обогнувъ домъ возокъ подкатилъ къ крыльцу. Во дворѣ и возлѣ него не было видно никого. Стоявшая на привязи, у амбара, лошадь въ санкахъ показывала, однако, что мыза не совсѣмъ пуста.

Въ сѣняхъ дома путниковъ встрѣтилъ толстый и лысый, невысокаго роста, ксендзъ. За нимъ у стѣны жался какой-то подростокъ. Одежда, видъ и конвой путниковъ смутили ксендза. Онъ, блѣдный, растерянно послѣдовалъ за ними. Войдя въ комнату, Наполеонъ сбро-

силъ на подставленныя руки Рустана и Вонсовича шубу и шапку и, оставшись въ бархатной, на ватѣ, зеленой курткѣ, надѣтой сверхъ синяго егерскаго мундира, присѣлъ на стулъ и строго взглянулъ на Вонсовича.

— Кушать государю!—почтительно согнувшусь, шепнулъ Вонсовичъ священнику.

Пораженный вѣстью, что передъ нимъ императоръ французовъ, ксендзъ въ молчаливомъ изумленіи глядѣлъ на Наполеона, съ котораго Рустанъ стягивалъ высокіе, на волчьемъ мѣху, сапоги.

— Чего-нибудь, — продолжалъ Вонсовичъ: — ну, супу, борщу, стаканъ грѣтаго молока. Только скорѣй...

— Нѣтъ ничего! — жалостно проговорилъ ксендзъ, сложивъ на груди крестомъ руки.

— Такъ бѣлаго хлѣба, сметаны, творогу.

— Ничего, ничего!—въ отчаяніи твердилъ помертвѣлыми губами священникъ,—гдѣ же я возьму?—все ограбили сегодня прохожіе солдаты.

— Что онъ говоритъ?—спросилъ Наполеонъ.

Вонсовичъ перевелъ слова священника.

— Они отбили мою кладовую,—продолжалъ ксендзъ,—угнали послѣднюю мою корову и порѣзали всѣхъ птицъ... я остался, какъ видите, въ одной рясѣ и самъ съ утра ничего не ѣлъ.

— Но можно послать на фольваркъ,—замѣтилъ Вонсовичъ.

— О, панъ капитанъ, всѣ крестьяне и мои домочадцы разбѣжались, и если-бы не мой племянникъ, только что подъѣхавшій за мной изъ мѣстечка, я, вѣроятно, погибъ-бы съ голоду, хотя не ропщу... О, его цезарское величество, я въ томъ убѣжденъ, современемъ, все вознаградитъ...

Вонсовичъ перевелъ отвѣтъ и заключеніе ксендза. Наполеонъ при словахъ о грабежѣ и о томъ, что нечего ѣсть, нахмурился. Но онъ сообразилъ, что дѣлать нечего и, что таковы слѣдствія войны для всѣхъ, въ томъ числѣ и для него, и рѣшилъ показать себя великодушнымъ и выше встрѣченныхъ невзгодъ. Милостиво потрепавъ ксендза по плечу, онъ сказалъ ему, черезъ переводчика, что радъ случаю видѣть его, такъ какъ въ жизни встрѣчаетъ перваго священника, который такъ покоренъ обстоятельствамъ и некорыстолюбивъ.

— Да,—вдругъ обратился онъ по-латыни непосредственно къ ксендзу,—у насъ есть общій намъ, родственный языкъ; будемъ говорить по-католически, по-римски.

Остатки Французской арміи близъ Сморгонъ 21-го Ноября 1812 г.

По рисунку Фаберъ-де-Форъ.

Священникъ въ восхищеніи преклонился.

— Я никогда не разставался съ Саллюстіемъ,—сказалъ Наполеонъ:—носилъ его въ карманѣ и съ удовольствіемъ прочитывалъ войну противъ Югурты. А Цезарь?—его гальская война?—мы тоже, святой отецъ, воюемъ съ новѣйшими дикими варварами, съ галлами востока... Но надо покориться лишеніямъ.

Говоря это, Наполеонъ прохаживался по комнатѣ. Радостно-изумленный ксендзъ и свита благоговѣйно внимали бойкимъ, хотя и не вполнѣ правильнымъ римскимъ цитатамъ новаго Цезаря. Въ уютной комнатѣ кстати было такъ тепло. Вечернее же солнце такъ домовито и весело освѣщало скромную мебель въ бѣлыхъ чехлахъ, гравюры по стѣнамъ и уцѣлѣвшіе отъ грабителей горшки цвѣтовъ на окнахъ, что всѣмъ было пріятно.

Наполеонъ еще что-то говорилъ. Вдругъ онъ, нагнувшись къ окну, остановился. Онъ увидѣлъ во дворѣ нѣчто, удивившее и обрадовавшее его. Въ слуховое окно конюшни выглянула пестрая, хохлатая курица. Уйдя днемъ отъ грабителей на сѣнникъ, она озадаченно теперь оттуда посматривала на новыхъ, нахлынувшихъ посѣтителей и, очевидно, не рѣшалась, въ обычный часъ, пробраться въ разоренный птичникъ, на свой нашестъ, какъ-бы раздумывая, а что, какъ поймаютъ здѣсь и зарѣжутъ?

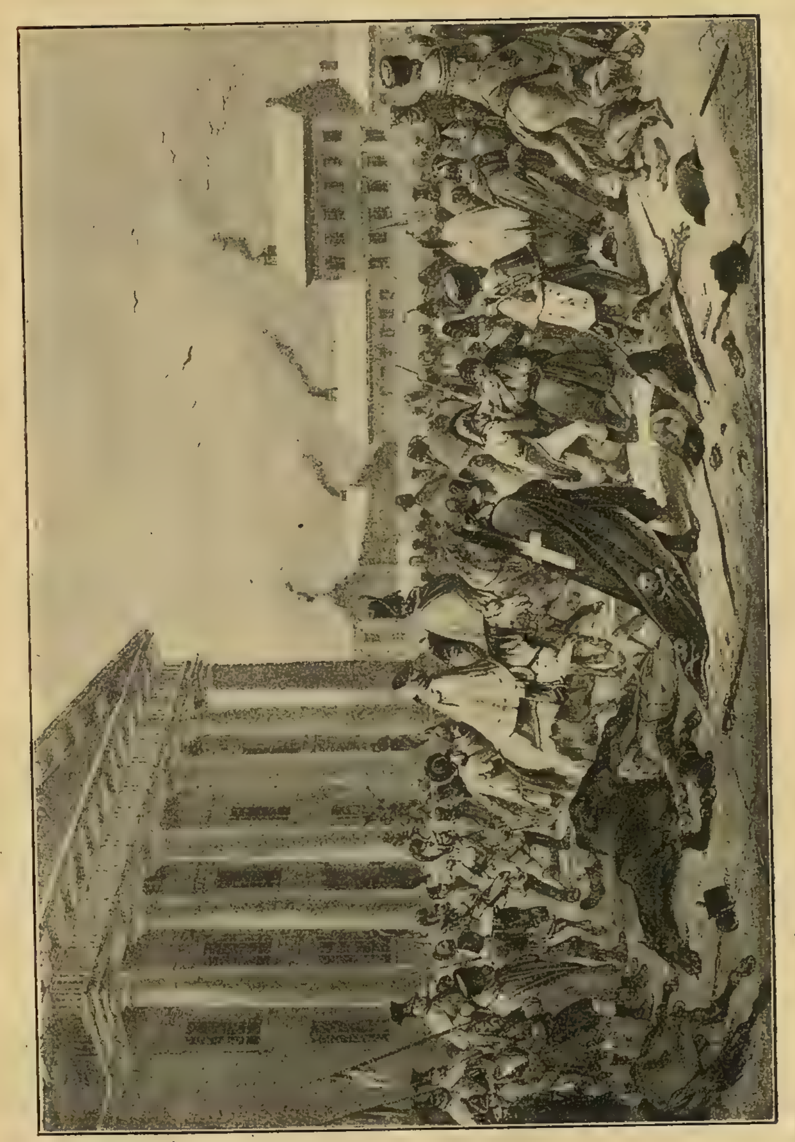
— Reverendissime, ecce pulla!—(почтеннѣйшій, вотъ курица!)—сказалъ Наполеонъ, обращаясь къ священнику.

Ксендзъ и прочіе бросились къ окну... Они, дѣйствительно, увидѣли курицу и выбѣжали на дворъ. Уланы справа и слѣва оцѣпили конюшню и полѣзли на сѣнникъ. Курица съ крикомъ вылетѣла оттуда черезъ ихъ головы въ садъ. Офицеры, мамелюкъ Рустанъ и Мутонъ пустились ее догонять. Имъ помогалъ, командуя и разставляя полы шубы, даже важный и толстый Дюрокъ. Наполеонъ съ улыбкой слѣдилъ изъ окна за этою охотой. Курица была поймана и торжественно внесена въ домъ.

— Si item... если ты такой же умѣлый поваръ,—сказалъ Наполеонъ ксендзу,—какъ священникъ, сдѣлай мнѣ хорошую похлебку.

— Съ великимъ удовольствіемъ, государь! (Magna cum voluptate, Caesar!)—нерѣшительно отвѣтилъ ксендзъ,—боюсь только, можетъ не удасться.

Подростокъ племянникъ священника растопилъ въ кухнѣ печь. Рустанъ иззябшими руками ощипалъ и выпотрошилъ зарѣзанную хохлатку.

Великая армія въ Вильнѣ.

— Но, ваше величество,—замѣтилъ, взглянувъ на свою луковицу, Раппъ:—мы опоздаемъ; какую тревогу забьютъ въ замкѣ того помѣщика, гдѣ ожидаютъ васъ, и въ Ошмянахъ!

— А вотъ, погоди, уже пахнетъ оттуда!—отвѣтилъ Наполеонъ, обращая носъ къ кухнѣ:—успѣемъ, еще свѣтло... разставлена-ли цѣпь?

— Разставлена...

Похлебку приготовили. Къ дивану, на которомъ сидѣлъ Наполеонъ, придвинули столъ. Въ виду того, что вся посуда у ксендза была ограблена, кушанье принесли въ простомъ глиняномъ горшкѣ; у солдатъ достали походную деревянную ложку.

— Дивно, прелесть! (Optime, superrime!)—твердилъ Наполеонъ, жадно глотая и смакуя жирный, душистый наваръ.

Мамелюкъ прислуживалъ. Онъ вынулъ куриное мясо, разрѣзалъ его на части своимъ складнымъ ножомъ и подалъ на опрокинутой крышкѣ горшка часть грудинки, съ крыломъ. Наполеонъ потянулъ къ себѣ всю курицу, кончилъ ее и, весь въ поту отъ вкусной ѣды, оглянулся на руки Рустана, державшаго походную флягу, съ остаткомъ бордо.

— Да это, друзья мои, не бивачная закуска, а цѣлый пиръ!—восторженно сказалъ Наполеонъ, допивъ въ нѣсколько пріемовъ флягу:—я такъ не ѣлъ и въ Тюльери.

— Пора, ваше величество, осмѣлюсь сказать,—произнесъ Коленкуръ,—смеркается, мы здѣсь цѣлый часъ.

Наполеонъ улыбнулся счастливою, блаженною улыбкой, протянулъ ноги на подставленный ему стулъ, безнадежно махнулъ рукой и, какъ сидѣлъ на диванѣ, оперся головой о стѣну закрылъ глаза и, въ теплой, уютной, полуосвѣщенной комнатѣ, почти мгновенно заснулъ. Лица свиты вытянулись. Коленкуръ дѣлалъ нетерпѣливые знаки Раппу, Раппъ—Дюроку; но всѣ раболѣпно-почтительно замерли, и, не смѣя пикнуть, молча ожидали пробужденія усталаго цезаря.

. . . .

. . . .

Наполеонъ проѣхалъ Вильну въ Екатеринин день, 24 ноября, а русскую границу — 26 ноября, въ день св. Георгія. Эту границу императоръ французовъ проѣхалъ въ томъ же жидовско-шляхетскомъ возкѣ, въ которомъ по немъ былъ сдѣланъ неудачный выстрѣлъ въ Ошмянахъ.

Подпрыгивая на ухабахъ въ этомъ возкѣ, Наполеонъ съ досадой

вспоминалъ торжественную прокламацію, изданную имъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, при вступленіи въ невѣдомую для него въ то время Россію.

„Мои народы, мои союзники, мои друзья! — вѣщалъ тогда міру новый могучій Цезарь: — Россія увлечена рокомъ. Потомки Чингисъ-Хана зовутъ насъ на бой, — тѣмъ лучше; развѣ мы уже не воины Аустерлица? Впередъ!—покажемъ силу Франціи, перейдемъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи; отбросимъ эту новую, дикую орду въ прежнее ея отечество, въ Азію“.

Теперь Наполеонъ, вспоминая эти выраженія, только подергивалъ плечами и молча хмурился. Его мыслей не покидалъ образъ сожженной Москвы и его вынужденный, позорный выходъ изъ ея грозныхъ развалинъ.

„За то будетъ меня помнить этотъ дикій, надолго истребленный городъ!—разсуждалъ Наполеонъ, убѣждая себя, что онъ и никто другой—сжегъ Москву“.

Его путь у границы лежалъ по кочковатому, замерзшему болоту. На одномъ изъ толчковъ возокъ вдругъ, такъ подбросило, что императоръ стукнулся шапкой о верхъ кузова и, если-бы не ухватился за сидѣвшаго рядомъ съ нимъ Коленкура, его выбросило-бы въ распахнувшуюся дверку.

— Отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ!—съ горькою улыбкой сказалъ при этомъ Наполеонъ слова, повторенныя имъ потомъ въ Варшавѣ и ставшія съ тѣхъ поръ историческими—знаете, Коленкуръ, что мы такое теперь?

— Вы — тотъ-же великій императоръ, а я — вашъ вѣрный министръ,—поспѣшилъ отвѣтить ловкій придворный.

— Нѣтъ, мой другъ, мы въ эту минуту—жалкіе, вытолкнутые за порогъ фортуной, проигравшіеся до новаго счастья, авантюристы!

А въ то время, какъ не поспѣвая за убѣгавшимъ Наполеономъ и падая отъ голода и страшной стужи, шли остатки его еще недавно бодрыхъ и грозныхъ легіоновъ, въ русскихъ отрядахъ, которые безъ устали преслѣдовали ихъ и добивали, все ликовало и радовалось.

Въ пограничныхъ городахъ и мѣстечкахъ, куда, по пятамъ французовъ, вступали русскіе полки и батареи, шло непрерывное веселье и кутежи. Полковые хоры пѣли: „Громъ побѣды раздавайся!“ Жиды-факторы, еще надняхъ увѣрявшіе французовъ, что всѣ предметы про-

*

довольствія у нихъ истощены, доставляли къ услугамъ тѣхъ, кто теперь оказывался побѣдителемъ, все, что угодно. Точно изъ-подъ земли, въ городскихъ трактирахъ, кавярняхъ и даже въ мѣстечковыхъ корчмахъ появлялись въ изобиліи не только всякіе съѣстные припасы, но даже рѣдкія и тонкія вина. Стали хлопать пробки Клико: полился гдѣ-то добытый и родной „шипунецъ“ — донское цымлянское. Офицеры-стихотворы, вспоминая петербургскія пирушки въ ресторацiи Тардива, слагали распѣваемые потомъ во всѣхъ полкахъ и ротахъ сатирическіе куплеты на французовъ:

Пускай Тардивъ
Въ компотъ изъ сливъ
Мадеру подливаетъ;
А Бонапартъ,
Съ колодой картъ,
Одинъ въ пассьянсъ играетъ...

Ободренные удачей, солдаты не отставали въ дѣлѣ сочинительства отъ начальниковъ. — „Всѣ кузни исходилъ, не кованъ воротился!“ — трунили пѣхотинцы надъ гибнущими французами. — „Ай, донцы-молодцы!“—гремѣли на походѣ пляшущіе съ бубнами и тарелками солдатскіе хоры. У границы вся русская армія весело пѣла на морозѣ общую, гдѣ-то и кѣмъ-то сложенную пѣсню:

За горами, за долами,
Бонапарте, съ плясунами,
Вздумалъ равенъ стать...

Г. П. Данилевскій. Сожженная Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Перечень важнѣйшихъ моментовъ Отечественной войны въ хронологическомъ порядкѣ.

Апрѣля 9-го. Государь выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильно, гдѣ стоитъ 1-я Западная армія.

Мая 17-го. Наполеонъ выѣхалъ изъ Дрездена къ границамъ Россіи.

Іюня 11-го. Наполеонъ пріѣхалъ въ Ковно.

„ 12-го. Войска Наполеона перешли Нѣманъ и вторглись въ Россію.

„ 14-го. Государь на зарѣ изъ Вильно выѣхалъ въ Свѣнцяны.

„ 15-го. Передъ нашимъ авангардомъ показался непріятель въ густыхъ колоннахъ. 1-я армія двинулась къ Свѣнцянамъ.

„ 16-го. Наполеонъ занялъ Вильно.

„ 23-го. Первый бой на берегу Дисны, гдѣ Мюратъ хотѣлъ помѣшать нашей переправѣ.

„ 27-го. 1-я армія вступила въ Дрисскій лагерь.

Іюля 9-го. Государь прибылъ въ Смоленскъ. Между Даву и 2-й арміей былъ бой у Солтановкѣ.

„ 11-го. Государь прибылъ на послѣднюю станцію передъ Москвою.

„ 13-го. Бой у Островны передъ Витебскомъ.

„ 19-го. Битва при Клястицѣ, въ которой Витгенштейнъ отбросилъ отъ Пскова Удино. 1-я армія пришла въ Смоленскъ.

„ 21-го. Багратіонъ, обогнавъ армію, пріѣхалъ въ Смоленскъ на свиданіе съ Барклаемъ.

„ 22-го. Въ Смоленскъ пришла 2-я армія. Государь вернулся въ Петербургъ.

Августа 2-го. Наполеонъ перешелъ Днѣпръ, собралъ армію въ 200 тысячъ и аттаковалъ Красный.

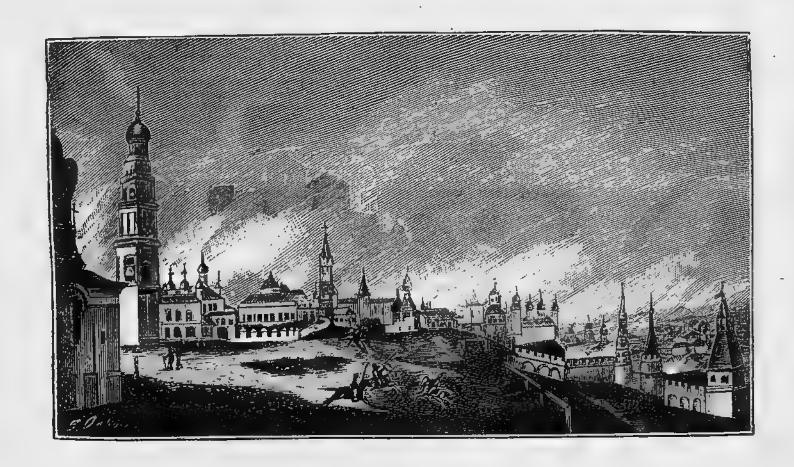
„ 4-го и 5-го. Бой подъ Смоленскомъ.

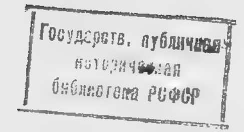
„ 6-го. Русскіе отступили. Наполеонъ занялъ развалины Смоленска.

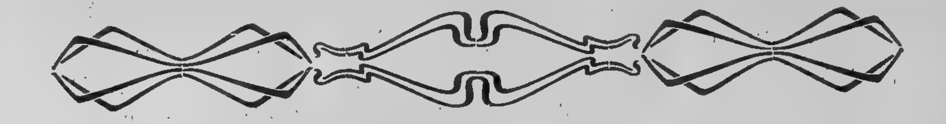
„	8-го.	Кутузовъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ нашихъ войскъ.
„	17-го.	Кутузовъ прибылъ въ Гжатскъ и отправился къ арміи.
„	26-го.	Бородинскій бой.
Сентября	1-го.	Совѣтъ въ Филяхъ. Кутузовъ рѣшилъ отдать Москву.
„	3-го.	Наполеонъ вступилъ въ Москву.
„	4-го,	5-го, 6-го и 7-го. Пожаръ Москвы.
„	20-го.	Армія Кутузова вступила въ Тарутинскій лагерь.
Октября	6 го.	Битва при Тарутинѣ. Французы начали выступать изъ Москвы.
„	7-го.	Наполеонъ оставилъ Москву.
„	8-го.	Послѣдній французскій отрядъ оставилъ Москву, взорвавъ Кремль въ 5-ти мѣстахъ.
„	11-го.	Русскій отрядъ вступилъ въ Москву. Кутузовъ вышелъ изъ Тарутина.
„	13-го.	Сраженіе подъ Мало-Ярославцемъ.
„	14-го.	Первая церковная служба въ Москвѣ со времени ухода французовъ.
„	22-го.	Сраженіе при Вязьмѣ. Вьюга.
„	28-го.	Разбитая великая армія добралась до Смоленска. Морозъ 19 гр.
Ноября	3-го.	Первый бой подъ Краснымъ. Нанесено пораженіе Наполеону.
„	4-го.	Второй бой подъ Краснымъ. Разбитъ вице-король.
„	5-го.	Третій бой подъ Краснымъ. Нанесено пораженіе Даву. Ней оставилъ Смоленскъ, взорвавъ башни и произведя пожаръ города.
„	6-го.	Четвертый бой подъ Краснымъ. Разбитъ Ней.
„	15-го.	Первый день переправы черезъ Березину. Морозъ 16 гр.
„	16-го.	Второй день переправы черезъ Березину. Морозъ 18 гр.
„	17-го.	Третій день переправы. Морозъ 22 гр.
„	24-го.	Наполеонъ оставилъ армію.
„	26-го.	Наполеонъ бѣжалъ черезъ Ковно. Морозъ 29 гр.
„	27-го.	Французы прибѣжали въ Вильно. Морозъ 12 гр.
„	28-го.	Наши войска вступили въ Вильно. Французы бѣжали въ Ковно. Морозъ 20 гр.

„ 30-го. Кутузовъ вступилъ въ Вильно. Морозъ 16 гр.
Декабря 2-го. Платовъ подъ Ковно добилъ остатки. Ушло за Нѣманъ 1.000 вооруженныхъ и 8.000 безоружныхъ.
„ 11-го. Государь прибылъ въ Вильно.
„ 19-го. Ушелъ послѣдній союзный корпусъ Макдональда.
„ 25-го. Высочайшій манифестъ и приказъ по войскамъ.

Отечественная война продолжалась 6 мѣсяцевъ и 3 дня.

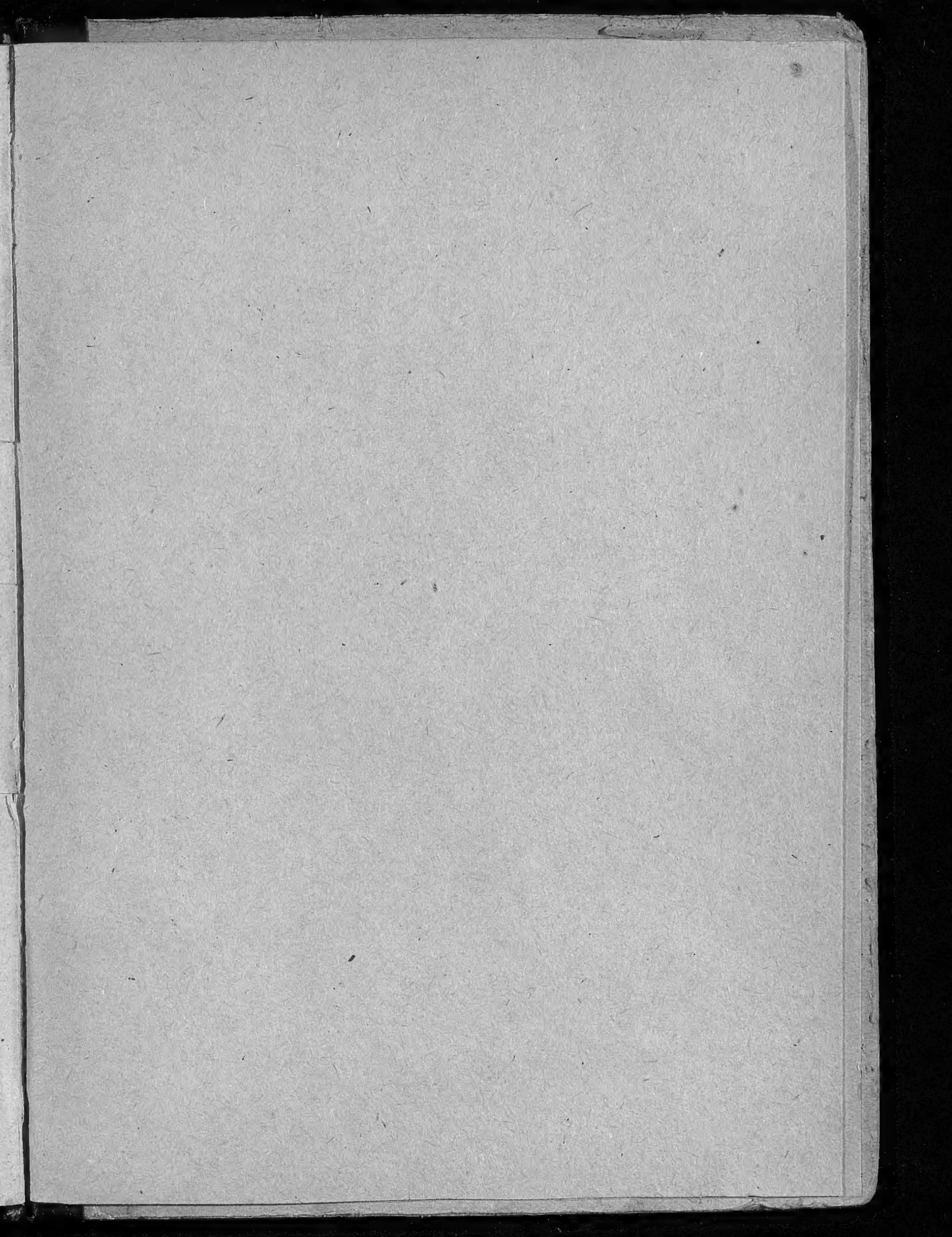

СОДЕРЖАНІЕ.

*Дѣти на войнѣ 1812, 1854—55, 1877—78, 1904 — 905 гг. 4 разсказа Л. Черскаго, съ 17 рисун. въ папкѣ, ц. 50 к.

Огонекъ. Разсказъ Л. Чарской, съ рисун М. Андреева, ц. 35 к.

Самовоспитаніе воли. Жюль Пэйо. Перев. Рапгофа. Спб. ц. 35 к.

Воспитаніе души. Соч. проф. Кратцъ, съ нѣмецк. 2 изд. ц. 20 к.

Воспитаніе воли, души и характера. 2 изд. Гильти, ц. 15 к.

Заколдованный міръ. Волшебныя сказки для дѣтей, соч. Э. Энгельманъ, съ рисун. художн. Г. Штейна. Въ папкѣ, ц. 60 к

*Кавказскія сказки. Преданія и легенды. Соч. Черскаго, съ рис. худ. М. Михайлова. Въ папкѣ, ц. 60 к.

*Генрихъ Песталоцци. Знаменитый педагогъ. Біографическій очеркъ К. Тимофеева. 113 стр. Спб. 1904 г. 4-е изданіе. Ц. 30 к.

*Черкесъ. Соч. Л. Черскаго. Воспоминанія кадета. Съ рисунк. ц. 30 к.

*Бѣдный мальчикъ. Разсказъ Франца Гофмана. Переводъ Федоровой. Съ рисунками. 127 стр., цѣна 40 коп.

Юный гражданинъ, его права и обязанности. Соч. Арнольда Форстеръ. Съ рисунками. Спб., ц. 35 к.

*Молодымъ дѣвушкамъ, дружескіе совѣты. Соч. Миллера, ц. 10 к.

*Скряга Скруджъ. Разсказъ Ч. Диккенса, 2 изд. 1912 г. ц. 15 к.

*Михаилъ - простота. Разсказъ, Б. Пруса ц. 10 к.

*Антекъ. (Антоша). Разсказъ Б. Пруса, ц. 10 к.

„Шарманщикъ". Разсказъ Б. Пруса, ц. 7 к.

*Колдунья. Разсказъ Э. Оржешко, ц. 15 к.

Приключеніе Яси разск. Э. Оржешко съ рисун. ц. 20 к.

*Молодымъ нашимъ юношамъ дружескіе совѣты. Соч. Миллера, ц. 10 к.

Контрабандистъ. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рис. въ папкѣ Спб. цѣна 45 коп.

Золотоискатель. Разсказъ Фр. Гофмана. Съ рис. въ папкѣ, 85 стр. 40 к.

Веселое лѣто. Разсказы для Г. Гейерстамъ, переводъ со шведскаго, съ рисунками. Спб. Ц. 50 к.

Деревенскій адвокатъ. Разсказъ Э. Оржешко, ц. 15 к.

*Татарская неволя. Разсказъ Сенкевича, ц. 10 к.

*За друга. Разсказъ С. Лебеды, ц. 5 к.

*„Молодецъ-конь". Разсказъ С. Лебеды, ц. 5 к.

*Поселянка. Разсказъ Г. Сенкевича, ц. 5 к.

*„Водка". Изданіе О-ва „Блага рабочаго", ц. 10 к.

*Завоеваніе Константинополя турками. Соч. Гиббона, ц. 15 к.

*Приключенія маленькаго графа. Соч. Уйда, ц. 30 к.

*За моремъ. Разсказъ Г. Сенкевича, ц. 15 к.

*Княгиня Ольга.—Князь Святославъ. Два историч. разсказа Л. Черскаго. Съ портр. и рисунками, ц. 10 коп.

Плачъ Ярославны.—Евпатій Коловратъ. Два историческ. разсказа, Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 к.

*Сибирскій Князь.—Кулачный бой. — Два историч. разсказа Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 к.

*Богомъ данный (Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ). — Боярская Дума. Два историч. разсказа Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 к.

Скоморохи. Музыка, пѣсни, пляска. — Кружало (Царевъ кабакъ). Два разсказа изъ былого и давно прошедшаго на Руси Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 10 коп.

Святки. Ряженые, игры, угощеніе. Суженый. Русская свадьба. Два историч. разсказа А. Зарина. Съ рисунками, ц. 15 к.

*Въ теремѣ царицы.—Ближайшій бояринъ. Два историческ. разсказа Л. Черскаго. Съ рисунками, ц. 15 коп.

Шемякинъ судъ. О праведномъ судьѣ Шемякинѣ. Преданіе. Съ рисункомъ стариннаго письма. Разсказъ Л. Черскаго ц. 5 коп.

*Шествіе на осляти. (Вербное воскресеніе) въ патріаршее время.— Великъ день (Свѣтлое Христово Воскресеніе). Два историческихъ разсказа временъ царя Алексѣя Михайловича Л. Черскаго. Съ рисунками, цѣна 15 к.

Исторія Греческихъ героевъ. Разсказанная Нибуромъ своему сыну. Перев. съ нѣмецкаго. Съ рисунками. Цѣна 20 коп.